„В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ
БОРЬБЫ И ЛИШЕНИЙ ПРИЯТНО
И РАДОСТНО ИМЕТЬ СВОЮ КОНСТИТУЦИЮ,
ТРАКТУЮЩУЮ О ПЛОДАХ НАШИХ ПОБЕД."
Сталин
ГРАЖДАНЕ СССР
ИМЕЮТ ПРАВО
НА ТРУД,
НА ОТДЫХ, НА
МАТЕРИАЛЬНОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
В СТАРОСТИ,
НА
ОБРАЗОВАНИЕ.
ОГОНЁК
№ 49 ДЕКАБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВСЯ ВЛАСТЬ
в СССР
ПРИНАДЛЕЖИТ
ТРУДЯЩИМСЯ
ГОРОДА И ДЕРЕВНИ
В ЛИЦЕ
СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ.
Статья 3
Конституции СССР

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ—
КОНСТИТУЦИЯ ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА!

Плакат художника Н. Ганфа.

(Издательство «Искусство».)

Плакат художника Д. Пяткина.

На первой странице обложки: агитатор В. М. Артанов проводит беседу о Сталинской Конституции с избирателями в агитпункте 13-го избирательного участка Молотовского района Москвы.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: ЗИМА.

Фото В. Трохачева.

ОГОНЁК № 49 (1226) 3 декабря 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Дети новой Польши приветствуют делегатов Второго Всемирного конгресса сторонников мира.

Во имя лучших радостей на свете

Во имя лучших радостей на свете
Собрались мы со всех концов земли.
К нам на Конгресс пришли с цветами дети,
Как вестники весенние пришли.

Там, за стеной, был город доброй славы —
Здесь голуби летели на стекле,—
И маленькая девочка Варшавы
Среди цветов стояла на столе.

Бывает так: вся сложность пролетает
Пред вами, как простейшая строка;
И я увидел: на плече Китая
Лежит ребенка легкая рука.

И смотрит он веселыми глазами
В огромный мир, как в этот светлый зал,
Как будто слышим нашими сердцами
Все то, о чем еще он не сказал.

Зовут его Анелей или Ядей —
Все имена ему принадлежат,—
И все миры в его чудесном взгляде,
И все дороги перед ним лежат.

И в прелести сияющей и тонкой
Не просто юной жизни торжество:
Все будущее в образе ребенка
Стоит и просит защитить его.

Николай ТИХОНОВ.

ВСЕНАРОДНЫЙ СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

М. МАРИНА

В канун 7 ноября 1924 года товарищ Сталин посетил московский завод «Динамо» и долго разговаривал с рабочими. Под конец беседы он сказал им: «Все в наших руках, товарищи».

Слова товарища Сталина приняли к сердцу не только одни динамовцы — все, кто о них узнавали. Нужны были людям такие слова. Трудные, государственных масштабов задачи, сложные проблемы международных отношений стояли тогда перед советскими людьми.

Спустя двенадцать лет — всего двенадцать! — победы социализма так изменили облик Советской страны, ее народное хозяйство, ее политическое положение, что потребовалось изменение Конституции.

Конституция, принятая в 1924 году, уже не вмещала завоеванного народом. Нужен был новый закон, утверждающий великие права граждан и материальные гарантии их осуществления.

Всегда во всех государствах законы падали на тружеников сверху, «каменным дождем», по выражению Максима Горького.

Советский народ сам создал Основной Закон своего государства. Проект был написан комиссией из представителей народа. Руководил всей работой комиссии лично Иосиф Виссарионович Сталин.

Почти полгода на рабочих собраниях, совещаниях ученых, на конференциях и съездах, среди домашних хозяек и учащихся, во всех даже самых дальних уголках страны хозяева ее — труженики — изучали, обсуждали, дополняли проект нового закона.

Какие то были дни! Ведь для того, чтобы обсуждать Основной Закон страны, надобно было изучить обстановку, в которой она жила тогда, надо было оценить всю грандиозность одержанных ею побед. Даже и те, кому ранее не приходилось еще всерьез задумываться над жизнью, кто видел эту жизнь лишь в радиусе своего завода и ближайшего к своей квартире района, в лучшем случае, в радиусе родного города, даже такие люди, словно в огромной и прекрасной панораме, увидели величие Родины. Увидели ее мощь, ее богатства, познали благороднейшее чувство гордости за нее и гордости за себя: ведь это их дело, они граждане могучего государства. Человек как бы увидел себя впервые в большом зеркале, во весь рост.

В газетах писали тогда об огромной волне активности масс, о трудовых подвигах в честь Конституции, о новых, неисчислимых силах, призванных к общественной деятельности. И это было так.

Вспоминая те знаменательные дни, мы вновь видим вдохновенные лица ораторов, взволнованные, сосредоточенные глаза тех, кто их слушал. И над ними — дорогое лицо. Едва заметная улыбка, спрятанная в усах. Лепесток огонька у трубки. Тогда еще незаметно было седины в его волосах. А в сердце всегда были его слова: «Все в наших руках, товарищи».

А потом страна слушала его доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Доклад о проекте Конституции.

...Когда в Москве рыли котлован одного из цехов Первого подшипникового завода имени Л. М. Кагановича, нашли заржавевшие кандалы. В свое время здесь пролегала дорога к Владимирке — тракту, по которому царские жандармы гнали в Сибирь, на каторгу «политических» — борцов за народное дело.

Вероятно, тот, на ком были эти кандалы, прошел до срока свой тяжкий путь. Кто был он? Рабочий, поднявшийся против произвола хозяина? Студент, схваченный за расклеивание революционных листовок? Сколько их, благородных, самоотверженных, погибло на «этапах», в казематах, на каторге, погибло, не дождавшись победы, во имя которой пошли они на муки и смерть! Судьбы их, уходя в прошлое, не становятся для нас музейной реликвией. Эти судьбы говорят нам о великой борьбе, помогают нам понять и оценить все счастье победы.

Наши судьбы здесь, в этом величайшем документе человечества. Сколько битв смертельных с жестокими врагами выдержано, сколько трудов положено во имя того, чтобы можно было создать вот эту тоненькую книжечку с гербом Советского Союза на обложке! Эту великую хартию прав человека!

Народ наш выразил свое одобрение Конституции, всю свою благодарность ее творцу, свою готовность грудью стоять за каждую букву Основного Закона. Он назвал Конституцию Сталинской.

* * *

Сталинская Конституция — единственная в мире конституция, дающая человеку права и свободы без оговорок и без ограничений. Она закрепляет величайшие победы социализма, вытекающие из содружества двух классов: рабочих и крестьян. Она утверждает Советы депутатов трудящихся — политическую основу государства. Экономической его основой она провозглашает социалистическую собственность на средства производства.

И всем нам близка и знакома от слова и до слова глава десятая: «Основные права и обязанности граждан».

В 1936 году, когда обсуждался народом проект Конституции, больше всего предложений и дополнений вносилось к статьям этой главы. Эти предложения и дополнения были проникнуты чувством государственности, сознанием кровной заинтересованности в материальном процветании Родины. Одни предлагали право на труд назвать великим и почетным правом, другие хотели, чтобы как можно подробнее, яснее и тверже были сформулированы статьи 131-я и 132-я — об охране социалистической собственности и защите Отечества. Женщины считали необходимым записать их право наравне с мужчинами с оружием в руках защищать Родину от врагов.

По нашей Конституции, мы, граждане Советского Союза, имеем огромные права: на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение старости, в случае болезни и потери трудоспособности. В нашей стране установлено равноправие граждан, независимо от национальности, расы и пола. В интересах социалистического общества мы соблюдаем свободу слова, печати, собраний, митингов, объединения в общественные организации. Личность человека у нас неприкосновенна, так же как жилище и тайна переписки. Наше государство предоставляет право убежища иностранным гражданам, если их преследуют за защиту интересов трудящихся, за научную деятельность или за национально-освободительную борьбу.

Когда мы вдумываемся в смысл статей 132-й и 133-й, составленных так же, как и все другие статьи Конституции, доподлинно так, как хотел народ, мы понимаем, что такое наш советский патриотизм. Всеобщая воинская обязанность, являющаяся законом, почетность службы в рядах Вооруженных Сил СССР, защита Отечества, как священный долг каждого гражданина, — какой огромный смысл в этих словах! Весь мир знает, что такое наш советский победоносный патриотизм. Мир видел его на полях сражений, когда народ наш разбил наголову гитлеровские орды и освободил Европу от фашизма.

Сталинская Конституция, даруя нам великие права, обязывает нас свято соблюдать законы, быть дисциплинированными в труде, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, бережно сохранять и укреплять социалистическую собственность, защищать от врагов социалистическое Отечество.

Сталинская Конституция не только декларирует права и свободы граждан Советской страны. Она фактически гарантирует эти права и свободы. Гарантии эти тверды и незыблемы, это гарантии победившего социализма — самого прогрессивного, самого сильного, непрерывно идущего вперед общества, экономика которого не знает кризисов, общества, в котором нет и не может быть безработицы.

Сталинская Конституция — образец и пример государственного закона, к которому стремятся все истинно демократические государства. Конституции буржуазных стран не могут дать никаких материальных гарантий даже тех куцых прав трудящихся, какие они лицемерно декларируют, не могут потому, что «капитализм старый, развивавшийся в целом по линии восходящей, сменился... капитализмом умирающим, капитализмом, развивающимся в целом по линии нисходящей».

Среди множества неопровержимых доказательств разложения и упадка капитализма наиболее убедительны данные о кризисах и безработице — этих неизбежных спутниках капитализма.

Империализм не может использовать для мирных целей гигантские достижения науки и техники. Они сковываются узкими рамками капиталистических производственных отношений. Капитализм стал тормозом прогресса человечества. Одно из основных свойств империализма, как указывал Ленин, — «политическая реакция по *всей* линии».

Гарантии прав и свобод, провозглашенных Сталинской Конституцией, незыблемы и прочны потому, что «...государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно». Так говорил Владимир Ильич Ленин.

Государство сильно, когда целые заводы становятся стахановскими, когда ленинградская работница Муштукова делает на коллегии министерства доклад о лицевых счетах экономии сырья каждым рабочим, когда рабочий Быков пишет книжки о новых методах скоростного резания металла и едет к друзьям за рубежи Родины, чтобы распространить свой опыт как можно шире, когда наша общественная жизнь неразрывно слита с нашей личной жизнью.

Государство сильно, когда оно проводит закон об обязательном для всех начальном, а в городах — семилетнем обучении, когда граждане его стремятся к знанию, когда коллективы целых предприятий учатся, поставив себе целью дать всем рабочим образование не ниже среднего. Улучшение медицинского обслуживания, а оно у нас для всего населения бесплатное, — постоянная забота Советского государства.

И тут нельзя не напомнить о правительстве США, которое за одну неделю расходует средств на подготовку к новой войне больше, чем на все народное образование и здравоохранение за год.

Государство могущественно, когда оно стоит за мир и отстаивает дело мира, когда оно идет впереди могучего лагеря мира. Наши друзья с международной трибуны говорят, что победы СССР «изменили историю всего мира».

Сейчас мы готовимся выбирать местные Советы депутатов трудящихся. Своим первым кандидатом народ называет товарища Сталина.

В районные, сельские, городские, областные, краевые Советы мы выберем лучших людей. Мы дадим им наказ активной и самоотверженной работой продолжать коммунистическое строительство, еще больше укреплять могущество великого нашего государства.

Мы берем в руки тоненькую книжечку с гербом Советского Союза на обложке — и сердцу становится горячо и тесно в груди. Мы, советские люди, — счастливые люди. Каждый из нас чувствует свою руку рядом с миллионами других рук на древке нашего знамени, развернутого стремительным ветром. Сердце становится таким большим, что в нем вмещается Родина; кажется, что глаза видят всю землю, видят всю красоту ее, такой, какой будет она при коммунизме, и сердце снова слышит слова: «Все в наших руках, товарищи».

МИРА НЕ ЖДУТ — МИР ЗАВОЕВЫВАЮТ!

А. СУРКОВ

(Второе письмо из Варшавы)

Польский народ с энтузиазмом встречал делегатов Конгресса. Представители польской общественности приветствуют делегацию Китая.

Двадцать второго ноября 1950 года в 19 часов 20 минут по варшавскому времени закончил свою работу Второй Всемирный конгресс сторонников мира. Семь дней продолжались в Доме польского слова заседания Конгресса. Сто двадцать ораторов, поднимаясь в эти дни на трибуну, заявляли о верности пославших их народов делу мира и дружбы между народами. Делегаты Советского Союза и нового, демократического Китая, французы и итальянцы, англичане и немцы, делегаты из Соединенных Штатов Америки и латино-американских республик, негры из США и с африканского материка, арабы, иранцы, индусы, индонезийцы, бирманцы, представители героически борющихся за свою независимость народов Кореи и Вьетнама, люди всех наций и рас, разных политических убеждений и вероисповеданий, ученые, писатели, деятели искусства, рабочие и крестьяне, иерархи и священники — все они слили свои голоса в едином требовании — мира для человечества.

В этом мощном хоре искренних, уверенных голосов сторонников мира затерялись прозвучавшие досадным диссонансом одинокие выступления наемного клеветника поджигателей войны американца Джона Рогге и жалкая болтовня англичанина Мура, безуспешно пытавшихся посеять ядовитые семена розни. Надо было слышать грозный гул гневного протеста, который прокатывался по залу во время выступления Рогге, чтобы с особой силой почувствовать, как за эти годы возросло и окрепло чувство морального единства борцов за мир, какого высокого уровня достигло их политическое сознание, как безошибочно научились они определять врагов мира, даже если эти враги прикрываются масками «либералов» и «демократов». Трудно забыть момент, когда во время речи американского делегата Чарльза Говарда, беспощадно разоблачавшего подоплеку выступления Рогге, сотни делегатов вскочили на стулья и, показывая пальцами в сторону этого провокатора, на разных языках бросали ему в лицо гневные, обличительные слова.

Советская делегация перед голосованием резолюции.

Терпимый ко всяким оттенкам мнений в вопросах борьбы за мир, Конгресс во всем своем могучем единстве поднялся гневный и непримиримый в момент, когда под сводами зала прозвучал голос врагов мира.

Нерушимое моральное единство великой армии сторонников мира можно было наблюдать и тогда, когда под гром оваций на трибуну поднялась маленькая хрупкая женщина в легкой белой национальной одежде — дочь героического корейского народа Пак Ден Ай. Грозный в своем отпоре вылазкам врага, Конгресс встретил ее появление на трибуне невиданной демонстрацией пламенного чувства уважения к героическому народу, ставшему жертвой кровавой агрессии новых претендентов на мировое господство.

И когда Пак Ден Ай закончила свою речь, сотни людей устремились к трибуне. Женщины и мужчины с глазами, влажными от слез, старались пожать руку дочери героического народа, коснуться ее одежды, сказать ей сдавленным от волнения голосом слова братства и дружбы. Больше пятнадцати минут длилась неудержимая, потрясающая зал овация. Она стала подобной буре тогда, когда китайские делегаты подняли маленькую кореянку на руки и бережно понесли ее в президиум Конгресса.

Величественными манифестациями дружбы и уважения встретил Конгресс и появление на трибуне делегатов героического Вьетнама и славных борцов против франкистского фашизма — испанских республиканцев.

Горячая волна негодования против убийц и палачей, преследующих и убивающих честных людей, самоотверженно борющихся за мир, прокатилась по залу, когда делегат Парагвая поднял над головой окровавленную одежду мужественного борца за мир студента Мариано Роке Алонсо, замученного полицией города Асунсьона.

После того как Пак Ден Ай закончила свою речь, к ней потянулись сотни дружеских рук...

Всеобщее одобрение вызвало выступление известного чилийского поэта Пабло Неруда, предложившего резолюцию протеста против преследований сторонников мира в разных странах.

Широко и разносторонне обсудили делегаты все вопросы, поставленные в докладах Фредерика Жолио-Кюри и Пьетро Ненни.

Заключительным заседаниям предшествовала двухдневная сосредоточенная работа многочисленных комиссий, избранных для обсуждения и подготовки основных документов Конгресса и практических резолюций по различным областям будущей деятельности Всемирного Совета Мира.

В то время как в Большом зале продолжалась с неослабевающим напряжением общая дискуссия, в различных уголках обширного фойе, на заседаниях комиссий деловито обсуждались методы борьбы против пропаганды войны, пути культурных и экономических связей между народами, вопрос об определении агрессии и многое другое. На этих заседаниях выступали десятки ораторов. И если их прибавить к числу ораторов, выступивших на пленарном заседании, то можно безошибочно считать, что, по крайней мере, одна пятая делегатов высказалась на Конгрессе. Это еще более подчеркивает его глубоко демократический характер.

Участники Конгресса навсегда сохранят в памяти минуты, когда в зале заседаний появлялись многочисленные делегации польских трудящихся — женщин, рабочих, крестьян, молодежи и детей, чтобы от имени всего народа приветствовать посланцев мира. Зал гремел неумолкаемыми овациями и слитным гулом взаимных приветствий. Сотни делегатов без слов подпевали мелодии польских песен, поднятых звонкими голосами молодежи. Стоя, взявшись за руки, на десятках языков пели делегаты, зовущие в бой за мир слова «Гимна демократической молодежи». А в перерыве заседания молодежь — европейцы, китайцы, негры, арабы — танцевала с молодыми варшавянами стремительный «краковяк».

Особенно многозначительно и трогательно было выступление детей Варшавы, возрождаемой из пепла и руин. Как бы само будущее человечества, со всеми его светлыми надеждами на счастье и радость, поднялось на эту всемирно-человеческую трибуну мира и напомнило старшим братьям, отцам и матерям о высоком долге перед подрастающими поколениями, о благородной обязанности защитить их от испепеляющих бурь новой мировой войны.

И эти живые голоса народа, перенесшего все ужасы гитлеровской оккупации, и окрыляющая сердца надеждами величественная музыка возрождения древнего города, разрушенного железным вихрем войны, и чувство величайшей ответственности перед миллионами людей, жаждущих мира и созидательного труда,— все это создало на Конгрессе обстановку высокого морального подъема и величайшей сосредоточенности. Чувствовалось, что каждый делегат, поднимаясь на трибуну или беседуя с представителями прессы, старается как можно полнее, яснее, убедительнее высказать то, что поручил ему сказать народ, его пославший, вложить всю силу сердца в борьбу за мир, за дружбу, за братское взаимопонимание между народами и государствами.

Впечатления последнего дня работ Конгресса особенно хочется навсегда сохранить в своей памяти до мельчайших деталей. Для президиума и для членов комиссий этому дню предшествовала бессонная ночь напряженной творческой работы. В то время как в зале заседаний почти до рассвета звучали речи ораторов и делегаты слушали, затаив дыхание, донесшийся до них из Соединенных Штатов голос Поля Робсона, которому поджигатели войны не разрешили приехать в Варшаву, в горячих прениях в политической и редакционной комиссиях уточнялись положения и формулировки документов, которым предстояло через несколько часов облететь весь мир и стать знаменем для объединения новых и новых миллионов борцов.

Утро 22 ноября выдалось солнечное, светлое. Весь город жил тем напряженным ожиданием великих исторических минут, которое царило в зале заседаний и в кулуарах Конгресса. На фабриках, заводах и в учреждениях жители столицы от мала до велика готовились к митингу в честь окончания работ Конгресса. У подъездов Дома польского слова в этот вечер было, как никогда, многолюдно. Делегаты выходили из автобусов, встречаемые приветственными кликами.

К моменту открытия последнего заседания огромный зал был переполнен. И когда на трибуну поднялись члены президиума, усталые от бессонной ночной работы, но радостные и взволнованные, гул оваций снова загремел в зале.

Итальянский социалист Пьетро Ненни по поручению политической комиссии Конгресса зачитал тексты Манифеста и Обращения к Организации Объединенных Наций. Напряженное внимание зала. Взрывы аплодисментов в ответ на четкие формулы документов. Снова сосредоточенная тишина.

И сразу море Конгресса разлилось на реки и ручейки. Большие и малые делегации тут же, в зале и в кулуарах, приступили к обсуждению и голосованию основных документов Конгресса. На десятках языков звучат слова Манифеста и Обращения. На десятках языков идет обсуждение. Вносятся поправки и уточнения. Произносятся слова согласия и одобрения. И то в том, то в другом углу зала вспыхивают долго не смолкающие аплодисменты. Это та или иная делегация, обсудив документ, дружно проголосовала за него и аплодисментами подкрепила свое единодушие.

А пока в зале заседаний шло обсуждение документов Конгресса, в другом конце Варшавы, в зрительном зале недавно восстановленного Национального театра, происходил торжественный акт присуждения Международных премий мира. На сцену, украшенную флагами наций, поднялись члены жюри во главе с Пьетро Ненни. Под несмолкаемые аплодисменты всего зала Ненни объявил имена первых лауреатов Международных премий мира.

Все присутствующие мысленно склонили головы перед светлой памятью писателя-борца Юлиуса Фучика, чья бессмертная книга «Репортаж с петлей на шее» удостоена почетной премии мира.

С восторгом было встречено объявление о присуждении премий мира поэтам Пабло Неруда и Назыму Хикмету, знаменитому художнику Пабло Пикассо и певцу Полю Робсону, писательнице Ванде Якубовской и коллективу, создавшему замечательный фильм «Юность мира».

Когда пишущий эти строки возвращался вместе с другими делегатами из Национального театра в Дом польского слова, торопясь на заключительное заседание, вечереющие улицы Варшавы бурлили бесконечными потоками колонн трудящихся, направлявшихся к месту предстоящего митинга. В городе, где так резки контрасты между леденящими душу руинами и радостными плодами всенародного созидательного труда, звенели песни, в свете прожекторов развевались флаги всех стран мира и синие флаги с белым голубем — эмблемой мира. Как на радостный праздник, шли варшавяне на прощальную встречу с посланцами мира.

А в зале заседаний Конгресса происходил последний, заключительный этап его работ. Горячими овациями делегаты откликнулись на сообщение о результатах голосования за Манифест и Обращение к Организации Объединенных Наций. Проголосовали все делегаты, за исключением троих, голосовавших против, и двоих воздержавшихся.

Делегация чешских женщин преподнесла президиуму Конгресса альбом.

Делегация польских крестьян приветствует Конгресс.

В обстановке торжественной приподнятости проголосовал Конгресс всеми голосами против одного, бесславно провалившегося на Конгрессе провокатора Рогге, за своих посланцев во Всемирный Совет Мира.

Заключительные слова председателя, выразившего от имени Конгресса благодарность польскому народу, правительству и Варшаве за радушие и гостеприимство, слова напутствия передовому отряду борцов за мир на новые подвиги в выполнении их великого долга перед человечеством потонули в громе оваций. Долго аплодировали и пели люди, сердца которых были переполнены радостным чувством исполненного долга. И эту свою радость, это высокое сознание великой ответственности перед народами за мир на земле, делегаты понесли на улицы Варшавы, на митинг, где их чувства и их мысли, полные оптимизма, слились с энтузиазмом народных масс, пришедших приветствовать посланцев народов и разделить с ними радость успешного завершения великого исторического акта.

Новую страницу вписал Варшавский конгресс сторонников мира в славную летопись борьбы народов за мир и счастье человечества. В сознании огромной силы, которая стояла за его плечами, силы всех миролюбивых людей мира, Второй Всемирный конгресс в своем «Манифесте к народам мира» заявил:

«Мира не ждут — мир завоевывают. Объединим наши усилия и потребуем прекращения войны, которая сегодня опустошает Корею, а завтра угрожает пожаром всему миру.

Выступим против попыток вновь разжечь очаги войны в Германии и Японии.

Вместе с 500 миллионами людей, подписавших Стокгольмское Воззвание, потребуем: запрещения атомного оружия, всеобщего разоружения, контроля над этими мероприятиями. Строгий контроль над всеобщим разоружением и уничтожением атомного оружия технически возможен. Нужно только этого захотеть.

Заставим принять законы, карающие за военную пропаганду. Представим депутатам наших парламентов, нашим правительствам и Организации Объединенных Наций свои предложения в защиту мира, выработанные Вторым Всемирным конгрессом сторонников мира.

Силы мира во всех странах достаточно велики, голоса людей мира звучат достаточно громко для того, чтобы общими усилиями мы могли настоять на встрече представителей пяти великих держав.

Второй Всемирный конгресс сторонников мира с небывалой силой доказал, что люди, съехавшиеся из пяти частей света, несмотря на различия во взглядах, могут договориться между собой, чтобы предотвратить бедствия войны и сохранить мир.

Пусть правительства действуют таким же образом, и дело мира будет спасено».

Эти слова призыва к народам мира уже разнеслись по всей земле. И никакая клевета, никакая ложь и злопыхательство преступников против человечества не смогут заглушить голос совести человечества, прозвучавший с трибуны Второго Всемирного конгресса сторонников мира. Принятый Конгрессом манифест найдет отклик в сердцах всех честных людей на земле, и движение сторонников мира объединит в своих рядах сотни миллионов новых участников, готовых активно бороться за мир.

В то время как заокеанские поджигатели войны все циничнее и наглее превращают Организацию Объединенных Наций в жалкий придаток государственного департамента, приведя в действие машину голосования послушного большинства, не отражающего подлинных интересов народов, им представляемых, избранный на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира Всемирный Совет Мира будет могучей международной инстанцией, опирающейся на авторитет всех народов мира, исполненных стремления к миру и безопасности. Эта авторитетная инстанция призвана заставить силой общественного мнения органы, ответственные за сохранение мира, выполнять свои обязанности перед человечеством.

Могуч и непобедим Всемирный лагерь сторонников мира. В авангарде великой армии борцов за мир идут народы Советского Союза, осуществляющего последовательную мирную политику. И великим знаменосцем мира все люди, борющиеся за мир и дружбу между народами, по праву называют нашего гениального вождя товарища Сталина.

В Доме польского слова в дни Конгресса
Рисунок английского художника
П. Хогарта

Свадьба на Житомирщине

В. КУЧЕР,
П. ЛОМАНЧУК

Фото О. Кнорринга

Богатая осень пришла в украинские села. Отозвалась она обильными урожаями, зашептала молодыми лесными полосами в степях, засверкала огнями новых электростанций, принесла с собою щедрый трудодень. Выдано на него много хлеба и денег. Тесно стало на мельницах, многолюдно в сельских и городских магазинах. Колхозники мелют пшеницу и рожь, закалывают кабанов, взбивают свежее масло, покупают одежду, обувь, мотоциклы, радиоприемники, легковые автомобили...

Музыка и песни не умолкают по вечерам. А песня поется и музыка играет, когда полно в закромах, а столы ломятся от вкусных яств и переливаются в высоких бокалах крепкие меды и настоенные вина, когда люди уверены в своем завтрашнем дне...

Молодожены Маруся и Василь Макаренко.

Золотая пора стоит на Украине — в селах начались свадьбы. По дорогам несутся в упряжке кони, убранные лентами, позванивая колокольчиками. Мчатся с ветерком колхозные машины, украшенные яркими букетами цветов. Молодым все уступают дорогу — едут они после свадьбы в фотографию, чтобы запечатлеть незабываемый день в их жизни...

Свадьбу справляют всем селом. Земля гудит от пляски, и далеко-далеко разносится звонкая песня «Открывайте двери, невеста идет!»

...Местечко Родомышль на Житомирщине. Бурлит большая ярмарка на площади. Тесно на ней и от людей и от всякого обилия. Груды яблок, горы масла, молоко, картофель, яйца, мед, сметана. На выбор ситец и шелка, бархат и сукна, сапоги и туфли, калоши и боты, шапки и валенки. Чего только тут нет! Подходим к колхозному шоферу:

— Послушай, человек добрый, а ты не знаешь часом, где тут у вас свадьба сегодня?

— Свадьба? — удивляется шофер. — Да свадьбы теперь кругом, по всем селам. А если вам так хочется на свадьбу сейчас, то держите путь прямо в село Краснобирку. Я там сегодня проезжал и молодую видел. Приглашала на праздненство. Счастливой дороги!

За сосновым бором раскинулось село Краснобирка. У пруда словно снег выпал, так бело кругом от гусей и уток. Красуется на околице чистый и просторный хозяйственный двор укрупненного колхоза имени Калинина. Всего лишь несколько дней, как колхоз села Краснобирка объединился с колхозом села Межиричка.

Чистые прямые улицы, сады вокруг, клуб, радиоузел, электростанция.

Председатель укрупненного колхоза Антип Роговченко с гордостью сообщает, что в этом году артель собрала на всей площади по 500 центнеров кормовой свеклы с гектара, по 20 центнеров ячменя и по 15 — пшеницы и жита. А хмель какой уродился!..

Но вот и молодая с дружками навстречу нам идет: в венке, ярких лентах, цветах. «Маруся Роговченко,— говорит председатель, — стахановка наша».

Зарделась Маруся, глаза горят. Она трижды кланяется в пояс, приветливо говорит:

— Просылы батько, просылы матуся, и я прошу — прыходьте до мене на весилля!

— Спасибо, Маруся, желаем тебе счастья в новой жизни!

Председатель колхоза спрашивает:

— А ты уже всех обошла, Маруся?

— Ой, где там! Одних родичей у меня, почитай, семей сорок. А еще ж вся бригада наша. Целый день хожу...

И торопливо пошла дальше — молодая, красивая, только ленты зашелестели на ветру вслед за нею. Маруся заходит чуть ли не в каждую хату, целует всех, приглашает на свадьбу.

Старые женщины плачут — молодость свою вспоминают. Не такая она им выпала, как Марусе: была темная, горькая...

Вечером к молодой в хату собрались все ее подруги, затянули свадебные песни. Посадили Марусю на пуховую подушку, дружки Надежда, Ганна и Вера заплетают ей косу.

В кухне тем временем допекают, доваривают, дожаривают. На столе лежит громадный и пышный каравай. Мать Олена Степановна хлопочет вместе с помощницами. Батько Степан Микитович в кладовой еще раз осматривает запасы. Не мало ли? Сто литров одной водки, штабель ящиков с пивом, бочка хлебного квасу, вина разные да наливки. Верно, не меньше и у свата — отца жениха — в каморе стоит. Хватит на всех гостей, если даже будут гулять не один день.

Степан Микитович ждал этого праздника долго. За счастье дочери сражался он в партизанах, потерял ногу в бою с фашистами под Тернополем.

Сидит Маруся за столом, а подруги волосы ее расчесывают, заплетают. Ганна Чорна — бригадир — ленты расправляет и выводит песню какую-то печальную. А Марусе смешно: какая ж теперь ей печаль?

— Давайте повеселее, девчата! — встряхивает косами Маруся, и Лида Шумило сразу же заводит высоким голосом:

Я надіну біле плаття,
Та й піду на пінію.
Запиши мене,
миленький,
На свою фамілію!..

Вокруг подруженьки, как горлицы, в песню изливают свою девичью радость. Многим из них

— Просылы батько, просылы матуся, и я прошу — прыходьте до мене на весилля!— приглашает Маруся.

в эту же осень предстоит вот так же сидеть на подушке, и, как Маруся, будут они приглашать людей на свою свадьбу.

В хате ни одного хлопца. Это последний для Маруси девичник. Завтра она уже станет женою любимого Василя Макаренко, лучшего локомобилиста в колхозе. Девчата откровенно завидуют Марусе. Ну еще бы! Такой муж!

До поздней ночи звенели песни в хате на краю села. А наутро, когда солнце осушило росу, встрепенулось село от бравурного марша. По широкой улице направляется к своей нареченной жених — демобилизованный боец Советской Армии Василь Макаренко. В синем костюме, кремовой сорочке, с восковым цветком на груди. По обеим сторонам от него шествуют сельский почтальон Василь Тарасюк и колхозник Петро Роговченко. Тут куда ни кинь — всюду Роговченки. Недаром только у одной Маруси сорок родичей!

Жених пошел на марусин двор, а за женихом — оркестр

Жених пошел на марусин двор, а за ним оркестр. Музыканты ударили польку, закружилась в пляске молодежь, и двор стал тесен. А в хате дружки усадили Василя за стол напротив Маруси, чтоб глядел да любовался, какую красавицу за него отдают. Расплели девчата косу молодой, и вот уже кто-то затянул старинную песню, как Маруся погибала в синем море, а ее спасал Василь.

— Опять грусть-тоску завели, — говорит почтальон. — Вот беда, нету до сих пор новых песен для свадеб. Старые поем, допотопные...

Двор гудит, ходуном аж ходит от танцев. Все прибывают и прибывают гости. Их встречают родители невесты. Подкатила машина из села Межирички. Люди спрыгнули с машины и — знай наших! — сразу в пляс пустились.

Марусе накинули на плечи фату, вывели к воротам и уместили среди подружек на высоком сидении воза. На другом возу сидел Василь с друзьями. Кони, как вихрь, понесли со двора. За ними гости — на машине. И так до самого сельсовета, с песнями и музыкой.

Здесь происходит церемония регистрации. Председатель сельсовета Михаил Иванович Науменко заполняет бланк брачного свидетельства, скрепляет его гербовой печатью. Потом вручает свидетельство Василю, а Марусе — громадный букет живых цветов.

— Желаю вам долгих лет счастливой жизни и плодотворного труда на благо нашей любимой Родины. Такой торжественный день бывает только раз в жизни! Любите же друг друга, дорожите честью семьи. Пусть ваша новая семья будет такой же работящей и сплоченной в труде, как все семьи в нашем селе Краснобирка. Вечный совет вам да любовь!

Молодые, счастливые и смущенные, выходят на улицу. Но не домой держит путь свадебный поезд. Председатель колхоза пригласил молодоженов на хозяйственный двор. А с ними направились туда и все гости, родичи, почти все село.

Чистый, широкий двор, полные склады. Каждое утро отсюда выходят в поле люди. Здесь центр села Краснобирка. Когда утих людской гомон, председатель колхоза Антон Роговченко перед всем народом прочел постановление правления колхоза: выдать денежные и продовольственные подарки молодой колхозной семье.

— А кроме того, — продолжает председатель, — от имени всего колхоза даруем вам на хозяйство телку.

И пока телку подводят к молодоженам, рукоплещет весь народ. А потом к молодым подходит заведующая птицефермой Ульяна Петровна Писаренко. На ее груди орден «Материнская слава» первой степени.

— Дорогие мои, — говорит Ульяна Петровна. — Желаю вам, чтобы жизнь ваша была полной по рубчик! Работайте на славу и счастье нашего колхоза, растите своих детей! И еще желаю, Маруся, чтобы тебе наш батько, дорогой товарищ Сталин, выдал такой же орден за многодетность, как выдал мне.

Ульяна Писаренко крепко целует Марусю, и со всех сторон несутся шутки.

Свадебный поезд трогается к дому Маруси. На главной улице поезд встречают с хлебом-солью молодые колхозники Петро Фещенко и Дмитро Роговченко, чтобы пожелать счастья супругам. Василь с Марусей сходят с воза, принимают хлеб-соль и пьют первую чарку. А музыка не умолкает, и песни льются над селом до звона в ушах!

И снова поезд тронулся в путь. А парубки рассыпаются в пожеланиях:

— Пусть стелется вам ровная дорога весь долгий век, как этот рушник белый! Пусть на ней всегда будет хлеб-соль!

— Едут! Едут!

Засуетилась, забегала по хате мать и потащила во двор мужа. Родители встретили молодых в воротах и до самого порога

Свадебный поезд двинулся в сельсовет, в загс.

— От имени всего колхоза даруем вам на хозяйство телку,— сказал председатель колхоза.

обильно посыпали их пшеницей и хмелем. На счастье, на богатство, на радость и здоровье!

Но как же в этой тесной хате принять столько гостей? Не поместиться тут всем. Столы — они гнутся от яств — выносят во двор. На почетном месте молодые. Перед ними громадный белый каравай, неизвестно в какой печи испеченный, такой он большой и пышный.

Все село собралось во дворе. Наполнены первые чарки, музыканты подняли трубы, а барабанщик замер с колотушкой в руке. Волнуясь, держит первую застольную речь Степан Микитович:

— Люди добрые! Такой день у меня сегодня, такая радость! Давайте же выпьем до дна за самого дорогого отца нашего, за великого Сталина. До дна!

Грянула музыка, и началась богатая колхозная свадьба в хате

— Желаю вам, чтобы жизнь ваша была счастливой и полной по рубчик!— приветствовала молодых Ульяна Петровна.

бывшего партизана Степана Микитовича Роговченко. Молодые поднимали свои чарки, по обычаю обмотав их белыми платками, а женщины только и успевали носить к столу блюда. Вот уже дед Михаль в свои семьдесят четыре года пускается в гопака так, что и молодежи стало завидно. А соседка и ровесница деда Надия Карповна Фещенко, перекрывая музыку, кричит: «Гірко!» Дед Михаль дергает ее за рукав и шипит:

— Ну, чего ты кричишь, старая? «Гірко, гірко!» Хиба им гірко? Им солодко!..

Свадебное пиршество в разгаре. Одни гости выходят из-за стола, сердечно благодаря хозяев, другие занимают их места. А в самом центре Василь с Марусей, веселые, улыбающиеся, счастливые.

Поздно вечером повезли Марусю в хату к молодому мужу, где она будет отныне жить. Встретил их старый Леонтий Макаренко, широко распахнув ворота и двери. И снова загремела свадьба на все село. Рождение новой советской семьи весело и долго праздновал весь колхоз.

...Золотая пора стоит на Украине, пора богатых колхозных свадеб!..

Перевела с украинского Татьяна СТАХ

— Хиба им гірко? Им солодко!..

Самые молодые порты Волги

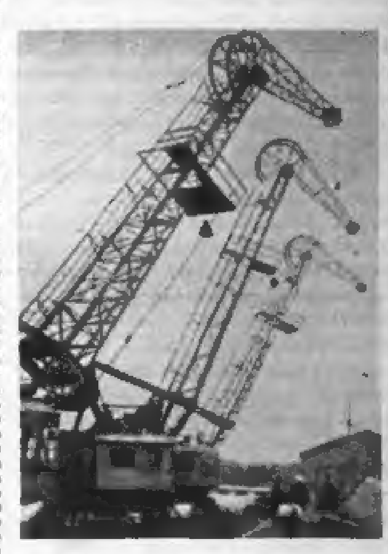
Еще минувшим летом пристань в Ставрополе на Волге считалась третьеразрядной, захолустной. Пассажирские экспрессы и грузовые караваны, не останавливаясь, проходили мимо небольшого городка на левом берегу. Теперь ставропольский рейд — один из самых оживленных на Волге. Стрелы плавучих кранов легко извлекают из судовых трюмов тракторы, автомобили, громоздкие детали строительных машин. На берегу, вдоль причалов, растут штабели леса, бочек, горы камня и песка. Сюда, на строительство Куйбышевской ГЭС, прибывают гигантские экскаваторы с Уралмаша, разборные дома из Карело-Финской республики, шифер из Новороссийска, цемент из Вольска.

Речники успешно соревнуются за быстрейшую доставку грузов для великой стройки. От лесных запаней Камы сквозными стахановскими рейсами в Ставрополь буксировались плоты; каждый из них доставлял столько древесины, сколько могут перевезти двадцать железнодорожных составов. Немало грузов следует на стройку и по железной дороге с перевалкой на воду. Для этого в Куйбышеве создан новый портовый район. Мощные краны перебрасывают грузы из вагонов прямо в трюмы судов. Для перевозки по Волге тяжеловесных машин — экскаваторов, бульдозеров, скреперов — оборудован специальный самоходный паром.

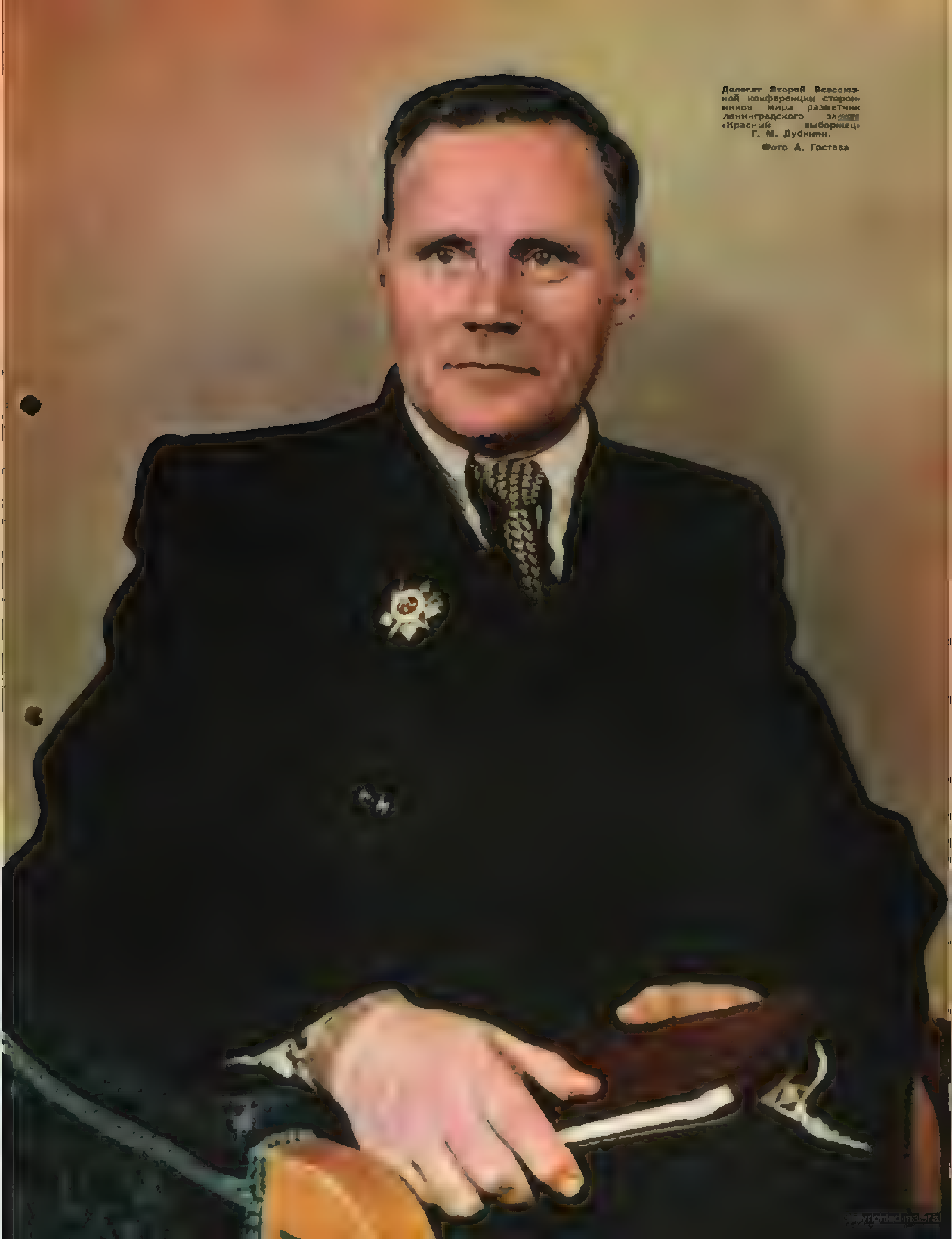
Новым портовым районом обогатился и Сталинград. Оборудованы механизированные причалы, обслуживающие строительную площадку будущей гидростанции. Пароходы «Ласточка», «Узбек», «Донбасс» буксируют караваны с грузами для Сталинградской ГЭС.

Завершая свою первую навигацию, самые молодые порты Волги деятельно готовятся к будущей весне.

С. МЕСЯЦЕВ



Куйбышев. Грузы, предназначенные для строительства ГЭС, перегружаются с железной дороги на воду.



Делегат Второй Всесоюзной конференции сторонников мира разметчик ленинградского за[illegible] «Красный выборжец» Г. М. Дубинин.

Фото А. Гостева

Делегаты Второй Всесоюзной конференции сторонников мира: председатель колхоза «Заветы Ильича», Красноярского края, Герой Социалистического Труда Н. Н. Горбач (слева) и председатель колхоза имени Сталина, Львовской области, Герой Социалистического Труда У. Д. Баштык.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИДЕТ ПО СЕЛУ

Александр МИРОНОВ

Есть такое хорошее, ласковое белорусское слово — «надейка». По-русски это значит — надежда.

Надежду Михайловну Тихонович односельчане часто называют Надейкой.

* * *

По утрам она встает очень рано, еще до света, как принято в деревне: мало ли работы у хозяйки! Надо и завтрак приготовить, и детей в школу отправить, и в квартире прибрать. Время незаметно проходит в хлопотах.

Солнце только-только поднимается над зубчатой стеной дальнего леса, а она уже продолжает свой рабочий день в кабинете председателя сельского Совета.

...Надежда Михайловна идет по широкой длинной улице села. Идет мимо школы-десятилетки, больницы, аптеки, просторного магазина, мимо Дома сельскохозяйственной культуры. Вон там, в стороне, виднеется клуб, за ним — здание маслозавода. В густой зелени парка виден Смолянский сельскохозяйственный техникум, известный далеко за пределами района. А вокруг, куда ни глянь,— дома, дома колхозников, учителей, врачей, агрономов, ветеринаров — всех, кто живет в селе Смоляны, Кохановского района, Витебской области.

А давно ли на месте всех этих построек лежали груды пепла и лишь кое-где торчали закопченные печные трубы!! Пепел и слезы оставили после себя фашистские захватчики на белорусской земле. Страшную картину разорения увидела Надежда Михайловна в родных местах, когда возвратилась сюда из эвакуации сразу же после изгнания гитлеровцев. Вдовы замученных партизан, детишки-сироты, обездоленные, опустошенные горем люди встретили ее.

— Как жить будем, Надейка? — говорили они. — Или не выбраться из беды?

— Выберемся,— отвечала она,— поднимемся, встанем на ноги! Партия нам поможет, весь советский народ. Великий Сталин не оставит в беде.

Трудное это было время: ни хлеба, ни семян, ни скота, ни крыши над головой.

...Надежду Михайловну избрали председателем Смолянского сельского Совета депутатов трудящихся.

Не пересказать, не перечислить всего, что пришлось пережить, преодолеть за истекшие с тех пор годы. Только шесть с небольшим лет прошло, а Смоляны не узнать, будто и не было той страшной разрухи, будто никогда не видала Надежда Михайловна иссушенных великим горем людских глаз.

Трудящиеся послали коммунистку Надежду Михайловну Тихонович своим депутатом в Верховный Совет БССР, потому что верят ей, уважают и любят ее, как близкого, родного человека.

* * *

На стене небольшого, скромно обставленного кабинета председателя сельсовета — портрет товарища Сталина.

За письменным столом — слуга народа Надежда Михайловна Тихонович.

Сегодня день председателя сельсовета начался не совсем обычно. Хотя такие дни бывали и раньше, Надежда Михайловна не может не волноваться. Кабинет заполнили женщины, некоторые с грудными малышами на руках. Надежда Михайловна знает их всех, как и они знают ее. В жизни каждой из них сегодня происходит торжественное, праздничное событие, которое останется памятным навсегда: председатель сельсовета по поручению Верховного Совета вручает ордена и медали многодетным матерям.

Надежда Михайловна Тихонович пришла к своим любимцам — воспитанникам Смолянского детского дома.

Фото С. Фрида

Вначале все немного смущены. Невнятна речь, порывисты движения. К столу подходит немолодая, уже согбенная прожитыми годами женщина. В глазах ее столько света, радости, счастья. Надежда Михайловна неожиданно для себя тянется к ней и обнимает. Они крепко целуются, и у обеих на глазах горячие крупные слезы.

— Спасибо тебе, Надейка наша, за все спасибо, солнышко! — говорит женщина.

И нет больше сдержанной официальности. Начинаются разговоры о таком понятном житейском — о мужьях, колхозе, о детишках, об обновках, о том, что нужно купить старшим дочерям, о магазине, куда привезли столько товаров, что даже в глазах рябит. Надежда Михайловна и слушает, и шутит, и смеется вместе со всеми. Настроение праздничное остается на весь день, и чем бы ни была занята Надежда Михайловна позднее, а нет-нет задумается на мгновение, улыбнется мыслям своим, и глаза ее, умные, сосредоточенные, вдруг вспыхнут теплым и мягким светом.

...У председателя колхоза «Новая жизнь» Леонида Барташуна к председателю сельсовета большое и важное дело. Он входит в кабинет с длинным свертком плотной бумаги и, поздоровавшись, разворачивает его на столе:

— Гляди, Михайловна, всем колхозом планировали, обсуждали. За тобой теперь слово.

Перед председателем план укрупненного колхоза, несколько месяцев назад объединившего пять мелких сельскохозяйственных артелей. Еще две артели слились в один колхоз под названием «Шесть условий товарища Сталина». Центр его находится здесь же, в Смолянах. А колхозники «Новой жизни» будут закладывать свой центр, и не какой-нибудь, а агрогород.

Барташун рассказывает о мечтах колхозников:

— Здесь вот клуб решили поставить, вот сюда, к реке,— лесопилку. Школу, конечно, поближе к центру, а за клубом парк, чтобы в центре его потом стадион разбить. Электростанции не иначе как здесь стоять: самое подходящее место. Одобряешь?

Надежда Михайловна внимательно рассматривает план, переспрашивает, уточняет. Кое-что подсказывает, дополняет. В заключение говорит:

— Вместе съездим в район, повезем и смету и план. Там помогут; инженера и архитектора попросим прислать к нам. Надо строиться, время не ждет.

В приемные часы председателя сельсовета посетителям нет конца. Директор МТС советуется об очередности вспашки зяби в колхозах, комсомольцы — о лекциях в клубе, агроном Василий Стрегоцкий — об агроучебе в Доме сельскохозяйственной культуры, библиотекарь Елена Толстикова — о новых книгах для колхозников. Нет в Смолянах такого дела, от которого Надежда Михайловна стояла бы в стороне, нет такой заботы, часть которой не взяла бы на себя.

Но на этом еще не кончается рабочий день слуги народа. Впереди еще много очень важных неотложных дел, много встреч с людьми. Надежда Михайловна идет по селу.

* * *

В больнице недавно произвели ремонт. Главный врач с нескрываемым удовольствием показывает председателю сельсовета блещущие свежей краской хирургическое, терапевтическое отделения, зубоврачебный кабинет. Он несколько удивленно посматривает на большой букет цветов в руках Надежды Михайловны. Для кого они!

В очень светлом и просторном родильном отделении на белоснежных кроватях лежат роженицы. Увидев Надежду Михайловну, они улыбаются. Сама многодетная мать, она ли не понимает, что такое материнство? Надежда Михайловна пожимает протянутые руки. На кровати у окна сияющая от счастья жена тракториста из МТС, у которой сегодня родился первенец — сын.

— Поздравляю,— говорит Надежда Михайловна,— от всего сердца поздравляю! Пусть растет большой на радость нам всем!

И букет водворяется на тумбочку возле койки. Врач не очень-то одобрительно косится на него: не положено это — цветы в палате, но... ведь событие какое! Сын!

А получасом позднее и Надежду Михайловну букетами цветов и радостными криками встречает шумная, звонкоголосая детвора. Вот уже шестой год существует Смолянский детский дом. В последний год войны в селе, да и во всем Кохановском районе было немало детей-сирот. Родители их погибли не

войне. Надежда Михайловна собрала сто семьдесят малышей. На помощь пришли буквально все: и колхозники, и молодежь, и сельская интеллигенция. Построили большой и удобный дом, поставили кровати и столы, достали постельные принадлежности, одежду, собрали книги, выделили продукты. За шесть лет, прошедших с того времени, подростки стали юношами и девушками, малыши вытянулись, повзрослели. Но и те и другие очень скучают, когда у них долго не бывает тетя Надя. К ней бегут они со своими радостями, ей первой показывают и пятерки в дневниках и огромные огурцы, выращенные на своем огороде, ей жалуются на свои невзгоды...

Часто Надежда Михайловна заглядывает в Смолянскую школу-десятилетку, в которой учится ее дочь Сталина. У директора школы, опытного педагога и воспитателя Александра Шарая, к председателю сельсовета всегда находится дело, и не только касающееся этой школы, но и шести других. Немало нужд и неотложных дел: надо новые парты заказывать для одной из школ, срочно устроить на квартиру молодую учительницу, которая недавно приехала в Смоляны, подвезти стекло в школу колхоза «Новая жизнь», где во время бури выбило окна... И другое надо: привлечь педагогов для проведения бесед среди колхозников, для докладов на культурные темы, попросить их помочь клубной самодеятельности. Всего не запомнишь, и Надежда Михайловна, чтобы не забыть, аккуратно записывает в блокнот все, о чем говорит директор.

— Будет сделано,— обещает она,— обязательно будет сделано. Кстати, я хотела посоветоваться с вами о привлечении педагогов к работе в Доме сельскохозяйственной культуры. Помните наш последний разговор?

Директор оживился — еще бы не помнить! Дом сельскохозяйственной культуры — настоящая гордость всех смолян. Еще несколько месяцев назад в Смолянах, как и в других селах Белоруссии, была лишь хата-лаборатория. Она не могла удовлетворить возросшую потребность колхозников в знаниях, в агробиологическом образовании. Надежда Михайловна приняла участие и в этом большом и нужном деле. Она поговорила с председателем колхоза «Шесть условий товарища Сталина» Михаилом Василенком, с парторгом Степаном Барышевым, с комсомольцами, с агрономом, врачами, педагогами. Так осуществлялась мысль, захватившая всех: построить в Смолянах Дом сельскохозяйственной культуры.

Правление колхоза выделило материалы. Комсомольско-молодежная строительная бригада в короткий срок возвела просторное, светлое здание. Потом стали собирать для Дома культуры пособия и экспонаты — образцы зерновых культур, гербарии луговых трав. Не забыли и о книгах. Они нашлись и у агрономов, и у педагогов, и у колхозников — произведения Мичурина, Тимирязева, Лысенко. Заведующим Домом с общего согласия назначили комсомолку Нину Еременко.

Дом сельскохозяйственной культуры в Смолянах существует уже несколько месяцев. Он стал центром всей культурной работы. Широка и разнообразна его деятельность. На агротехнических курсах учатся хлеборобы и животноводы; в Доме часто проводятся беседы и доклады на научные темы. Состоялось уже двенадцать таких докладов, прочитанных преподавателями Смолянского сельскохозяйственного техникума, агрономами, ветеринаром. Один из них — о правильной организации труда в колхозах — прочитала недавно Надежда Михайловна Тихонович.

* * *

В дни сдачи хлеба государству, отправляя на элеватор последний обоз с зерном, Надежда Михайловна обратилась к своим землякам с горячей, взволнованной речью.

— Мы знаем,— говорила она,— что такое война. Мы вынесли ее на своих плечах, потеряли в ней много тысяч близких, родных нам людей. Хотим ли мы, чтобы ужасы войны повторились снова? Нет, не хотим и не дадим разжечь новую войну! Мы голосуем за мир своим трудом. Мы говорим: войне не быть! Мы не позволим поджигателям войны ввергнуть человечество в мировую бойню! Мы строим коммунизм и никому не позволим мешать нам!

Шахтерский город

...Кохтла-Ярве, город светлых далей,
С каждым годом краше расцветай.
Шлем привет тебе, великий Сталин,
Озаривший счастьем
Наш шахтерский край!..

Это одна из любимых песен местных жителей.

Кохтла-Ярве, нынешний центр «Эстонского Донбасса», одиннадцать лет назад был неприметной деревней. В 1945 году, когда здесь начала интенсивно развиваться добыча сланца, Кохтла-Ярве вырос в большой рабочий поселок, а уже в 1948 году тут избрали первый городской Совет.

В последнее время на повестке дня заседания исполкома горсовета все чаще появляется вопрос «О наименовании новых улиц». В октябре одной из них присвоено имя С. М. Кирова, другой — академика И. П. Павлова. Она ведет к корпусам недавно построенного Медицинского городка — предмета гордости здешних жителей.

Городок этот, состоящий из терапевтического, хирургического, инфекционного, детского отделений и светлых палат родильного дома,—яркое проявление сталинской заботы о здоровье людей труда. Ничего подобного не знали во время буржуазной Эстонии сланцевики, работавшие на шахтах и заводиках Кохтла-Ярве и его окрестностей. Захудалый фельдшерский пункт, помещавшийся в деревянном бараке, был единственным лечебным учреждением старой Кохтлы.

О новом, которое властно вторгается в труд и быт эстонских сланцевиков, ярко рассказывают ныне агитаторы на избирательных участках.

«Перемены в нашей жизни» — так назвал свою беседу с избирателями механик Леопольд Роомет.

— Все мы знаем, — сказал он, — проходчика Георга Одара, нашего депутата в Верховный Совет СССР. Его отца, текстильщика Кренгольмской мануфактуры, буржуазные правители Эстонии сгноили в тюрьме за симпатии к Советской стране. Сызмальства Георг Одар батрачил в кулацких хозяйствах, работал на лесоразработках и в шахтах, получая за свой непосильный труд нищенскую оплату. Его, как и всех нас, подняли советская власть, большевистская партия, великий Сталин. Стахановский труд Георга Одара теперь увенчан славой. Он удостоен высшей награды — ордена Ленина, избран в Верховный Совет СССР. Простой шахтер стал большим государственным деятелем.

Оглянитесь, друзья, вокруг себя, и вы увидите тысячи примеров того, как возвеличила советская власть людей труда, как заботится она о них. Вспомните, в каких условиях работали наши шахтеры. Всего десять лет назад основным орудием производства шахтера были лопата, кайло, тачка. А теперь на смену им идут мощные врубовки, скребковые транспортеры, забойные электровозы. И шахтеры не только осваивают новые машины, но и находят пути к их усовершенствованию.

Мрачная казарма и кабак — вот где рабочий обычно проводил свой досуг. Теперь сотни новых, благоустроенных домов возведены в нашем городе, строятся три клубных здания, высится кинотеатр «Победа», лучший в Эстонии. В Кохтла-Ярве двенадцать библиотек. Послушайте, какие новые песни поют в нашем городе, — это песни о счастливой доле шахтера, о светлом его пути...

Взволнованно говорил агитатор Леопольд Роомет о себе, о своих слушателях — гражданах шахтерского города Кохтла-Ярве, над которым десять лет тому назад занялась заря новой жизни.

И. КРЯЖЕВ

Кандидаты народа

Николай Казнышкин, слесарь

Цех огромный, но найти слесаря Казнышкина оказалось несложно.

— Вон там, между окон, висит на стене его портрет,— сказала табельщица.— А под ним и сам Николай Петрович.

На портрете молодой темноволосый человек; густые, сросшиеся на переносице брови придают его облику некоторую суровость, но глаза веселые, с искоркой...

Здесь участок сборки. Много машин. Одни еще в полусобранном виде, на других сохнет краска, две готовы уже к отправке. Забравшись на лестницу, приставленную к крайней машине, постукивает ручником слесарь в светлом комбинезоне и синем берете. Он оборачивается, и мы узнаем Казнышкина.

Н. П. Казнышкин.

Имя этого человека весьма популярно на «Русском дизеле». Нэ случайно повесили в цехе его большой портрет. Им гордятся. О нем говорят так:

— Сколько в Ленинграде хороших слесарей! Тысячи! А наш Николай Петрович лучший. Он этого звания больше года никому не уступает. И не собирается уступать.

Рассказывая о своей работе, Николай Петрович произнес, между прочим, такую фразу

— Догадка мне помогает.

И нам вспомнилось знаменитое письмо академика Павлова к донецким шахтерам:

«Всю мою жизнь я любил и люблю умственный труд и физический и, пожалуй, даже больше второй. А особенно чувствовал себя удовлетворенным, когда в последний вносил какую-нибудь хорошую догадку, т. е. соединял голову с руками. Вы попали на эту дорогу. От души желаю Вам и дальше двигаться по этой, единственно обеспечивающей счастие человека, дороге».

Это было сказано в 1935 году как раз в тот год, когда Коля Казнышкин поступил в фабзавуч. Ему повезло. Он сразу, с первых же дней, вышел на дорогу, о которой писал великий ученый.

— К работе меня приучили с малых лет,— говорит Николай Петрович.— У нас семья трудовая. Прадед, дед, отец — каменщики. Немало зданий возвели они в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Отец любил показывать построенные им дома. В одном из этих домов наша семья и живёт сейчас. До 15 лет я рос в деревне, в Калининской области. Учился в школе, работал летом в колхозе. Отец хотел обучить меня своему ремеслу—кирпичи класть. Но я решил идти по металлической части. И поехал в Ленинград, к двоюродному брату, который работал на «Русском дизеле». Приняли в фабзауч. В ту пору начиналось стахановское движение. Самым знаменитым стахановцем был на нашем заводе Виктор Семашко, слесарь. Физически не очень сильный, он работал за троих. Я проходил у него производственную практику. Помню, вручил он мне шабер и велел снять слой бронзы на детали. Пыхтел-пыхтел, а ровной поверхности не добился. Семашко же провел шабером разок-другой — зеркало! «В нашем деле,— сказал мне слесарь,— одной силой не возьмешь. Сноровка нужна, разум...» Да, многим я обязан Виктору Семашко,— задумчиво произносит Казнышкин и замолкает.

— Погиб он на войне,— продолжает Николай Петрович.— Мы с ним в один день уходили на фронт. Он воевал под Ленинградом. Я — сначала под Брянском, под Орлом, потом под Воронежем. Здесь мне перебило правую руку. Год лежал в госпиталях. Но успел еще повоевать. Бухарест, Будапешт, Вена, Прага... Вернувшись в Ленинград, не застал ни отца, ни матери: умерли в блокаду. Старший брат, Михаил, летчик-истребитель, погиб в воздушном бою на подступах к Ленинграду. Не досчитался я и многих товарищей по цеху... Мне хотели дать работу полегче, боялись, что раненая рука будет мешать. Но я попросился на прежний участок— на сборку. Ну вот собираю машины. Рука сначала побаливала. Потом ничего, разработалась. Да и не сила решает в нашем деле, а сноровка, разум!..

У Казнышкина нет времени, чтобы в деталях познакомить нас со всеми своими многочисленными нововведениями и «догадками»: он заканчивает сейчас сборку машины для строительства Сталинградской ГЭС и очень торопится. И говорит он о своих «догадках» в общих чертах.

Из рассказов Казнышкина и его друзей вырастал перед нами облик человека беспокойного, в самом хорошем смысле этого слова, вечно ищущего новых путей в работе.

— Я работаю на очень ответственном участке,— говорит Николай Петрович.—Все цехи, весь завод трудятся на нас. Нам шлют сюда сотни разрозненных деталей, которые мы обязаны превратить в единое целое, в красивую, сильную машину. Перед ней дальний путь. Она должна долго и верно служить людям. И, значит, мы ответственны перед ними...

И в этих словах весь он — коммунист, патриот, неутомимый труженик, достойный кандидат коллектива завода «Русский дизель» в депутаты Ленинградского областного Совета.

П. АБРАМОВ

Заслуженный врач республики

Оканчивая в 1916 году Московский университет, Александр Сергеевич Молчанов на выпуске торжественно произнес: «Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукою права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю».

Эти слова старинной лекарской присяги, вписанные в диплом, навсегда врезались в память молодого врача, стали для него жизненным правилом, от которого Александр Сергеевич не отступил ни разу за все 34 года своей врачебной деятельности.

Сейчас же после университетской скамьи — армия, фронт, боевое крещение под Тарнополем, трудная окопная страда в затопленной нескончаемыми дождями Галиции.

Младший врач 87-го Нейшлотского пехотного полка, он с санитарной сумкой через плечо ходил в атаки, стойко и мужественно делил с однополчанами суровую военную жизнь. В дружной, кровью спаянной солдатской семье А. С. Молчанов радостно встретил Великую Октябрьскую революцию. Вскоре доктор Молчанов снова отправляется на войну, теперь уже на гражданскую. А после окончательной победы молодой Советской республики возвращается в родную Москву. Здесь он работает в больницах, в институте имени Склифосовского, а в 1932 году приходит ординатором в знаменитую Боткинскую больницу, где и возглавляет теперь терапевтическое отделение.

Вот в кратких чертах «трудовой список» доктора Молчанова. Но за этим скупым служебным перечнем проходит перед нами большая жизнь врача, наполненная неусыпной заботой о здоровье людей.

По самым скромным подсчетам, доктор Молчанов выслушал за свою жизнь пятьдесят тысяч человеческих сердец! Ничто — ни проливной дождь, ни стужа, ни личное недомогание — не могло удержать Александра Сергеевича от выезда к больному.

Опытный клиницист, превосходный диагност, человек, через руки которого прошли целые тома «историй болезни», доктор Молчанов, беспрестанно учась, щедро делится своим опытом и знаниями с молодым поколением советских медиков. Он периодически выступает с теоретическими докладами и статьями, в которых подытоживает опыт лечащего врача-терапевта. И если вы возьмете Большую медицинскую энциклопедию, едва ли не в каждом томе вы найдете статьи, принадлежащие перу А. С. Молчанова.

А. С. Молчанов.

Человек большой души и необычайной энергии, Александр Сергеевич не замыкается в кругу узких профессиональных интересов, а живет жизнью страны и народа. Депутат Московского областного Совета, он ведет огромную работу, активно содействуя дальнейшему улучшению дела советского здравоохранения. Больницы и поликлиники Раменского, Шаховского, Истринского и других районов в лице депутата-врача видят своего друга и деятельного консультанта. Он помогает районным больницам наладить работу рентгеновских кабинетов, лабораторий, внедрить физические методы лечения

Привычным жестом теребя свою редкую, с густой проседью бородку, Александр Сергеевич говорит:

— Вот жаль, знаете, суток не хватает. А нам, советским медикам, сделать надо еще очень много. Мы должны вскрывать причины всех болезней. Вот тогда, как говорил Иван Петрович Павлов, медицина превратится в гигиену в самом широком смысле этого слова. К этому мы должны стремиться.

К этому и стремится заслуженный врач РСФСР А. С. Молчанов, вновь выдвинутый коллективом Боткинской больницы кандидатом в депутаты Московского областного Совета.

В. КЕДРОВ

Знатный каменщик Иван Рахманин на шелкомотальной фабрике в Дарнице, которую он строил и коллективом которой выдвинут кандидатом в депутаты Киевского областного Совета. Работницы фабрики знакомят И. Рахманина с производством.

Фото Н. Козловского

Наша Зиадат

На опаленные солнцем поля колхоза спустилась ночная прохлада. Поселок спит, и только журчанье воды в арыках да шелест листвы тополей нарушают тишину. Но вот чуть слышно скрипнула дверь, и на пороге показалась женщина. Легко вскинув на плечо длинную ручку кетменя, Зиадат Пулатова пошла на свой участок.

Острые кетмени быстро прорывали в мягкой земляной перемычке неширокие протоки, и струйки воды устремлялись в борозды, увлекая за собой мелкие комочки взрыхленной почвы.

— Посмотри, Зиадат, как жадно пьет земля,— выпрямляясь, сказала звеньевой подруга.

Зиадат молча кивнула в ответ и пошла вдоль рядков, внимательно наблюдая за током воды, поблескивающей при свете полного месяца.

В нынешнем году Пулатова со своим звеном закончила сев раньше других. Когда на рядках появились дружные всходы, Зиадат оставалась на поле от зари до зари — она решила не уступать никому первенства. И вот лопнули тугие коробочки, раскрылись навстречу жаркому солнцу их створки, маленькие белоснежные облачка созревшего волокна проглянули сквозь зелень ветвей. Началась страдная пора.

Каждый день звено Пулатовой собирало тысячи килограммов отборного хлопка-сырца. Давно уже был выполнен план звена, но Зиадат и ее подруги продолжали трудиться с тем же напряжением.

Потеряли свой белоснежный наряд побуревшие ветви хлопчатника. Уборка подходила к концу. В конторе колхоза подсчитывали урожайность по бригадам и звеньям. Звено Зиадат Пулатовой вырастило на каждом гектаре по 66 центнеров хлопка — втрое больше, чем требовалось по плану,— и завоевало в колхозе первенство.

Республика начала готовиться к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. И когда на собрании избирателей — членов артели имени Горького — колхозница Рахима Мухамедова предложила оказать доверие коммунистке Зиадат Пулатовой, как человеку, достойному стать депутатом Ташкентского областного Совета, все согласились с нею.

Много в тот вечер было сказано хороших и теплых слов о простой колхознице Зиадат Пулатовой, коммунистке, матери, жене погибшего фронтовика,— о кандидате хлопкоробов в депутаты Ташкентского областного Совета.

Н. СОЛОВЬЕВА

Зиадат Пулатова.

Новатор

В один и тот же день мы эту песню слышали дважды: первый раз ее пели девушки в цехе после предвыборного собрания, а потом ее передавали по радио. Это была песня об одном из лучших токарей Харькова — Василии Дмитриевиче Дрокине.

Собрание рабочих турбогенераторного завода выдвинуло Василия Дмитриевича кандидатом в депутаты областного Совета. Седеющий сорокалетний мужчина поднялся на трибуну и сказал, что обещает своим избирателям быть достойным слугой народа. А после собрания в цехе зазвенела песня:

Дерзаньем ломая предельные нормы,
Возглавил стахановцев новый отряд
Рабочий-умелец, новатор упорный
И Сталинской премии лауреат.

Друзья окружили Василия Дмитриевича. Дрокин сдержанно, чуть смущенно улыбался. Молодежь пела:

Споем об одном из достойных и лучших,
О токаре Дрокине, песня, звени!

Имя коммуниста Василия Дмитриевича Дрокина известно далеко за пределами Харькова. Он один из первых последователей мастера скоростного резания металла Генриха Борткевича.

Дрокин — человек больших и разносторонних знаний. Он сам непрестанно учится и к тому же побуждает своих товарищей. По его инициативе создан лекторий, где читаются лекции не только о деталях турбин, технологии обработки металла и заточке инструмента, но и по живописи, музыке, литературе... «Наш рабочий должен быть подлинно культурным, всесторонне развитым человеком»,— говорит Дрокин. Таким и является он сам, рабочий, сумевший разрешить ряд сложных технических проблем.

Ротор турбины, который изготовляет Дрокин, весит 10 тонн и имеет в длину 4,5 метра.

— Такова моя «малютка»,— сказал нам Василий Дмитриевич, подводя нас к большому станку и указывая на ротор.— Работая одновременно с тремя суппортами вместо одного, применяя новейшую технологию, нам удалось достигнуть весьма эффективных результатов. Раньше ротор изготовлялся за 689 часов или 86 смен. Сейчас моя комплексная бригада справляется с этой работой за 21 смену.

Всесоюзное научное инженерно-техническое общество машиностроителей издало книгу В. Д. Дрокина «Мои методы работы по скоростному резанию». В книге много чертежей, схем и цифровых таблиц. Это, по сути, учебник для токарей-скоростников.

Сейчас Харьковский турбогенераторный завод имени Кирова получил почетные заказы для гигантских гидротехнических сооружений. Строители гидроэлектростанций могут быть спокойны: харьковчане не подведут! Талантливый токарь-скоростник, его ученики и товарищи по работе изготовят турбины в максимально сжатые сроки.

А. КАШТАНЬЕР

У мартена и на учебной скамье

В 1931 году на строительство Уралмаша прибыла группа рабочих-ленинградцев. Среди них выделялся рослый парень с открытым лицом — Дмитрий Сидоровский. Он любил пошутить, подбодрить товарищей и охотно брался за самую тяжелую работу. А работать пришлось на первых порах не по специальности: металлурги, токари, строгальщики, слесари возводили цехи, строили мартеновские печи... Строили для себя — им предстояло и трудиться здесь.

...У первой мартеновской печи Уралмаша вместе с другими сталеварами у канавы стал на ударную вахту первой пятилетки Дмитрий Сидоровский, ленинградец, с «Красного путиловца», ныне Кировского завода.

С того памятного дня прошло уже около двадцати лет. На месте, где стояли леса, где были болотные топи, поднялся завод-гигант, вырос красивый социалистический город.

Выросли и заводские люди. Дмитрий Сидоровский давно стал бригадиром, лучшим сталеваром завода. Жители социалистического города в знак высокого доверия к Сидоровскому три года назад избрали его депутатом Свердловского городского Совета.

Став депутатом, Дмитрий Дементьевич почувствовал, какую большую ответственность принял на себя. Он работал в комиссии по социальному обеспечению. Люди шли к нему со своими нуждами, радостями и горестями, искали у него помощи и совета. Искали и находили.

— Внимательный он человек,— говорили о нем избиратели.

Дмитрию Дементьевичу сорок пять лет. А душою он все тот же живой ленинградский парень, что в тридцать первом году строил мартеновские печи Уралмаша. Веселый блеск глаз, широкая улыбка, бодрый шаг...

Д. Д. Сидоровский.

Кончив смену у печи, он торопится домой. Умоется, переоденется, поест, возьмет тетради, учебники и — снова из дома...

— Пошел мой студент,— с теплой улыбкой провожает его жена Ольга Ивановна.

Быстрым шагом идет по улице Дмитрий Дементьевич. Сегодня занятия в машиностроительном техникуме. А студент вечернего отделения Сидоровский опаздывать не привык...

Так, на заводе, где сталевар Сидоровский в этом году уже дал 1200 тонн металла сверх плана, в депутатских делах, в учебе и в кругу любимой семьи проходит жизнь этого честного рабочего человека. Его уважают металлурги, товарищи по цеху. Ему доверяют избиратели. Именно поэтому коллектив мартеновского цеха Уралмаша снова выдвинул Сидоровского кандидатом в депутаты Свердловского городского Совета.

А. САЛЫНСКИЙ

МИХАЙ ВЕРЕШМАРТИ

Сто пятьдесят лет тому назад, 1 декабря 1800 года, родился выдающийся венгерский поэт и драматург Михай Верешмарти — певец свободы и национальной независимости своей родины.

Верешмарти — сын обедневшего дворянина. Семья, в которой было девять детей, очень нуждалась. Уже с одиннадцати лет мальчику пришлось уроками зарабатывать себе на пропитание.

Когда Верешмарти было семнадцать лет, отец его умер, и семья осталась обреченной на полную нужду. Юноша устроился воспитателем в семью одного графа. Одновременно он занимался литературой и очень скоро своей поэмой «Бегство Залана» достиг большого успеха. Но даже в ту пору, когда Верешмарти был уже самым прославленным поэтом Венгрии, ему все еще приходилось браться за различные работы, чтобы как-нибудь прожить. Вождь венгерской бедноты Михай Танчич навестил однажды знаменитого поэта. Он увидел, что «...на кухне у него валялись сотни экземпляров его нераспроданной книжки». Ошеломленный Танчич купил на свои последние пять форинтов пять экземпляров, чтобы хоть как-нибудь помочь нуждавшемуся поэту

В 1844 году к Верешмарти пришел молодой и тогда еще совсем неизвестный Шандор Петефи «Я дошел уже до последней грани, и тут меня обуяла отчаянная храбрость,— писал Петефи в «Путевых письмах».— Я направился к одному из величайших людей Венгрии с таким чувством.., дескать, жизнь или смерть. Этот великий муж прочел мои стихи, и по его восторженной рекомендации они были изданы... Этим мужем, которому я обязан жизнью и которого родина может благодарить, если я принес ей или принесу ей пользу, — этим мужем был Верешмарти»

* * *

До вступления Петефи в литературу Михай Верешмарти был самым значительным писателем и самым последовательным борцом за создание венгерской национальной литературы.

На первых порах своей литературной деятельности Верешмарти шел вместе с либеральным дворянством, которое стремилось «исправить» существующее положение путем реформ сверху. Но его как подлинного патриота вскоре перестало удовлетворять бессмысленное топтание на месте, фактическое нежелание дворянства предпринять что-либо для облегчения участи венгерского народа, для освобождения родины от австрийского ига. И уже в 1842 году прозвучали на всю Венгрию строки знаменитой «Песни Фоти», в которых призыв к действию сочетался с язвительной критикой дворянской пассивности:

Пьет мадьяр, веселым взором
  Вдаль глядит,
Ибо выпитое с толком
  Не вредит.
Пьет за родину, и сразу —
  Ясен путь.
Только лучше б совершил он
  Что-нибудь!

(Перевод Н. Чуковского.)

Такими стихами поэт проложил дорогу великому Петефи, который первый в Венгрии придал истинный революционный смысл народности и патриотизму в литературе. Огромный путь проделал Верешмарти от целиком обращенной к прошлому поэмы «Бегство Залана» до ясных, устремленных в будущее строк «Песни Фоти».

Еще до 1848 года Верешмарти был в рядах сторонников Кошута. Во время революции его избрали депутатом в Национальное собрание. Весь свой жар поэта и публициста Верешмарти отдал делу революции. Требуя «свободы, равенства и братства», он, однако, проницательным взором заметил, что Запад, провозгласивший первым этот девиз, уже успел изменить ему. «Тот Запад,— писал он,— с которым мы общаемся теснее всего, мало уделил нам даже из своей... культуры и вместе с тем дал много такого, что пошло нам во вред». В другой статье Верешмарти писал: «Слава Англии с ее нищетой фабричного люда, лохмотьями ирландцев, Америка с темными пятнами рабства на своем челе — все это не может быть заманчивым для тех, кто стремится к свободе, очищенной от всякой грязи и лжи».

После подавления революции 1848 года Верешмарти из-за своей революционной деятельности вынужден был скрываться от габсбургских палачей. В 1850 году его амнистировали, но трагедия венгерского народа, снова попавшего под двойное иго, так потрясла поэта, что он ненадолго пережил Шандора Петефи.

В предсмертные годы создал Верешмарти свои наиболее социально острые творения, тогда же написал он свое прекраснейшее стихотворение «Старый цыган», в котором выразил чувства и надежды всех передовых людей Венгрии:

Настанет праздник! Срок еще не скор.
Но час придет, смирится ярость бурь
И кровью в битвах изойдет раздор.

(Перевод Л. Мартынова)

«Настанет праздник!» — настанет свобода!.. Эти слова на долгие годы стали девизом угнетенного венгерского народа.

Буржуазные литературоведы почти целое столетие утаивали революционность Верешмарти, искажая таким образом облик этого замечательного поэта, призывавшего учиться песням у «звонкой бури».

Новая, демократическая Венгрия, обретшая, наконец, столетие спустя, с помощью великого Советского Союза свою свободу, высоко ценит борца за национальную независимость, одного из создателей венгерского литературного языка, творца прекраснейших произведений — Михая Верешмарти

Анатоль ГИДАШ

Разведчики великой стройки

Более трех лет в Средней Азии работает Арало-Каспийская комплексная экспедиция Академии наук СССР, изучающая проблемы орошения пустынных земель. Ныне, с началом подготовки к сооружению Главного Туркменского канала, вся деятельность экспедиции подчиняется нуждам грандиозной стройки. Отряды научных работников, отправившиеся на места в конце лета и в начале осени, сейчас возвращаются в Москву.

Геоморфологи и гидрогеологи во главе с доктором географических наук В. Н. Куниным провели исследования в юго-западной части Туркмении.

Несколько сот километров на лодках и катерах прошел по Аму-Дарье и Аральскому морю отряд гидрологов, руководимый кандидатом географических наук В. Е. Иогансон

Как известно, в будущем, с отводом большого количества воды Аму-Дарьи по руслу канала на запад, неизбежно понизится уровень дельты реки и Аральского моря. Это позволит использовать под посевы риса плодородные почвы дельты, ныне представляющие собой заболоченную низменность.

Поэтому ученые и уделяют такое большое внимание изучению гидрологического режима Аму-Дарьи и Аральского моря.

С наступлением весны большая группа ученых двинется на автомобилях на трассу строительства Главного Туркменского канала.

От Сарыкамышской котловины до Большого Балхана и по руслу Узбоя, где будет работать другой отряд, ученые отправятся на верблюдах, так как пески в этих местах непроходимы для машин. Намечено использовать в пустыне и самый современный транспорт — воздушный

Всего в Арало-Каспийской комплексной экспедиции будет участвовать свыше двухсот ученых.

Кара-Калпакская АССР. В этом месте будет сооружена Тахиа-Ташская плотина

Фото А. Ашкинезера (ТАСС)

Старший рыбовод А. Гитуляр (слева) и рыбный мастер Т. Аксютенко в рыбопитомнике.

Фото Н. Крылова (ТАСС)

В прудах и аквариумах

Сразу после разгрузки почтового вагона посылка была доставлена в питомник и вскрыта. Коробочка, тщательно выложенная изнутри ватой и древесными стружками, путешествовала по железной дороге одиннадцать суток. Она прибыла в Киев с далекого востока.

В посылке две маленькие рыбки — самец и самка. Это были первые опыты пересылки рыб по почте на тысячи километров.

— Живы! Хоть бы что! — радостно воскликнул директор питомника Владислав Павлович Жачек, высоко подняв закупоренную бутылку с плавающими рыбками.

Люди в белых халатах, тесным кольцом окружившие его, с интересом наблюдали неразлучную пару путешественников.

В это время секретарь вручил телеграмму-молнию. Из Москвы сообщали: «Можем принять самолетом одну тысячу золотой, орфы пятьсот».

В экспериментальном рыбопитомнике Киевского научно-исследовательского института рыбной промышленности стали спешно готовить к отправке «золотую» и «орфу».

— Вчера мы в Ленинград и Ригу послали, завтра надо в Харьков и Днепропетровск. Летают наши рыбы, — с гордостью говорят сотрудники. — Наша рыборазводка старейшая, пятый десяток ей пошел!

Пока снаряжалась посылка в Москву, прибывшие в Киев рыбки были помещены в аквариум с чистой водой Рядом, в огромных стеклянных и каменных резервуарах, беспокойное царство рыб. Одних аквариумных насчитывается свыше пятидесяти видов. Среди них золотые рыбки различной величины

Под сенью тропических пальм и кактусов среди густых водорослей и каменных гротов, в стоячей и непрерывно текущей воде, при разных температурах живут здесь рыбы юга, далеких тропиков, холодного севера.

Большое количество рыб переселено в естественные пруды опытного хозяйства Пущи Водицы. Рядом с золотой рыбкой там давно живет свыше трех тысяч тепловодных рыб, прекрасно приспособившихся к низким температурам.

В питомнике акклиматизируются и выращиваются многие сорта промысловых рыб. Каждый год здесь проходят практику колхозные рыбоводы и председатели артелей. Выведенные тут карпы быстрее, нежели другие, растут, лучше усваивают пищу, имеют больше мясистости. Их размножают в пятнадцати прудах Пущи Водицы. Отсюда рассылают мальков по колхозам.

В питомнике ведется большая научная работа. Нам показывали выведенные здесь три новые для Украины породы рыб.

— Все они родились у нас, — говорит Владислав Павлович Жачек — Икра была привезена с Волхова, из Воронежа, Ульяновска Выжили, свыклись, скоро начнут метать икру и эта вторая икра будет крепче, выносливей первой...

...Стаи волжской стерляди ходят по песчаному дну аквариума. Неуловимый волховский сиг шныряет между камней. Шумят электрические воздуходувки, нагнетая рыбам воздух. Работают кислородные аппараты. Жизнь в питомнике не утихает и ночью. Круглые сутки ведется наблюдение за царством рыб.

В. КОЧИН

КОРОТКО

НОВЫЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД Академии наук Узбекистана закладывается в Ташкенте. Произведены уже первые посадки. Сад займет площадь в 120 гектаров. В большом здании разместятся лаборатории, музей, лекторий, лечебница с карантинным отделением для больных растений.

КРУПНЕЙШИЙ В МИРЕ солнечный телескоп системы лауреата Сталинской премии Н. Г. Пономарева смонтирован в Пулковской обсерватории. Этот мощный прибор, сильно пострадавший в годы войны, теперь восстановлен и еще более усовершенствован

ВЫСТАВКА «Столетие восстановления грузинского театра» открылась в Театральном музее Грузии. Более 500 экспонатов ярко отражают славный путь профессионального национального театра за минувшее столетие. Несколько стендов посвящено советскому периоду — периоду подлинного расцвета театра.

ПЕРВАЯ ТВОРЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ писателей и литературного актива Приморья состоялась во Владивостоке. Большое внимание было уделено обсуждению новых, наиболее значительных произведений писателей-приморцев.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Письмо из Пекина

И. ВЫСОКОВ

Передо мной листок серой бумаги. Крупные иероглифы гневно гласят: «Американцы швыряют зажженные факелы на землю нашей республики. Затопив кровью Корею, они хотят перенести пламя войны в Китай. Американские летчики уже убили многих наших людей.

Мы должны протянуть руку помощи корейцам и тем самым защитить свою землю, свои очаги, родину и дело мира во всем мире. Это священный долг всех честных китайцев. Я прошу направить меня добровольцем в Корейскую Народную армию. Своими собственными руками я хочу задушить американскую гадину, ползущую по Корее к Китаю. Я клянусь перед моими товарищами, что не дрогну в бою и не отступлю ни на один шаг перед противником»

Эти слова написал рабочий пекинской пошивочной фабрики товарищ Фу Тин. Ему двадцать восемь лет. Он любит работу, жизнь, свой домашний очаг, но больше всего патриот дорожит своей родиной — Китайской народной республикой, открывшей дорогу в жизнь, к счастью простым людям.

— Мы хотим мира! — говорит Фу Тин, обращаясь к рабочим, собравшимся во дворе фабрики на митинг, посвященный борьбе против американской агрессии.— Мир нам нужен, как воздух, но нам грозят, на нас нападают. Империалисты хотят ввергнуть китайцев в вечную кабалу. Не бывать этому!

В ответ раздаются дружные возгласы:

— Не бывать этому!

Оратор призывает рабочих записываться добровольцами в Корейскую Народную армию. Призыв находит самую горячую поддержку.

— Я пойду! — заявляет рабочий Лян Ман-цан.

Пробираясь сквозь толпу к импровизированной трибуне, он начинает свою речь:

— Я видел американцев. Они три года разбойничали в Пекине. Все помнят, как пьяные американцы убили на станции железнодорожника Ван Кэнь-ди, поспорив на бутылку виски, кто лучше стреляет. Мы не забыли американских насильников, погубивших многих китайских девушек. Мы хорошо помним их каучуковые дубинки.

Лян Ман-цана прерывают.

— Я пойду,— говорит тридцатилетняя работница пошивочного цеха Вей Цну.

— Я тоже пойду добровольцем в Корею,— заявляет другая работница.

— Запишите меня!

— И меня!..

— И меня!..

К председателю профсоюзного комитета тянутся десятки рук. Они подают заявления с просьбой помочь отправиться добровольцами в Корею.

И так по всей необъятной стране. Почти полумиллиардное население Китайской народной республики решительно выражает свое возмущение наглостью зарвавшихся поджигателей войны.

Движение протеста охватило все слои населения. Рабочие, крестьяне, служащие, студенты, представители имущих классов, служители религиозных культов категорически требуют:

— Вон интервентов из Кореи!

Пекинская пресса публикует много заявлений, полных ярости и гнева. Заявления поступают в столицу из самых отдаленных концов страны. Пишут сталевары Аньшаня, углекопы Фушуня, металлисты Мукдена, пишут скотоводы-монголы, портовые рабочие Шанхая, пишут кантонцы, нанкинцы, харбинцы — все они во имя свободы и мира, во имя международной безопасности требуют обуздать поджигателей войны.

И в каждом письме неизменная фраза: «Прошу послать меня добровольцем в Корею».

Подавляющее большинство рабочих Аньшаньского сталелитейного завода изъявило желание ехать сражаться в Корею. Руководители профсоюзного комитета разъяснили, что всем ехать нельзя, что надо продолжать работать на предприятии. Тогда коллектив послал письмо председателю Центрального народного правительства товарищу Мао Цзе-дуну:

«Отправляя наших добровольцев в Корею, мы, оставшиеся в тылу, обязуемся максимально повышать производительность труда. Октябрьский производственный план нами был перевыполнен на шестнадцать процентов. В ноябре, несмотря на то, что мы послали на фронт своих лучших товарищей, план будет перевыполнен еще больше».

Коллектив Мукденского металлургического завода увеличил производство цветных металлов на сорок восемь процентов. Рабочие заверяют своих товарищей-добровольцев, что их отъезд не отразится на работе завода.

— Помня о вас, мы будем трудиться не покладая рук. Бейте смелее и решительнее врагов нашей родины и возвращайтесь с победой!

Такими напутственными словами провожают мукденцы своих друзей, уходящих в бой, на подвиги за реку Ялу.

У причалов Кантонского порта собрались на митинг работники торгового флота. Грозный голос далекого Юга слышен на Севере:

— Стремление китайского народа к миру обусловлено жизненными интересами нашей страны. Американские империалисты пытаются навязать Китаю войну. Если так, мы с оружием в руках отстоим честь и независимость своей страны,— говорит пятидесятилетний моряк, который одним из первых записался добровольцем.

Выступает другой оратор. Он заявляет, что двести двадцать три миллиона китайцев, подписавших Стокгольмское Воззвание,— это двести двадцать три миллиона добровольцев, готовых вступить в борьбу за мир, за свободу и счастье республики.

Добровольцами в Народную армию Кореи идут портовые рабочие Шанхая. Создаются отряды на предприятиях текстильной промышленности и железнодорожного транспорта. Заявления с просьбами разрешить ехать в Корею поступают от работников медицины, преподавателей учебных заведений, студентов.

Группа молодежи из Ханькоу прислала в газету письмо, взволнованное и яркое.

«Под руководством коммунистической партии,— говорится в этом письме,— наш народ завоевал национальную независимость. Впервые за всю историю Китая он стал хозяином своей страны. Это не нравится американскому «дядюшке», привыкшему ездить на чужих спинах. Поэтому он и размахивает огненным факелом у ворот нашей родины.

Но мы, родившиеся в пламени освободительной войны китайского народа против иностранных поработителей, не боимся американских агрессоров. Вступая добровольцами в Корейскую Народную армию, молодежь Ханькоу не вернется домой, пока не добьется победы!»

«Мы вернемся домой лишь после полного разгрома американских интервентов!» — заверяют славные волонтеры, отправляющиеся из Нанкина, Чунцина, с острова Хайнань, из Калгана, из монгольских степей, из всех провинций, городов и сел Китая.

Поддержать добровольческие отряды готовы семьдесят тысяч мусульман города Пекина. Благословляя патриотов Китая на ратные подвиги, они обещают им моральную и материальную помощь. Мусульманские общины начали кампанию по сбору денежных средств, теплой одежды, белья, продуктов питания для добровольцев.

В столице состоялось собрание представителей мусульманского населения. Вот их решение:

«Когда мы сражались против гоминдановских войск за победу китайского народа, с нами были корейцы. Плечом к плечу они шли с нами в бой за счастье Китая.

Теперь мы должны подать руку помощи нашим братьям-корейцам. Американский империализм — заклятый враг всех азиатских народов. Да здравствуют китайские добровольцы в Корее!»

А вот еще одно трогательное письмо. Оно принадлежит перу ветерана освободительной войны Лю Чжана:

«Дорогие корейские братья!

Я, демобилизованный воин Китайской Народно-освободительной армии, восемь лет сражался против иностранных поработителей. Помню, как в те дни вы помогали нам своими отважными добровольческими отрядами.

Меня ранили в бою вместе с тремя корейцами. Мы лечились в одном госпитале и в одной палате. Я умирал. Врачи говорили, что мне надо сделать переливание крови. Тогда один ваш товарищ, сам еще не поправившийся от ранения, предложил свою кровь. Я был спасен.

Разве могу я после всего этого оставаться безучастным к событиям в вашей стране! В моих жилах течет частица корейской крови. Я обязан быть в ваших рядах!

Корейские добровольцы в свое время внесли свою лепту в дело победы китайского народа. Теперь наш черед. Китайские патриоты помогут вам разгромить наглых американских захватчиков».

«Дать отпор американским интервентам!» — этот клич стал самым популярным в Китае. Он написан на всех знаменах добровольческих китайских отрядов. Его можно видеть на трамвайных вагонах городской железной дороги столицы. Его с гневом произносят на митингах, в садах и парках Пекина. Он стал призывом к повышению производительности труда на фабриках и заводах.

Пекин. До чего же он не похож сегодня на тот тихий зеленый город, утопающий в лучах жаркого солнца, каким был месяц назад!

Правда, солнце светит попрежнему, на небе ни облачка, в воздухе тепло и тихо, как всегда бывает здесь до глубокой зимы. Но вот перед нами плакат.

«Будь начеку,— гласит он.— Американские детоубийцы нацелили свое оружие против твоего дома. Посмотри, все ли ты сделал для того, чтобы укрепить мощь отечества!»

По площадям, улицам и переулкам маршируют колонны демонстрантов. Дробно бьют барабаны, зазывающе звенит медь тарелок. Демонстранты провозглашают:

— Враг у порога нашей страны. Раздавим гадину, пока ее жало не вонзилось в тело нашей республики!

— Корею — корейцам! Тайвань — китайцам! Вон из Кореи и с Тайваня американских империалистов!

— Да здравствуют китайские добровольцы, храбро сражающиеся в Корее!

И над всем городом полыхают алые шелковые знамена, зовущие к борьбе и победе над черными силами американской реакции.

Пекин, ноябрь.

Наш Поль Робсон

Из записок американского журналиста

Джозеф КЛАРК

Поль Робсон с женой Эсландой и сыном Полем Робсоном младшим.

От роскошного концертного зала Карнеги-холл до уличных подмостков в негритянском Гарлеме, от больших театров на Бродвее к эстраде на гулянье в Пикскилле — не рассказывают ли эти скитания Поля Робсона историю нынешней Америки простых людей?

Еще в те дни, когда величественный образ робсоновского Отелло открыл широкий путь для шекспировских спектаклей в Нью-Йорке, реакционеры травили Робсона. Уже тогда раздавались яростные крики: «Вы только подумайте: негр — негр! — будет играть на Бродвее рядом с белой Дездемоной!» Но в те времена Робсон еще мог по крайней мере появляться на Бродвее.

Тогда крупные концертные предприниматели еще дрались между собой за право устраивать гастроли Робсона. Концертные залы были битком набиты, когда этот могучий и мелодичный бас звучал в песнях негритянского народа, песнях России, Испании и других стран. Даже профессиональные критики капиталистических газет не могли найти в исполнении Робсона ничего, кроме высокого искусства. Правда, некоторые из них морщились: слова песни «Олд Мэн Ривер» в исполнении Робсона как бы меняли свой смысл. Это уже была не жалоба — это была песнь борьбы...

А теперь? Теперь люди, которые прячут свое бесстыдство за трескучими фразами об «американском веке», не пускают Робсона в концертные залы и театры, где кресла покрыты бархатом.

Они добились обратного результата. Именно теперь, как никогда за десятилетия его служения народному делу, Робсон вырос в гигантскую фигуру и как художник и как трибун...

Когда американские бомбы стали разрываться над городами Кореи, уничтожая женщин и детей, негритянский народ Америки инстинктивно ощутил свою близость к народу Кореи. В самом деле: разве эта война не отмечена всеми чертами войн белых поработителей во имя грабежа и истребления колониальных народов? А организаторы вторжения в Корею — разве это не те же, кто линчует и душит 14 миллионов американских негров?

Так, в числе первых американцев, выступивших с требованием прекратить интервенцию Уолл-стрита в Корее, были негры. Тысячи их пришли на традиционное место собраний в Гарлеме — «Гольден Гейт Аудиториум» — услышать, как Робсон будет требовать, чтобы убийству женщин и детей в Корее был положен конец. Они пришли требовать свободы и равноправия для людей, какого бы цвета кожи они ни были. Они пришли, чтобы почтить память жертв другой зверской войны, которая неустанно ведется против цветных людей Америки,— память Вилли Мак Ги, шестерых из Трентона, семерых из Мартинсвилля, лишенных жизни только потому, что они негры...

* * *

До того, как началось преступление американского империализма в Корее, простых американцев потрясло одно событие. Это событие произошло в городе Пикскилле летом 1949 года — почти за год до черного похода Макартура на корейский народ.

Пикскиллская история известна всему миру. Но ее надо рассказывать снова и снова, чтобы люди могли увидеть звериный лик тех, кто отвечает за преступления в Корее. Ее надо передавать из уст в уста, чтобы все знали, что́ такое Робсон для Америки сегодня. Но в первую очередь о пикскиллских событиях надо напоминать для того, чтобы мир мог увидеть, что есть другая Америка, не та, которая заливает кровью Корею, а Америка белых и черных рабочих, которые не хотят, чтобы американский народ был посажен в фашистскую клетку...

Пикскилл... Маленький городок в 50 милях от Нью-Йорка. В нем нет ничего, что отличало бы его от других городков. Он окружен зеленью — это одно из немногих мест, куда рабочие и вообще трудовой люд выезжают на редкий отдых. И вот в окрестностях Пикскилла местный Комитет гражданских прав и группа прогрессивных артистов решили устроить на воздухе концерт с участием Поля Робсона.

Но имя Робсона ненавистно людям, у которых большие счета в банках. Робсон сказал миру то, что приводит реакционеров в неистовую ярость. Он сказал: «Пусть не ждут от цветных народов, чтобы они поддержали агрессивную войну против Советского Союза, страны, которая уничтожила всякое неравенство и дискриминацию наций и рас». И люди, конторы и сейфы которых находятся в высоких домах, выстроившихся на Уолл-стрите и Бродстрите, решили: голос Поля Робсона должен умолкнуть!

Конечно, эти господа в хорошо сшитых костюмах не пожелали сами «марать руки». Они знали, что исполнителей можно купить за деньги. В любом капиталистическом государстве найдется человеческое отребье, которое возьмет нож и кастет и пустит их в ход против тех, кто верит в братство народов и в длительный мир на земле. Эти отбросы человечества были сосредоточены в Пикскилле и вокруг него в день концерта. Они и сделали то «мокрое дело», которое поручалось штурмовикам в гитлеровском райхе.

Мир еще помнит гитлеровские книжные костры 1933 года. Летом 1949 года мир узнал о новых кострах — из музыкальных нот и концертных пюпитров. На фотографиях, появившихся в газетах, штурмовики американского производства плясали вокруг костров и швыряли в огонь пачки нот народных песен. Это был «апофеоз» погрома, устроенного против концерта Робсона.

Хулиганам, правда, не все удалось выполнить из их «программы», хотя их и поддерживали местная полиция и жандармы ньюйоркского губернатора Дьюи. Посетители концерта энергично защищались против атак фашистов из Американского легиона и их подпевал. Особенно прославилась оборона, организованная Говардом Фастом; ему пришлось поплатиться потом тюремным заключением за верность идеям мира и демократии.

Итак, на этом концерте Робсона музыки было мало. Музыку заменили дикие завывания хулиганов, швырявших камнями в женщин и детей. Были треск горящего дерева и шелест огня, пожиравшего концертную эстраду. Это была «музыка» американского фашизма.

Но слава и честь американских борцов за мир были отомщены ровно через неделю. Передовые рабочие, прогрессивные люди Нью-Йорка, дали себе слово, что концерт Робсона в Пикскилле состоится в следующее воскресенье во что бы то ни стало. Слово было сдержано. Концерт состоялся перед такой огромной аудиторией, какой не видывали никакие мюзик-холлы.

Робсон пел. Он пел перед двадцатью тысячами людей, которые нескончаемым потоком устремились из Нью-Йорка в Пикскилл.

На этот раз простые люди организовались, и хорошо организованы.

Незабываемая картина: рабочие оцепили всю округу огромным кольцом. Они пришли защищать Поля Робсона. Они пришли, несмотря на то, что целую неделю пресса Херста и все реакционные газеты неистовствовали, требуя крови тех, кто осмелится придти на концерт в Пикскилл.

Голос Робсона мощно плыл над тысячами людей.

Честная, прогрессивная Америка дала ответ фашизму в этот второй день Пикскилла. Рупором этого ответа был Робсон.

Бешенство фашистов нашло себе выход после концерта. Они мстили, и месть их была трусливой. Они нападали на отдельные машины, бросали тяжелые камни в окна автобусов, опрокидывали их. Много раненых женщин и детей было увезено в больницы.

Снова выглянула наружу злобная харя фашизма. Но народ сделал свое: он показал свое презрение к фашистам и выразил свою солидарность с Полем Робсоном. Было до слез трогательно видеть, как в Нью-Йорке, услыхав о нападении фашистских бандитов на мирных посетителей концерта, люди бросались к машинам и мчались на выручку.

Победа была за народом. Это был и триумф Поля Робсона.

* * *

Пикскилл в глазах каждого передового американца был одним из предвестников других, более крупных событий. Было ясно, что охотники за людьми, враги культуры, покровители фашизма, претенденты на мировое господство готовы на любое отчаянное средство, чтобы осуществить свои преступные планы.

Начав интервенцию в Корее, американский империализм перешел от политики «холодной войны» к настоящей военной агрессии в широком масштабе. Наступило время, которое, по выражению выдающегося революционного публициста Тома Пейна, «испытывает человеческие души».

Реакционеры, конечно, знают, что в такое время Робсон останется верным тому делу, которому он посвятил 30 лет своей жизни. У них есть все основания бояться влияния Робсона именно в такое время. Как и во всех странах, в Америке люди подписывают Стокгольмское Воззвание. Это бесит реакционный лагерь, наполняет его страхом и бессильной ненавистью.

И вот они посылают полицейских к Полю Робсону сказать ему, что ему запрещен выезд за границу. Робсону нельзя больше появляться нигде за пределами долларового занавеса! Робсону запрещено участвовать во Втором Всемирном конгрессе сторонников мира.

Испанские республиканские солдаты, сражавшиеся против фашизма Франко и итало-германского вторжения в их страну, видели и слышали Робсона на передовых позициях. Лондонские рабочие внимали голосу Робсона во время их демонстрации в пользу мира на Трафалгар-сквере. Трудящиеся Польши и других стран народной демократии горячо аплодировали словам и песням Робсона в пользу мира. Великий народ Советского Союза не раз с исключительной теплотой принимал Робсона, как дорогого гостя. «Прекратить все это!» — раздался взбешенный голос из государственного департамента. И все же в дни Варшавского конгресса проникновенный голос Поля Робсона, записанный на пленку, звучит в свободной Варшаве. Взволнованная, страстная речь Робсона, его замечательные песни как бы утверждают: нет силы, которая могла бы помешать единству сторонников мира.

Есть такой английский журналист — Александр Верт. Некогда он рассказывал читателям о том, как солдаты Сталинграда спасли свободу всех народов. Сейчас Верт не стесняется обливать Советский Союз грязью. И вот этот Александр Верт хихикает по поводу того факта, что советские люди полны дружеских чувств к Полю Робсону. В лондонской газете «Нью стэйтсмэн энд нейшнл» от 2 сентября Верт пишет, что «Робсон — это едва ли не единственный из видных американцев, которого переносят советские люди».

Верт пишет эту неправду в дни, когда советские издательства печатают в огромных тиражах книги американских романистов, сборники американских рассказов. Он осмеливается утверждать подобные небылицы в дни, когда советская печать широко и сочувственно освещает то, что замалчивает капиталистическая печать Америки и Англии: борьбу выдающихся прогрессивных американцев за дело мира.

Оставляя в стороне измышления Верта и ему подобных, я должен сказать, что советский человек действительно питает какое-то особо теплое чувство к Полю Робсону. И в этом нет ничего странного или неестественного.

Я вспоминаю свой разговор с советским офицером в поезде по пути от Бреста до Москвы. Он спросил меня: «Как вы думаете, не случится теперь никакой беды с Полем Робсоном?»

Разве сердечная забота, выраженная этим советским человеком,— это тема для нечистого хихиканья в духе Александра Верта? Мне кажется, что отношение советского человека к Робсону одинаково возвышает их обоих.

Робсон в глазах советских людей символизирует глубокое различие между Америкой Уолл-стрита и фашистских легионеров, проповедующей атомную войну, и другой, народной, честной Америкой, которая не хочет фашизма и борется за мир.

Я убедился также, что советские люди ценят Робсона и как выдающегося художника. И не просто художника, а человека того искусства, которое хочет служить и служит народу, служит миру и жизни, а не смерти и войне.

* * *

Когда Робсон явился в государственный департамент, чтобы протестовать против запрещения ему выезда за границу, человек в полосатых брюках сказал ему, что проблема американских негров — это «домашняя» проблема Соединенных Штатов и нечего, мол, выносить сор из избы. Так говорят люди, которые разожгли войну в Корее, чтобы заковать в цепи и удушить колониальные народы, в том числе и негров, на всем пространстве Азии, Африки и Латинской Америки.

Робсон рассказал на одной из пресс-конференций историю этого гонения. Он призывал бороться против фашистских законов, принятых конгрессом. «Они уничтожают закон о гражданских свободах»,— сказал Робсон. И он добавил: «Я хочу иметь свободу бороться против мистера Рэнкина из Миссисипи». Он имел в виду отъявленного расиста Рэнкина, позорная «деятельность» которого в так называемой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности стоила уже свободы сотням прогрессивных американцев.

«Я,— сказал Поль Робсон,— принадлежу к огромному большинству американцев, которые убеждены, что все наши международные вопросы можно разрешить мирным путем. Именно поэтому мы настаиваем на праве говорить в пользу мира...»

Жизненный путь Поля Робсона достиг своей высшей точки в эпоху великого перелома в мировой истории. Это — эпоха, когда вопрос жизни или смерти для миллионов человеческих существ решается борьбой между лагерем войны, руководимым Уолл-стритом, и лагерем мира, возглавляемым Советским Союзом. Поль Робсон — это символ участия американского народа в международном движении за мир. Когда мир победит войну,— в этом будет вклад и Поля Робсона.

Лучшим признанием выдающихся заслуг Поля Робсона в борьбе за мир является присуждение ему Международной премии мира.

Тем, кто от бандитизма в Пикскилле пошел дальше, к преступлению в Корее, тем, кто хочет разжечь атомным факелом пожар мировой войны, не удастся осуществить их черный замысел. Факел войны будет выбит из их рук.

И тогда золотые звуки голоса Робсона будут свободно раздаваться во всех странах, к радости простых людей всех народов.

Из поэмы «Всеобщая песнь»

Пабло НЕРУДА

Лауреат Международной премии мира

I. ВЫСШЕЕ СЧАСТЬЕ

**Я сумрак искал когда-то, но он мне больше не нужен,
теперь у меня есть радость, высокая, как мачта,
это — наследие лесов, ветер дальних дорог
и новый, решительный день, встающий в зе[illegible]**

**Я пишу не затем, чтобы вторить чужим книгам,
не для фанатиков я пишу, лирики подмастерьев,
а для простых людей, которым необходимы
вода в реке и в небе луна, простые, вечные вещи:
школа, хлеб, вино, гитара и инструменты.**

**Я пишу для народа — пусть не все еще могут
прочесть мои стихи неграмотными глазами.
Но время придет, и строкй дуновенье,
колебавшее мою жизнь,
коснется их слуха.**

**И землепашец подымет глаза,
улыбнется шахтер,
вытрет свой лоб горновой,
рыбак удивится блеску
рыбы, трепещущей на ладонях,
вымоет руки механик,
выйдет из гаража,
на стихи мои взглянет —
и скажут они, быть может: «Это был наш товарищ».**

**Пусть это будет моим венком. Этого мне довольно.
Пускай стихи мои и в шахтах и на заводах
останутся связанными с землей,
с воздухом, с победой угнетенного человека.**

**И пусть тот юноша, который возьмет мою книгу,
отлитую мной из медлительного металла,
открыв страницы ее, столкнется с кипучей жизнью
и, погрузившись в нее душой,
почувствует тот ураган,
который создал мою радость на этой бурной вершине.**

II. МОЕЙ ПАРТИИ

**Ты мне дала братство тех, кого я не знаю,
Ты укрепила меня силами всех живущих.
Ты возвратила мне родину, словно я вновь родился,
Ты мне дала свободу, которой лишен одиночка,
Ты научила меня добро зажигать, как пламя,
Ты, как согнутому стволу, мне помогла распрямиться,
Ты мне открыла глаза на единство людей и различье,
Ты показала, как боль одного исчезает в общей победе,
Ты научила меня ночевать на жестких кроватях братьев,
Ты приказала писать о реальном, как пишут на камне,
Ты меня сделала крепкой стеною против врагов презренных,
Ты помогла мне увидеть свет мира, поверить в возможность счастья,
Ты меня сделала неразрушимым, ибо в тебе я бессмертен.**

Перевел с испанского Лев ОСПОВАТ

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ».

Адун покрылся льдом и снегом. Руководство строительства трубопровода решило перенести трассу на левый берег. Нужна дорога, и строители вместе с трудящимися Новинска создают ее в труднейших условиях.

Здесь, на расчистке трассы, впервые познакомились инженер Ковшов (артист П. Кадочников) и экономист Женя Козлова (артистка И. Киселева). «Нет, нет,— смущенно и вместе с тем лукаво говорит Женя Ковшову,— я не умею командовать. Мне просто захотелось, чтобы вы обратили на меня внимание...»

Селекторная Рогова, начальника одного из трех боевых участков. План выполнен; Рогов (артист С. Столяров) доложил об этом Батманову. Теперь он обращается к своим соседям — начальникам других участков, боровшихся за переходящее Красное знамя. «Соседи дорогие... Приглашаю ва[illegible] себе на остров. Угощение будет на славу...»

«Крепите дополнительными тросами!» — приказывает инженер Тополев (артист А. Ханов), перекрикивая гул надвигающегося бурана. Старый инженер, не щадя жизни, спасает трубопровод

Инженер Беридзе (артист В. Квачадзе) полюбил смелую талантливую девушку Таню Васильченко (артистка Т. Махова). Ему хочется поехать с ней после окончания стройки в далекую солнечную Грузию.

Лукавит шофер Махов (артист Л. Кмит), не желая открыть свой «секрет» начальнику участка Рогову. И все готовы отвернуться от него. А ведь Ковшов (артист П. Кадочников), сообщающий здесь о новом способе развозки труб на трассе, раскрывает именно «секрет» Махова.

Опытный глаз Батманова (артист Н. Охлопков) умеет безошибочно распознать в человеке его главные достоинства и недостатки

Поняв свою ошибку, инженер Тополев (артист А. Ханов) всей душой решил помочь строителям трубопровода. Он предложил с помощью взрывов прокладывать трассу в нужном направлении. Опыт удался. И благодарные строители приветствуют старого инженера

В Лондоне

Самед ВУРГУН

Могила Маркса

Есть кладбище в Лондоне, старый Хайгет.
Там Маркса могила простая.
Над черной плитой изваяния нет.
Лишь слава живет, вырастая.

Плита оседала, мерцала сквозь дождь,
Чернела под снегом и градом.
Почиет в земле наш учитель и вождь
С любимою дочерью рядом.

А слева студеной водой родников
За холмиком озеро блещет.
Над озером тем, у его берегов,
Древесная зелень трепещет.

Когда-то брала его за руку дочь.
По этой вот длинной дороге
Они уходили из Лондона прочь
Отвлечься от дум и тревоги.

Влюбленный в природу, он мог без конца
Смотреть на источник журчащий.
Под ветром весенним порхала пыльца,
Шумели приветливо чащи.

Учитель был рад, что зеленый листок
Так нежно касается пальца.
И мудрая дума была, как итог
Всей жизни борца и скитальца.

Мелкий дождь моросит. И склоняемся мы,
Снявши шляпы, над черной плитою.
И без шапок зеленых леса и холмы,
Еще холодно поле пустое.

Наши думы сегодня просты и ясны:
С нами Сталин. Пред нами победа ве[illegible]

Рядом с нами сегодня история вся,
Все народы советской Отчизны.
Мы столпились, признательность в сердце [illegible]
Размышляем о Матери-Жизни.

И как будто бы ласково Маркс говорит:
— Знаю все о борьбе вашей, люди!
Там, где красное знамя свободы горит,
Где, как гром дальнобойных орудий,
Отдаются в сердцах миллионов слова —
Те, что в сердце моем выростали,—
Я живу, потому что свобода жива,
Потому что работает Сталин!

Мелкий дождь моросит. И склоняемся мы,
Снявши шляпы, над черной плитою.
И без шапок склонились леса и холмы,
Еще холодно поле пустое.

Но недолго, недолго зиме пировать
Под обугленным небом Европы.
Настежь старые окна пора открывать,
Прорубать неоткрытые тропы!

Ибо тонет в жиру и в грязи капитал,
Не надеется даже на льготу.
А наш старый учитель еще не устал,
Продолжает свой путь и работу!

Он сражается с ордами черных теней,
Гонит прочь их, клеймя и позоря.
И все ближе и ближе, ясней и ясней
Коммунизма рассветные зори!

Банкет

Готические, стрельчатые арки.
Гербы и алебарды — без числа.
Струится свет, бескровный и неяркий,
В огромные, как башни, зеркала.

На мраморных полах — богатства мира,
Ковры невыразимой красоты.
Ковроткачихи древнего Кашмира
Здесь огненные выткали цветы.

Огонь из мрака выткала индуска!
На этих кровью крашенных коврах
Жмет руки нам и, усмехаясь тускло,
За нами наблюдает зоркий враг.

Их много, важных заправил из Сити.
Нетрудно их намеренья постичь,
Когда, желудки медленно насытив,
Произнесут витиеватый спич.

И кажется, что в кушанья и в вина
Кровь чернокожих медленно течет,
Что всей планеты нашей половина
Здесь миллиардный предъявляет счет.

А нам вниманье! Нам почет особый!
Нас, делегатов мира и труда,
Знатнейшие приветствуют особы,
Нас вражеская чествует орда.

Так льстиво изгибаясь, так искусно
Повадку волчью спрятав под крахмал...
Не может быть, чтобы игры их гнусной
Советский человек не понимал!

Перед коварным мертвенным оскалом
Мне стало тошно. Друг, не обессудь,
Мне хочется не чокнуться бокалом,
А все вино в глаза ему плеснуть!

И вот подходит сухонькая леди.
С ней рядом муж. Сам Черчилль. Это он
Готов к дипломатической беседе,
Поддерживает светский, легкий тон.

Стоит кабан, расставил ноги, тучный,
Разглядывает, лоснится в жиру,
Густые брови сдвинул и беззвучно
Вдруг усмехнулся, дьявол, не к добру.

— Баку! Баку! — он процедил сквозь зубы,
И дрогнула слегка густая бровь...
А у меня по жилам, как сквозь трубы,
Бьет огненная нефтяная кровь.

Да, я, бакинец, на твоем пути!
Да, я — наследник двадцати шести!
Ты помнишь все, конечно, старый дьявол!
Так пристальней, пожалуйста, гляди!

...Мы разошлись — налево и направо.
Клокочет ярость у меня в груди.

Последняя картина

Очнулся он в темной каморке в ту ночь...
Стучал еще сон в воспаленные вежды,
Потом, затуманясь, рассеялся прочь,
А следом за ним исчезали надежды.

Три шага всего от стены до стены...
Куда ж там идти! Да и сил не осталось.
И ноги, как вата. И дни сочтены,
Ну что же, прощай, бесполезная старость!

Не только они! Сколько дней, сколько лет
Он голоден в Лондоне, черном и черством,
Без хлеба сидел, отощал, как скелет,
Цеплялся за жизнь с бесполезным упорством.

Куда обратиться, кому рассказать,
Зачем еще холст набивать на подрамник,
Кто сможет художника за руку взять!
И впрямь, видно, в землю ложиться пора мне!

Просить подаянья, как нищий! Нельзя!
Недаром стоят на посту полисмены,
Зачем же светает, глаза мне слезя!
Зачем этих суток всегдашняя смена!

И старый художник с тоской поглядел
На бледнозеленое небо, на землю.
И сердцем бывалый восторг завладел,
Волнением творческим сердце объемля:

Есть верные кисти, и в ящике есть
Последние краски, еще не сухие.
Он кончит с последней картиною — в честь
Всей этой ликующей, вечной стихии.

Он вышел на площадь. Асфальт засверкал,
Дождями обмытый и светом облитый.
И тут же, под блеском витринных зеркал,
Кладет он мазки на блестящие плиты.

И красками ярко залит тротуар.
Асфальт закипает закатом горячим.
А он расточает свой творческий дар
Всем этим зевакам, незрячим и зрячим.

Не стой равнодушно, всмотрись хоть на миг,
Как гибнет искусство сегодня в Европе!
Британское небо в туманах немых
Его окончательно в бездну торопит.

Смотри, как пестро размалеван обман.
Как молодость чья-то на миг воскресает.
...Льет ливень. Сдвигается плотный туман.
И мелочь художнику кто-то бросает.

Перевел с азербайджанского
Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Рассказ

Ник. ЖДАНОВ

Рисунки В. Высоцкого

Каждый раз после смены Рябинин шел в завком за письмами. Письма приходили ежедневно; их было так много, что иногда он набивал ими все четыре кармана своей спецовки. Если бы не жена и дочь, которые помогали ему дома разбирать эти письма, прочитывать и отвечать на них, то он находился бы в очень большом затруднении. Вместе с письмами поступали различные повестки и приглашения от общественных организаций, клубов, институтов, где хотели его видеть, с ним советоваться.

Шагая по огромному цеху мимо притихших станков, дышащих жаром печей, мимо свежего проката, остывающего на площадках, Рябинин прикидывал в уме, какие неотложные дела предстоят ему на сегодня и можно ли сразу ехать домой или придется пообедать в заводской столовой, чтобы не терять времени на лишнюю поездку.

— Федор Андреевич! — навстречу ему бежала табельщица Люба; синий сатиновый халат с белым воротничком и русые тоненькие косички делали ее похожей на школьницу. — Федор Андреевич, — повторила она, шумно и глубоко дыша, — вас там немец дожидается; у начальника цеха.

— Что еще за немец? — хмуро спросил Рябинин, не останавливаясь и не замедляя шага.

Когда он вошел в конторку начальника цеха, тот, откинувшись на спинку стула и тщательно подбирая слова, рассказывал о работе завода сидевшему напротив него краснолицему человеку, который, должно быть, и был немец. Он сидел на табуретке в распахнутом осеннем пальто, положив на колени светлую шляпу; волосы у него тоже были светлые, гладкие, аккуратно расчесанные на пробор.

— О, геноссе Рьябинин! — обрадованно заговорил он и, добродушно улыбаясь, встал и протянул Рябинину широкую в ладони, жесткую руку.

— Вы меня, как я смотрит, не узнаете?

Все еще улыбаясь, он выжидательно уставился своими светлыми глазами прямо в глаза Рябинину.

Действительно, Рябинин, пожалуй, уже однажды видел это красное, не то от загара, не то от ветра, крепкое, сухощавое лицо. Но где?

— Помните: Берлин, сталелитейный завод,— подсказал немец.— Я Гутнер, Курт Гутнер, разметчик.

Вот теперь Рябинин припомнил. Гутнер был тогда в коричневом комбинезоне с широким карманом на груди. Их разговор был беглым: другие члены профсоюзной делегации, в числе которой был Рябинин, уже прошли в соседний цех. Немецкий рабочий говорил по-русски, его интересовал рябининский опыт, опыт советского стахановца. Рябинин сказал тогда: «Что ж разговаривать на ходу, между делом. Вы приезжайте в Советский Союз, к нам в Ленинград, тогда и поговорим».

И вот Гутнер стоит перед ним, празднично одетый, и улыбается.

— Садитесь,— сказал Рябинин и тоже сел, потом достал из кармана пачку «Казбека».— Курите!

Оказалось, что Гутнер прибыл в СССР в составе профсоюзной делегации и он специально выбрал время, чтобы заехать к своему знаменитому коллеге Рябинину.

— Ну что ж,— сказал Рябинин,— у нас еще на фронте был такой обычай: приезжего сначала приглашают пообедать, а уж потом спрашивают, зачем прибыл. Пойдемте.

Он встал. Гутнер тоже встал, продолжая улыбаться. Они попрощались с начальником цеха и вышли.

— А вы, значит, тоже были? — спросил Гутнер, когда они оказались на заводском дворе. Он сказал вместо «были» «пыли», и Рябинин, размышлявший о том, пригласить ли немца в столовую или ехать с ним домой, не понял вопроса. Он решил, что Гутнер спрашивает про новый сквер с молодыми деревьями, разбитый на дворе около корпусов.

— Да, это помогает от пыли,— сказал он.

— Нет,— возразил Гутнер,— я спрашивает: на фронте вы были?

— Был! — сказал Рябинин.— Вот тут и тут! — Он ткнул рукой себе под левую ключицу и потрогал правое колено, показывая, где были ранения.

— О-о! — воскликнул Гутнер, и на его здоровом лице изобразился ужас. Рябинин невольно усмехнулся. «Повезу его домой»,— решил он.

— А я,— продолжал немец,— вот! — Он поднял обе руки вверх и сделал скорбное лицо:— Я в плен сдавался!

Рябинин вновь невольно усмехнулся, Гутнер ему нравился.

По дороге к остановке троллейбуса Рябинин узнал, что Гутнер был на одном с ним участке фронта, под Мгой, потом почти два года провел в плену, где и научился говорить по-русски.

* * *

Дома Рябинин помог Гутнеру снять пальто и, проводя его в столовую, представил жене, уже принявшейся накрывать на стол.

— Вот, познакомься, Оля, Курт Иоганн Гутнер из Берлина.

— Из Берлина? — удивилась Ольга Дмитриевна, протягивая руку.

— Да, это так,— подтвердил Гутнер.— Еще совсем недавно вы отнюдь не пропускали в свой город никого из Берлина. Правда? Я знаю это по себе! — он засмеялся, довольный, что так легко, в шутку коснулся щекотливого вопроса.

— Мы только непрошенных гостей не пускаем, а вообще-то мы люди гостеприимные,— сказала Ольга Дмитриевна, ставя на стол синий графинчик с домашней наливкой.

— Егорушка дома? — спросил Рябинин и, не ожидая ответа, обратился к Гутнеру.— Хотите, сына покажу?

Он рывком открыл дверь в соседнюю комнату. Там в кровати с сеткой из белых шнуров стоял мальчуган лет трех в одной рубашонке, должно быть, только что поднявшийся после дневного сна. Рядом с ним на стуле сидела бабушка в вязаной кофте, с блюдечком манной каши в руках. Не обращая на нее внимания, мальчуган болтал в воздухе ногой и, оттопыривая щеки, по-отцовски сводя брови над переносицей, во всю мочь горланил:

Не нузен мне белег тулецкий
И Афлика мне не нузна...

— Ишь ты,— ворчала бабушка,— не нужна! А каши хочешь?

Увидев отца и с ним незнакомого человека, Егорушка смутился и виновато присел, стараясь спрятать голову в подушку. Отец схватил его подмышки, несколько раз высоко поднял над головой и опять посадил в кроватку.

— Ага, боишься! — поддразнил он.

— Па-па! — сказал счастливый Егорушка, отдуваясь.

Сияющий Гутнер стоял рядом.

— Как имя? — спросил он.

— Егор,— сказал Рябинин,— Егор Федорович. У вас такой философ был.

— Не знаю,— смутился Гутнер,— такого не знаю.

— Ну, как же,— возразил Рябинин,— был у вас такой Георг Фридрих, по фамилии Гегель. Правильно?

— Да, это так,— согласился Гутнер.— Был.

— Ну вот, а у нас в России его Егором Федоровичем звали — Белинский. Такого слышали?

— Белинский? — переспросил Гутнер.— Весьма занимательно. Нет, не слышал.

— Вот видите,— усмехнулся Рябинин,— мы ваших знаем, а вы наших нет. Впрочем, это дело исправимое, пойдемте обедать.

После обеда еще долго не выходили из-за стола. Ольга Дмитриевна убрала посуду и включила электрический чайник.

— Я очень хочет,— сказал Гутнер,— заимствовать ваш рьябининский метод. Это моя самая первая мечта.

Он принялся рассказывать о своем заводе, о трудностях и радостях восстановления, о своей жене Марте и дочери Маргарите. Все время он старался жестами помочь словам.

Из рассказов, поступивших на конкурс журнала «Огонек».

— Вы коммунист? — спросил его Рябинин.
— Нет, это для меня еще сложно,— сказал Гутнер,— я патриот. А вы? — обратился он к Рябинину.
— Я тоже патриот,— сказал Рябинин.— Вот я смотрю на вас и думаю: оба мы рабочие, металлисты, люди как будто не злые, о жизни у нас понятия сходные, общего у нас очень много. А между тем вполне может оказаться, что пулю вот сюда,— он показал рукой на грудь,— вы самый мне и влепили. А?
— Ну, что вы! — смутился Гутнер и вытер пот со лба.
— Нет,— спохватился Рябинин,— я не хочу сводить счеты. В конце концов вы меня, например, ранили, а я вас пленил.— Он засмеялся и похлопал Гутнера по плечу.
Ольга Дмитриевна поставила на стол клубничное варенье и стала разливать чай.
Рябинин положил себе варенье прямо в стакан и подвинул вазочку Гутнеру.— Ты сколько норм даешь, какой процент? — спросил он, незаметно для себя переходя на «ты».
Гутнер сказал.
— Это мало,— определил Рябинин.— Вот я тебе про одного китайца расскажу, токаря из Мукдена,— Чжао Го-ю.
Рябинин встал, подошел к небольшому столику в углу комнаты, порылся в стопке писем, взял одно из них и, вернувшись на свое место, рассказал о китайском токаре.
— Он 28 норм дает! — сказал Рябинин.— А я хочу, чтобы он давал 50 норм! Правильно?
— Да, это так,— улыбаясь, сказал Гутнер.— Если мы больше работаем, мы сильней.
— Еще бы! — подтвердил Рябинин.— Вот я про нашего сталевара Мурзича расскажу.
И он рассказал, как Мурзич подписывал Стокгольмское Воззвание на металле, выплавленном им сверх нормы на вахте мира. А теперь уже из этого металла сделан трелевочный трактор и отправлен на лесозаготовки на север, и уже заготовленный трактором лес поступает на строительство Сталинградской гидроэлектростанции.
— Да, это деловой поступок! — сказал Гутнер. Он даже не мог больше пить чая, а встал и в волнении заходил по комнате.
Он пробыл у Рябинина еще долго и ушел, когда вернулась из школы дочь Рябинина, восьмиклассница Наташа, учившаяся во второй смене. Егорушка уже спал в своей кроватке, закинув руки за голову, краснощекий и очень важный.
— До свиданья, Гегель,— сказал ему Гутнер, но Егорушка не слышал.
Они условились с Рябининым увидеться на заводе, куда Гутнер обещал приехать к началу утренней смены.

* * *

Когда Рябинин приехал на завод, Гутнер уже стоял у массивных литых ворот. Пропуск был заказан еще вчера по телефону, и Рябинин сразу провел Гутнера к верстаку, за которым работал.
Надо было разметить детали для турбины. Он пододвинул в сторону мерительную плиту и развернул на верстаке чертеж.
— Вот,— сказал он Гутнеру,— разбираетесь? Язык линий — международный язык.
— Да, это так,— согласился Гутнер. Он снял пальто, под которым на этот раз оказался уже знакомый Рябинину коричневый комбинезон с карманом на груди, и склонился над чертежом.
— Вот как бы вы стали размечать эту деталь? — спросил Рябинин.
Гутнер показал.
— Э, — сказал Рябинин,— раньше и я так делал, а теперь делаю иначе.
И он показал, как делает теперь.
— Это весьма остроумно,— сознался Гутнер.— У меня был дядя, портной, и он всегда шил себе костюм из трех метров, и этот костюм был ему немного велик, а потом дядя отдал шить костюм другому портному, и тот взял три с половиной метра, и костюм оказался мал.
Рябинин засмеялся, и Гутнер тоже затрясся от смеха.

НОВЫЙ УЗБЕКСКИЙ ЖУРНАЛ

В Ташкенте вышел первый номер ежемесячного иллюстрированного общественно-политического и литературного журнала «Женщины Узбекистана» на узбекском языке.

Журнал освещает разностороннюю жизнь дочерей узбекского народа. О своих трудовых победах на колхозных полях рассказывает в первом номере лучшая сборщица хлопка республики Турсуной Ашурова. О широко открытом пути в науку говорит кандидат физико-математических наук Пулатой Шахайдарова. Статья матери-героини Мадины Ахмаджановой полна глубокой благодарности советскому государству за счастливое материнство.

Большое место на страницах журнала «Женщины Узбекистана» занимают публицистические и художественные произведения, посвященные защите мира. Очерк Нафисы Хаировой и стихи китайского поэта Янь Чана рисуют жизнь свободного Китая.

Журнал богато иллюстрирован фотографиями, показывающими труд и быт женщин советского Узбекистана.

— При этом,— с усилием выговорил он,— надо учесть, что дядя нисколько не пополнел.
— Мы не на дядю работаем — на себя! — сказал Рябинин, перестав смеяться.
— И мы теперь не на дядю,— сказал Гутнер. И стал внимательно следить за тем, как Рябинин наносит линии на металл.
Он был очень понятлив, и Рябинин это оценил сразу. Но когда Рябинин однажды заметил, что при случае разметчик может поправить конструктора, Гутнер посмотрел на него с испугом.
— О нет, это не наше дело. Я всегда свято держусь чертежа.
Рябинин объяснил, что он тоже вполне доверяет чертежу, но иногда приходят на ум и свои соображения, а другой раз недосмотр заметишь. Однако Гутнер с сомнением качал головой.
— Ладно,— сказал Рябинин,— вернемся к этому вопросу потом.
В перерыве к ним стали подходить рабочие. Сам собой завязался разговор. Гутнер чувствовал глубокий, дружеский интерес этих людей к его стране и к нему самому. Один из рабочих, литейщик Хмуров, широкогрудый и веселый, с лицом, измазанным копотью, спросил, сверкнув белками глаз:
— Вы там Гитлера прочно похоронили? А то, глядите, опять из могилы вылезет, да в американской форме!
— Не вылезет,— сказал Гутнер,— не беспокойтесь.
— Нам не беспокоиться нельзя,— сказал Хмуров,— мы уже ученые.
Литейщик многозначительно подмигнул Гутнеру и, скинув брезентовую рукавицу, крепко пожал ему на прощание руку.
До конца смены Гутнер несколько раз занимал у верстака место Рябинина и размечал, а Рябинин стоял около и молча наблюдал за его работой, одобрительно улыбаясь, или делая какие-нибудь замечания.
После работы оба разметчика вместе пошли умываться, потом с шуточной церемонностью стали помогать друг другу надевать пальто.
Гутнер сказал.
— Знаешь, Феодор, у меня в жизни был только один настоящий друг, вальцовщик Вилли. Он погиб в этой войне. Мы работали на одном заводе и после смены вместе ходили в бар пить пиво. Мы были откровенны во всем. Право, это была хорошая дружба, но все-таки это было совсем не то, что у нас. От такой дружбы, как наша, для меня мир становится яснее и шире! — он щелкнул пальцами и развел руками, показывая, как именно яснее и шире.
Из конторки начальника цеха позвонили в гостиницу. Оказалось, что немецкая профсоюзная делегация через несколько часов выезжает в Москву, о Гутнере беспокоятся, его ждут.
— А как же обедать? — огорчился Рябинин.— Ольга нам все приготовила.
Гутнер тяжело вздохнул.
— Надо спешить,— сказал он с грустью.
Но когда вышли из ворот завода, он тронул Рябинина за плечо и сказал:
— Пройдем немного пешком, Феодор.
Они молча дошли до Арсенальной, поглядывая на холодную, дыбящуюся Неву. Ветер дул с моря. Вода высоко поднялась в берегах, не одетых в этом месте гранитом. Тяжелые волны с небрежной силой хлестали о старые сваи, покрывая брызгами булыжник набережной.
Гутнер распахнул пальто, ему не было холодно.
— У меня такое чувство, что я тоже стоял сегодня на вахте мира! — сказал он, замедлив шаг и крепко сжимая локоть своего нового друга.
Рябинин молчал, казалось, все еще думая о чем-то своем.
— Это так и есть,— проговорил он. — Теперь это наше общее дело.
Они опять помолчали.
— Война делала нас врагами,— вновь медленно заговорил Гутнер.— Мир — друзьями. Вы дали нам мир.— Он не находил слов...— Там, у себя, мы тоже будем держать вахту мира. Поверьте, Феодор.
— Я верю,— твердо и искренно сказал Рябинин и, посмотрев Гутнеру в лицо, повторил: — Верю!

Силы мира растут

Человечество никогда не забудет подвига советских воинов, водрузивших знамя победы над Берлином. Вознесенное над рейхстагом в весенний, майский день, оно реяло, как символ мира, как призыв к жизни, творчеству, созиданию.

Ныне рейхстаг находится в английской зоне оккупации. Империалисты позаботились прежде всего о том, чтобы вычеркнуть из памяти немцев прекрасный, волнующий символ мира. Они превратили рейхстаг в полицейскую казарму. Размещенные здесь солдаты, которым отведена унизительная роль палачей и усмирителей немецких рабочих, вооружены пулеметами, минометами, бомбами со слезоточивыми газами... Возле рейхстага, у самых Бранденбургских ворот, англичане держат свои полицейские и солдатские резервы, тут курсируют танки...

Но американские и английские колонизаторы бессильны подавить стремление честных немцев к миру, которые теперь хорошо знают, кто их враги и кто друзья.

Немногим более года назад в Берлине была провозглашена Германская демократическая республика.

Прозорливую оценку этому событию дал И. В. Сталин в своем приветствии Вильгельму Пику и Отто Гротеволю. «...закладывая фундамент для единой демократической и миролюбивой Германии, — писал товарищ Сталин,— вы вместе с тем делаете великое дело для всей Европы, обеспечивая ей прочный мир».

До сих пор о жизни послевоенной Германии мы знали главным образом по газетным сообщениям. Сейчас советская литература обогатилась произведением, показывающим пробуждение и рост демократических сил в восточной зоне Германии. Это роман В. Собко «Залог мира».

О днях провозглашения Германской демократической республики говорится в заключительных главах романа. Это итог, закономерное завершение важного исторического этапа в жизни немецкого народа.

Мир и счастье немецкому народу принесли советские солдаты. Разгромив преступную, антинародную гитлеровскую империю, советские люди создали возможность для существования свободного, миролюбивого, независимого немецкого государства.

Победоносно закончив войну, советские воины посвящают теперь все свои силы и таланты укреплению мира, оплаченного кровью миллионов. Они являются провозвестниками новых идей, высших принципов общественного устройства, социалистической морали. «Тебе никогда не приходилось думать о величии этих людей? — говорит своему другу немецкий коммунист Макс Дальгов.— Немцы причинили столько горя их стране, нанесли ей такие ужасные раны, а они пришли к нам, как истинные освободители. Да, это настоящие друзья».

Эти истинные друзья немецкого народа — полковник Чайка, капитан Соколов и его жена Люба, майор Савченко, сержант Кривонос и другие — умело, с глубоким проникновением в существо происходящих событий и психологию немецкого народа помогают жителям маленького саксонского городка Дорнау участвовать в строительстве демократической Германии.

Чайка — широкообразованный, проницательный человек, имеющий большой опыт государственной и партийной работы. Он верный друг и вдумчивый воспитатель своих подчиненных. Под руководством полковника советская комендатура налаживает в городе нормальную жизнь, побуждает к творческой деятельности рабочих, местных крестьян, интеллигенцию, помогает им стать активными гражданами новой Германии. Проводятся важные социальные преобразования: земельная реформа, передаются во владение народа промышленные предприятия.

«Наша задача, — говорит один из советских военачальников,— не в том, чтобы работать за немцев, а в том, чтобы они почувствовали себя свободными людьми... Мы должны охранять и поддерживать в нашей зоне все молодое, нарождающееся, пока оно не окрепнет, пока само не станет на ноги».

И мы видим, как в условиях острой классовой борьбы против помещиков, капиталистов и кулаков, против англо-американской агентуры — шумахеровцев — растут демократические силы.

В. Собко показал рост политической и трудовой активности немецких рабочих и крестьян, немецкой интеллигенции. В демократической Германии они чувствуют себя подлинными хозяевами своей родины. Простой рабочий Бертольд Грингель становится директором завода «Мерседес». Осуществляется мечта инвалида войны Эриха Лешнера о земле. Мы видим, как изменяется этот человек, как горячо он отстаивает новые порядки, прочно связав свою судьбу с Социалистической единой партией Германии. «С некоторых пор я понял, что судьба Германии зависит и от меня»,— с гордостью говорит этот недавний батрак.

Глазами взыскательного хозяина смотрит теперь на свою народную шахту шахтер Альфред Ренике. Он замечает на ней много неполадок, неорганизованности и борется с этим. Изучив опыт советских стахановцев, Ренике первым в Германии добивается необыкновенно высокой выработки. На митинге, посвященном его рекорду, Ренике произносит простые, но многозначительные слова: «Мы трудимся теперь для демократической Германии, на пользу всему немецкому народу, и об этом никто не должен забывать».

Наиболее обстоятельно показывает В. Собко переворот в умах интеллигенции. Драматичен образ актрисы Эдит Гартман. Отказ играть при фашистах в одном из лучших театров страны, приведший ее к полунищенскому существованию, был ее протестом (пусть пассивным и недостаточным) против фашизма. Но укоренившиеся в ее сознании буржуазные предрассудки долго мешали ей встать в ряды строителей новой Германии. Пользуясь этим, эсэсовец Зандер и другие замаскировавшиеся гитлеровцы плетут вокруг нее сеть интриг, соблазняют ее долларами Голливуда.

Внимательно приглядываясь к новой жизни, знакомясь с искусством страны социализма, Эдит Гартман осознает величие, силу идей мира, демократии, находит смысл жизни в служении своему народу. Аналогичный путь проделывает и писатель Болер.

Автор создал реальную, обобщенную картину жизни демократической Германии, отобразив многие характерные явления.

Есть в романе и лицо другой Германии — западных ее зон. Люди, бегущие оттуда, рассказывают об ужасах безработицы, разгуле реакции и о воскрешении милитаризма. Попадая в западные секторы Берлина, герои романа видят издевательства американских молодчиков над населением.

И не одна Эдит Гартман, видя все это, тревожно спрашивает: «Значит, все сначала? И опять призыв к войне?» — и, услышав лицемерный ответ одного из торговцев родиной: «Мы не имеем права голоса»,— гневно отвечает: «Неправда! Имеем! И за войну и свой голос не отдам. Я хочу мира!»

Роман В. Собко отличает стройная композиция, психологически правдивая обрисовка большинства персонажей, хороший язык.

Вместе с этим некоторые важные события автор рисует чересчур бегло.

Так, руководитель городской организации СЕПГ Макс Дальгов показан преимущественно во встречах с Болером, а хотелось бы видеть всю большую и сложную работу этого стойкого антифашиста, активного строителя новой Германии, представителя партии, ведущей германский народ к светлому будущему.

Образы рабочих менее ярки, чем образы Болера и особенно Эдит Гартман, рост их сознания показан недостаточно полно и последовательно. Усилили бы роман новые главы, разоблачающие авантюристическую политику поджигателей войны, их враждебные происки против Германской демократической республики.

Конец романа носит явные следы торопливости. Здесь изображение действующих лиц местами сбивается на репортаж о них.

Но и в настоящем виде роман В. Собко убедительно показывает торжество идей мира и демократии. Советский писатель запечатлел одну из важнейших вех в истории германского народа.

В. ПАНКОВ

Вадим Собко. ЗАЛОГ МИРА (роман). Перевод с украинского Ц. Дмитриевой и Н. Треневой. «Знамя» №№ 8, 9. 1950.

Книга о предателях Франции

Автор недавно вышедшей книги «Они предают мир» Жан Катала — бывший французский дипломат. На протяжении ряда лет он был начальником отдела информации при посольстве Франции в Москве. Длительное пребывание Катала на дипломатической службе раскрыло ему, честному патриоту-французу, глаза на то, «в какое ужасное гнилое болото погрузились вершители судеб моей родины — Франции». Он понял, что не имеет права дальше держаться в стороне от борьбы за подлинную свободу и независимость своего народа, решительно порвал со службой в лагере реакции и стал в ряды журналистов-демократов, борющихся за национальную независимость и мир. В январе 1948 года Жан Катала выступил в печати с заявлением, разоблачающим предательскую роль французских правящих кругов.

Пребывание в Советском Союзе дало Жану Катала очень много. Его непредвзятое отношение к советскому народу, искреннее стремление к объективному изучению положения и жизни трудящихся в СССР привели его к правильному пониманию великой роли нашей страны — «светоча для всего прогрессивного человечества».

«Я узнал СССР,— пишет он,— это уже был не тот СССР, который изображают буржуазные дипломаты, сенсационные продажные репортеры или «университетские специалисты», ремесло которых мало отличается от ремесла шпиона. Нет, я увидел настоящий Союз Советских Социалистических Республик, мир простых людей, хозяев своего государства, и государственных деятелей, вышедших из народа, не имеющих ничего общего с тем, что обычно принято называть «государственными деятелями» в капиталистических странах. Я увидел СССР мирного, созидательного труда, государство миллионов героев фронта и тыла, остановивших на моих глазах в 1941 году гитлеровское вторжение, перед которым не могла устоять ни одна нация мира; СССР, который ценой миллионов добровольных жертв, таких жертв, что я даже не мог себе представить, что они вообще возможны для человека, пошел освобождать ту Европу, правители которой подготовили против него войну».

Жан Катала выступает с ярким обличением антинародных целей внешней политики французской буржуазии. Начиная с октября 1917 года ведущей идеей французских реакционных политиков, руководимых «двумястами семейства» банкиров и промышленников Франции, была подготовка нападения на СССР. Французские капиталисты всегда были лютыми врагами СССР. Уже на первом году советской власти в своей речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 года В. И. Ленин говорил: «...конечно, мы не сомневались никогда, что империалисты и финансовые дельцы Англии и Франции постараются сделать все возможное и невозможное для свержения Советской власти, для причинения ей всяческого рода трудностей».

Эта преступная политика «всех французских министров, от Клемансо до Жоржа Бидо, включая всех даладье, рейно, петэнов, деголлей, шуманов и лавалей», раскрывается в книге Жана Катала многочисленными неопровержимыми фактами, накопленными автором за долгое время его дипломатической службы. Предательство правящих кругов Франции привело ее к тому рабскому, катастрофическому положению, в котором она сейчас находится.

«Теперь,— пишет Жан Катала,— предатели пытаются бросить Францию к ногам американского империализма, который хочет не только превратить Францию в колониальную территорию, но и использовать французов в качестве пушечного мяса в новой мировой войне, которую он готовит».

Книга Катала появилась вслед за вышедшими в прошлом году и уже известными нашему читателю книгой бывшей сотрудницы посольства США в Москве Аннабеллы Бюкар «Правда об американских дипломатах» и записками английского журналиста Ральфа Паркера «Заговор против мира». Как и эти авторы, Жан Катала показывает с фактами в руках тайную войну против СССР, которую проводят шпионы в смокингах и фраках с дипломатическими паспортами в кармане, в данном случае французскими. Прямой, наглый шпионаж, фабрикация бесконечных лживых донесений и фальшивок для прессы о положении в Советском Союзе, организация всякого рода заговоров и провокаций против СССР — ничем не гнушаются французские дипломаты, часть которых состоит одновременно на службе у американской и английской разведок.

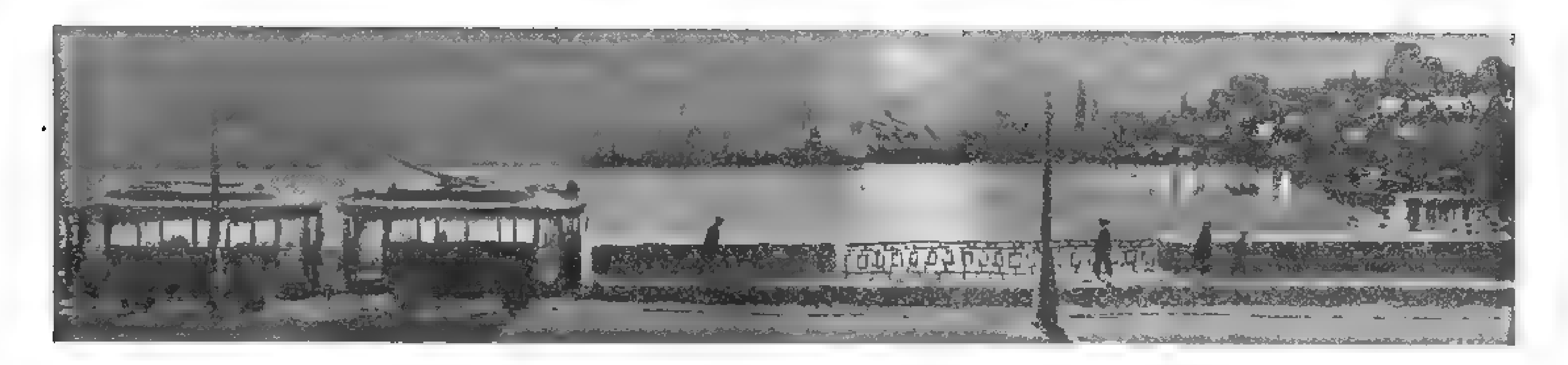
Автор книги «Они предают мир» с гордостью отделяет французский народ, его отношение к СССР от позорной проамериканской клики во Франции. Он подчеркивает, что при всех важнейших международных переговорах всегда получалось так, что единственным защитником жизненных интересов Франции оказывалось только советское правительство. «Нет ни одного честного француза,— пишет Катала,— который не знал бы, что своим освобождением он обязан Красной Армии».

Трудящиеся Франции ведут героическую борьбу против американских лакеев в своей стране. Они понимают, что только в вечной дружбе и союзе с СССР открывается единственная возможность для возрождения подлинной Франции, Франции независимой, сильной и процветающей. Жан Катала напоминает, что французский народ устами Мориса Тореза первый заявил, что он никогда не будет воевать против советского народа.

Французский народ под испытанным руководством славной компартии Франции идет в передовой шеренге борцов за мир и свободу, против сил внутренней и внешней реакции. 15 миллионов французов поставили свою подпись под Стокгольмским воззванием. Это серьезная сила и грозное предупреждение поджигателям войны и предателям французского народа.

Г. ЯКОВЛЕВ

Жан Катала. ОНИ ПРЕДАЮТ МИР. Издание «Литературной газеты». Москва. 1950. 203 стр. Цена 5 руб.



В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ

Повесть*

Михаил **МАКЛЯРСКИЙ**

Рисунки О. Верейского

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Итак, вы решительно ничего не можете сказать о том, каким образом в ящик с медикаментами попала ампула, содержавшая яд?

— Да, я, к сожалению, ничем не могу помочь в выяснении этого невероятного... ужасного злодеяния.

Отвечая на вопрос, Наумова смотрела в глаза Никонову.

— Я хочу, — сказал Никонов, — чтобы вы правильно уяснили себе сложившуюся ситуацию... Подумайте об этом.

Наумова молчала.

Подполковник взглянул на сидевшую перед ним женщину.

— Что ж, если сейчас вы ничего не имеете добавить к своим показаниям...

Заметив, что Наумова шевельнулась, Никонов оборвал свою фразу.

— Нет, я еще и еще раз повторяю: мне ничего неизвестно, и это правда... Когда вчера меня арестовали... и вот до моего разговора с вами я просто ничего не понимала. Ведь у меня и в мыслях не могло быть, что это как-то связано со...

Наумова на какую-то долю секунды запнулась, она чуть было не сказала «со смертью».

— Со? — быстро переспросил Никонов.

Наумова посмотрела на него; в глазах ее можно было прочесть недоумение.

— Со здоровьем Михаила Ивановича... Я имею в виду Дмитриева.

Она произнесла это таким тоном, словно хотела сказать: «Я не понимаю вас, что тут привлекло ваше внимание?»

Никонов не мог не признать полной естественности ее тона, а между тем в этот момент Наумова едва-едва справлялась с состоянием дурноты, которое внезапно охватило ее — так иногда чувствует себя человек, только что избежавший смертельной опасности.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил подполковник умолкнувшую женщину.

— Извините, я потеряла нить...

— Вы сказали, что у вас и в мыслях не могло быть, что ваш арест как-то связан со здоровьем Дмитриева.

— Да... вот именно!.. Ну, конечно же...

Наумова смотрела на Никонова и как бы спрашивала «А как же могло быть иначе?»

Он думал: «Неужели это игра?»

— ...И вот я все время задавала себе вопрос: «Почему я арестована?» Подумайте только... Нет, вам это трудно себе представить... Для этого надо побывать на моем месте... но все-таки... Целую ночь я все время задавала себе один и тот же мучительный вопрос..

Наумовой теперь было уже гораздо легче: дурнота проходила, а некоторую бессвязность речи (Наумова еще не совсем оправилась от потрясения) она даже и не маскировала, полагая, что это может быть воспринято как следствие естественной ее взволнованности.

— ...Ведь я не знала за собой никакой вины..., маленькой даже провинности... Я уже пожилой человек и всю свою жизнь... с двадцати лет..., честно... Вы понимаете, как это тяжело?..

Она опустила голову.

Подполковник смотрел на сидевшую перед ним женщину и думал о том, что подходивший к концу допрос Наумовой, как и недавний допрос Вакулова, ни на волосок не подвинул дела.

— Теперь я знаю, — сказала уже более спокойным голосом Наумова, — в каком страшном преступлении меня подозревают. Да, страшное преступление!.. Вы должны учесть еще и психологию врача. Вы понимаете?.. Умертвить своей собственной рукой пациента, которого ты... над которым ты дрожишь, как... Это... все равно, что собственное детище задушить. Нет! Это чудовищно!.. Да, я понимаю, что нахожусь в очень тяжелом положении И все-таки мне легче теперь... чем ночью: исчезла неизвестность, которая меня убивала, и... я знаю, что за мной нет ничего..., и... Михаил Иванович, слава богу, жив... Это большая для меня радость... Могло ведь быть... Как ужасно! Подумать только!..

Она подняла голову и посмотрела в глаза Никонову.

Немного помедлив, подполковник протянул ей протокол допроса:

— Прочтите и, если нет возражений, напишите., вот здесь: «Протокол читала, записано с моих слов правильно» — и подпишитесь

Когда Наумова вышла из кабинета, подполковник минуту — две сидел не шевелясь, потом принялся оттачивать карандаши.

«Ясно: один из них весьма искусно — надо отдать ему справедливость — изображал передо мной невиновного. Но кто?»

Второй раз за этот день подполковник мысленно ставил перед собой обоих врачей и сравнивал их. Теперь это сравнение основывалось уже не только на знакомстве с их анкетами, автобиографиями и характеристиками. Оно основывалось и на впечатлении от разговора сначала с Вакуловым, потом с Наумовой. Но и сейчас невозможно было решить, кто из них покушался на отравление Дмитриева, каким путем одного из этих людей сумела завербовать иностранная разведка.

Никонов восстановил в памяти свой разговор с Вакуловым

На лице врача, когда он вошел в кабинет, отражалось такое смятение, такая крайняя растерянность, что Никонов подумал. «Если он, то ненадолго его хватит, чтобы скрывать свою виновность»

Долгое время Вакулов не в состоянии был отвечать сколько-нибудь связно на простейшие вопросы и то и дело повторял: «Отравить... отравить...»

Чтобы проверить, сколь естественен этот психологический шок, Никонов задал Вакулову несколько вопросов, относившихся к его работе на фронте. Вакулов и на эти вопросы отвечал так бессвязно, что мысль о расчетливом его поведении перед следователем представлялась маловероятной. Но окончательно убедился в этом Никонов тогда, когда речь зашла о причине прихода Вакулова в его выходной день в поликлинику.

— Скажите, — неожиданно спросил подполковник, — почему вы вчера, в свой выходной день, вдруг явились в поликлинику?

Вакулов, смотревший куда-то вдаль и, казалось, переставший понимать, где он находится, нерешительно и не сразу повернулся в сторону Никонова.

Никонов вынужден был пояснить:

— Вы появились в поликлинике в тот самый день, когда в ящик с медикаментами была подложена ампула с ядом. Это был ваш выходной день. Почему вы пришли в этот день в поликлинику, я вас спрашиваю?

Вакулов долго молчал. Потом он внезапно оживился и, точно очнувшись от забытья, с неподдельным интересом спросил:

— Да, в самом деле?.. Почему?

Не дождавшись ответа, он медленно опустил глаза и снова погрузился в состояние прострации. Впрочем, может быть, это уже была не прострация, а глубокое и тяжкое раздумье. Спустя некоторое время, облизав пересохшие губы, он срывающимся голосом сказал:

— Я... я и сам... не знаю...

И вдруг слова полились неудержимо, как вода, проточившая наконец отверстие в сдерживавшей ее плотине:

— Да, я знаю, это выглядит крайне подозрительно — мой приход. Но я не могу, и... я боюсь выдумывать какую-либо причину. Я боюсь сказать хоть слово неправды, потому что тогда.. Хотите верьте, хотите нет: я и сам не знаю, почему я по дороге на пляж... оставив

* Продолжение. См. «Огонек» №№ 46 47 48.

жену и детей в трамвае, внезапно сошел на заводской остановке и... Вот!

Вакулов, выпалив это, сразу же потух и опять с прежней бессвязностью стал отвечать на вопросы. Никонову стоило немалого труда привести его хоть в сколько-нибудь устойчивое психологическое равновесие. Но зато когда это удалось, Вакулов сделался совсем другим человеком и не раз во время дальнейшей беседы поражал своего следователя тонкостью некоторых замечаний, верностью и точностью характеристик; во всем этом виден был далеко не заурядный ум.

В конце разговора Вакулов, несколько смущаясь, спросил:

— Вы не будете, надеюсь, возражать, если я вернусь к вопросу, на который я не мог дать вам ответа? Это о моем приходе вчера в поликлинику.

— Я вас слушаю, — настороженно согласился подполковник.

— Вы только не думайте, что я теперь... задним числом хочу дать вам какое-то объяснение. Нет, это просто... Ну, как бы сказать?.. Психологический штрих, что ли?.. Вероятно, все это время я, отвечая на ваши вопросы и размышляя в связи с ними, подсознательно все еще обдумывал задачу, которую вы мне задали... И, надо полагать, именно поэтому неожиданно всплыло одно воспоминание детства... Однажды я сел на спину смирной крестьянской лошаденки и довольно удачно катался, пока мы с ней не очутились около двора, где была конюшня. Тут она на всем скаку круто повернула и влетела в открытые ворота. Если б я не свалился, то стукнулся бы головой о низкую перекладину. Конечно, она это сделала не со зла, а так... Условный рефлекс... автоматика. Назовите, как хотите. Не удивляйтесь этому странному воспоминанию... Да! Вот и я ехал по привычному маршруту, подъехал к заводской остановке и, понимаете, автоматически... Я неожиданно для самого себя сказал жене: «Я слезу и ненадолго зайду в поликлинику»... Повторяю, это отнюдь не объяснение, и прошу вас не принимать во внимание. Просто так... подумалось...

Вспоминая теперь эту часть своего разговора с Вакуловым, Никонов так ясно ощутил всю трудность выпавшей на его долю задачи, что в волнении неосторожно нажал на кончик только что очиненного карандаша. Тонкий, как игла, графит сломался. Никонов с досадой бросил карандаш на стол.

— Вот и попробуй разберись в этом уравнении... с двумя неизвестными...

Мысли подполковника обратились к Наумовой.

Еще рано утром в Бобруйск был послан срочный запрос об отце Наумовой. Оставалось ждать ответа. Конечно, он мог содержать какие-либо разоблачительные данные об Эрнесте Людвиговиче Армфельде, но и в этом случае дело вряд ли сдвигалось с мертвой точки. Любые сведения о поведении отца во время немецкой оккупации не давали еще ни малейшего права предъявлять его дочери обвинение в покушении на жизнь инженера Дмитриева. Сомнительно, что они могли бы помочь и в выяснении того, каким образом Наумова — если допустить ее виновность — была вовлечена в преступление.

«В самом деле! Допустим, что старик... Сколько, кстати, ему было в сорок первом? — Никонов перелистал «дело» и нашел автобиографию Наумовой. — Ага, вот!.. Она пишет: «На семидесятом году жизни...» Ну, допустим, что этот семидесятилетний старик активно встал на сторону Гитлера... Это, учитывая его дореволюционное прошлое, допустить можно, тем более, что у него была возможность своевременно эвакуироваться к дочери... Теперь надо допустить, что о каких-то его художествах пронюхала какая-то разведка... разведка икс... Впрочем, зачем витать в абстракциях? Скажем определенней: разведка, представленная в нашем городе мистером Кларком... Значит, надо допустить, что сей «дипломат», узнав кое-что о биографии Наумовой, сумел раскопать какие-то сведения о жизни ее отца в период оккупации... Это уж слишком большая для него расторопность! Сомневаюсь!.. Ну, допустим, допустим... А Наумова? Ее-то разве можно было на эту приманку взять? Испугаться каких-то разоблачений в отношении отца? Да еще, может быть, мифических?.. Ерунда!

Вакулов?.. Когда во время допроса удалось вывести врача из состояния психологического шока и он связно заговорил, то перед Никоновым как бы распахнулась широкая дверь. Вакулов не просто охотно отвечал, но высказывал соображения, которые явно не могли быть продиктованы расчетом, хитростью. Например, в связи с вопросом о Наумовой он горячо стал говорить о нелепости подозрений на ее счет. При этом он выдвинул в качестве одного из решающих аргументов гибель ее дочери.

— Вы не очень-то заступайтесь, — прервал его Никонов. — Не она, так вы! «Tertium non datur» — «Третьего не дано» — так, кажется, говорит латинская поговорка?

С бледного лица Вакулова сбежали последние краски. Он, видно, огромным усилием воли вынудил себя взглянуть в зрачки Никонова и после томительной паузы сказал:

— Все-таки я не могу иначе отозваться об Ольге Эрнестовне...

«Что это было? — подумал Никонов, вспомнив сейчас об этом. — Ловко сыгранное благородство?.. Ну, тогда он хитер!»

Наумова тоже охотно отвечала на все вопросы Никонова и, казалось, не таилась от него. Однако она не проявила того благородства в отношении Вакулова, какое выказал последний. Наумова достаточно прозрачно намекнула на то, что появлением Вакулова в поликлинике в его выходной день следствию не мешало бы заняться. Именно так, как замаскированный намек, и воспринял Никонов ее фразу о приходе Вакулова вчера в поликлинику. Заяви Наумова о своем подозрении прямо, Никонов не усмотрел бы в этом сейчас ничего предосудительного. «Но это было как-то исподтишка, воровски... Нет, это недостойно советского человека. Это все равно, что анонимный донос [illegible]».

Так на психологических весах подполковника впервые нарушилось равновесие в пользу Вакулова.

Никонов вспомнил также и маленькую паузу в речи Наумовой: это «со», за которым последовала пауза, такая мимолетная, что, может быть, ее в действительности и вовсе не было. «Может, просто почудилось? А если нет?.. Если она чуть не сказала: «Со смертью Дмитриева». Тогда ведь был бы конец всему делу! Но она сказала тут же «со здоровьем», и у меня снова нет весомых оснований подозревать ее больше, чем Вакулова», — поспешил признаться Никонов. И тем не менее равновесие на невидимых весах нарушилось еще больше.

И еще одно обстоятельство пришло сейчас на ум подполковнику: знакомясь с личными делами врачей, он удивился обилию всяческих документов, характеристик, справок, хранившихся в деле Наумовой. Тут были и пришедшие в ветхость листки бумаги, и газетные вырезки, и документы, отпечатанные на добротной бумаге, снабженные солидными печатями, и какие-то командировочные удостоверения, которые вообще неизвестно как попали в личное дело. Никонов подумал: «Точно музейная витрина какая-то... Для какой цели она все это сохраняет?.. Уж больно нескромно выглядит... А может быть, я зря все это так воспринимаю? Может быть, это потому, что она очень педантична?»

И тем не менее на весах Никонова одна чаша поднялась еще выше, а другая соответственно опустилась.

Если бы теперь Никонову сказали: «Отвлекись на минуту от своего должностного положения, посмотри на этих людей просто, как на своих знакомых или случайно тебе встретившихся, кого из этих двух ты предпочел бы?» — если бы его об этом спросили, то теперь он, пожалуй, сказал бы: «Вакулова».

«Да! — подумал он. — Но я не имею права отвлекаться и не имею права превращать следствие в безответственную игру ума».

Никонов усмехнулся: «Так можно, чего доброго, в заядлого психолога превратиться... Впрочем, кем только не приходится бывать нашему брату!»

За десять с лишним лет работы в органах государственной безопасности он не раз убеждался, что нет такой области научных знаний и практического опыта, которая не могла бы пригодиться следователю.

Сын потомственного ткача из Шуи, Ивановской области, Никонов в

юности мечтал стать штурманом дальнего плавания. До тысяча девятьсот двадцать шестого года он, работая в красильном цехе Шуйской текстильной фабрики, лелеял эту мечту и почти все свободное время проводил на реке Тезе. Никто из его товарищей не мог соперничать с ним в плаванье стилем «брасс», в управлении парусной лодкой. Но учеба на вечернем рабфаке изменила его жизненные планы. Получив свидетельство об окончании рабфака, Никонов, к удивлению всех, заявил: «Поеду в Москву изучать химию». Вероятней всего, что этот внезапный, но серьезный интерес к химической науке возник под влиянием Андрея Тимофеевича Чувелева, преподавателя химии, до самозабвения любившего свой предмет и умевшего возбуждать это чувство в сердцах многих своих учеников.

В тридцать третьем году Никонов с отличием окончил Химико-технологический институт имени Менделеева и был послан на одну из крупных новостроек химической промышленности, быстро расцветшей в годы второй пятилетки. Впрочем, непосредственной производственной деятельностью ему пришлось заниматься недолго: уже вскоре после приезда на завод он был выдвинут на партийную работу, а затем — через некоторое время — избран вторым секретарем городского комитета партии.

Впереди был еще один крутой поворот жизненного пути: в конце тысяча девятьсот тридцать восьмого года Никонов по воле партии становится чекистом. И тут только понял он по-настоящему, каких разносторонних знаний, какого богатого житейского опыта, какой политической прозорливости и самоотверженности, безграничной преданности партии и советскому государству требует эта трудная, сложная, ответственная, но и в высшей степени почетная деятельность.

В июле сорок первого года Никонов получил назначение на должность начальника особого отдела дивизии, действовавшей на северном участке фронта. В конце войны он находился в одной из армий, штурмовавших Берлин.

Оглядываясь на свой жизненный путь, Никонов всякий раз подшучивал над тем, как резко разошлись с действительностью его мечтания, его жизненные планы: «Вот тебе и штурман дальнего плаванья!» Но он весело шутил на этот счет именно потому, что был вполне удовлетворен тем, как сложилась его жизнь. Да, он любил свою трудную, хлопотливую работу, любил так же самоотверженно, как старик Чувелев — свою химию. «Не знаю, какой из меня вышел бы химик, но здесь я на месте. Себе я могу сказать это, не бахвалясь. А это главное: найти место, где ты можешь принести Родине наибольшую пользу».

Впрочем, в практике Никонова-чекиста был и такой случай, когда неоценимую услугу оказало ему его химическое образование.

Шли последние недели войны. Армия, в которой служил Никонов, выдвигалась на подступы к Берлину. Всеми владела одна мысль: как можно скорее сделать последний бросок и ворваться в фашистское логово. Именно в это горячее время Никонов получил задание, поначалу его сильно огорчившее. Еще бы! — предстояла поездка в обратном направлении и к тому же на неизвестный срок. Но задание было очень важное — Никонов прекрасно это понимал: требовалось отыскать секретнейшую химическую лабораторию, которая, по агентурным данным, находилась где-то в районе городка Найдорф. Имелись сведения, что лаборатория производила опыты с новыми боевыми отравляющими веществами необычайной силы.

В течение нескольких суток оперативная группа Никонова безрезультатно обследовала весь район Найдорфа. Оставалось лишь побывать на химическом предприятии в самом Найдорфе. Никонов ехал туда без особенных надежд: трудно предположить, что эта фармацевтическая лаборатория-завод, специализировавшаяся главным образом на синтезировании гормональных препаратов, могла бы представить интерес.

Сопровождаемый шеф-директором лаборатории, массивным человеком с лицом перекормленного ребенка, Никонов со своими сотрудниками обошел все помещения завода-лаборатории. Перед ним всюду предупредительно распахивались двери, на складе готовой продукции ему показали многочисленные препараты, причем господин Крозиг — так звали шеф-директора — подробно объяснял назначение каждого из них и с гордостью утверждал, что некоторые из гормонов, синтезированные в самое последнее время, изготовляются только в его лаборатории. «Я имею в виду не одну лишь Германию», — пояснил словоохотливый и явно хвастливый директор.

Никонов вернулся в директорский кабинет и стал тщательно просматривать содержимое несгораемого сейфа. Он был почти пуст — несколько папок с бумагами и десятка полтора изящных коробочек с ампулами.

— Наиболее интересные образцы нашей продукции, — сказал Крозиг Никонову, перелистывавшему папку, где хранились письма поставщиков сырья, запросы заказчиков и тому подобные документы.

Перелистав около половины страниц, Никонов собрался захлопнуть папку, но в этот момент его внимание привлекла фамилия, упоминавшаяся в одном из писем. «Гугенгейм, профессор Гугенгейм... Знакомая фамилия», — подумал Никонов и мгновенно вспомнил: это был один из крупнейших токсикологов Германии. Еще в студенческие годы, изучая химию отравляющих веществ, Никонов встретился с этим именем. «Если только это не однофамилец, то я на верном пути. Фармацевтическому предприятию, вырабатывающему гормональные препараты, незачем прибегать к услугам ученого, посвятившего всю свою жизнь изготовлению сильнейших ядов и снискавшего этим особое благоволение Гитлера».

В это время Никонов еще не знал, что профессор Гугенгейм, убежавший заблаговременно на запад, с восторгом был принят американскими военными властями, отправившими его немедленно в Штаты, в личное распоряжение начальника военно-химического корпуса американской армии генерал-майора Альдена Уэйте.

И действительно, невинное упоминание фамилии Гугенгейм помогло тогда Никонову после долгой работы раскрыть тайну лаборатории Крозига: под безобидной вывеской фармацевтического предприятия скрывалась та самая особо секретная лаборатория, которую следовало отыскать по заданию.

«Тогда помогла химия... Химия и память, — мысленно сказал самому себе Никонов. — А теперь? Пробавляюсь одной психологией. Плохи ваши дела, подполковник!»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Покончив к вечеру со всеми неотложными делами, подполковник ощутил необычайную усталость. Уже более суток — с того часа, когда Лазарева доложила о подмене ампулы, — он находился в состоянии крайнего нервного напряжения. Необходим был хоть короткий отдых. Никонова потянуло к семье, которая жила на даче километрах в пятидесяти от города.

Жена, обрадованная его неожиданным приездом, собралась было притворно поворчать по поводу того, что он совсем забыл семью, но, увидев его лицо с глубоко запавшими глазами, встревожилась:

— Случилось что-нибудь, Леонид?

Никонов, позевывая, ответил:

— Ничего особенного. Привалило одно срочное дело, пришлось поработать немного больше обычного.

Она мысленно сказала: «Знаю я тебя — у тебя всегда «ничего особенного» — и побежала на кухню готовить на скорую руку ужин.

За столом Никонов испытывал неодолимое желание немедленно лечь и заснуть. Когда же он разделся и вытянулся на мягкой постели, в его сознании неожиданно возникла фигура Наумовой, затем Вакулова, вспомнился допрос... Мысли, цепляясь одна за другую, потянулись длинной вереницей, и только в предрассветный час сон все-таки одержал над ним верх.

Проснулся Никонов раньше, чем предполагал, с тяжелой головой. В доме еще все спали. Он посмотрел на часы и тоскливо подумал, что до поездки на работу еще целых три часа, а его уже сейчас неудержимо влекло в кабинет.

«А не съездить ли мне самому на двадцать седьмой километр? — спросил себя неожиданно Никонов. — Глядишь, часа полтора на это как раз и уйдет».

Обычно Никонов сам садился за руль автомобиля. Он любил водить машину за городом по асфальтовому полотну хорошо профили-

рованной дороги, которая даже на крутых поворотах позволяла не снижать скорости. Однако в это утро подполковник весьма озадачил своего шофера.

— Садитесь сегодня вы, Иван Кузьмич,— сказал он. Заметив удивленный взгляд, объяснил: — Устал. Может быть, по дороге подремлю немного... На развилке шоссе сверните направо, в сторону «Океанской» и остановитесь около столба на двадцать седьмом километре... Только, чур, ехать как полагается!

Как только машина выбралась из узких улиц дачного поселка и стрелка спидометра перевалила за семьдесят, Никонов закрыл глаза. Через минуту — другую он заснул крепчайшим сном. Покосившись на подполковника, шофер решил дать ему подольше поспать и сбавил было газ, но тут же снова нажал на педаль акселератора: Никонов зашевелился. Шофер больше уже не пытался снижать скорости, ему оставалось лишь поаккуратней закладывать виражи, чтобы голова подполковника при поворотах не слишком валилась на сторону.

Проснулся Никонов от резкого торможения.

— А!.. Что?..— спросил он, озираясь.— Приехали?

— Левая задняя, будь она неладна! — ответил шофер, открывая дверцу.

— А где мы, Иван Кузьмич?

— Совсем рядом. Я думаю, за тем вон пригорком как раз и будет двадцать седьмой километр.

Никонов с силой потянулся, посмотрел на лес, расцвеченный яркими красками осени. Выйдя из машины, он сказал шоферу, возившемуся с покрышкой:

— Я пойду, Иван Кузьмич, а вы не торопитесь — времени у нас много.

Пройдя шагов двести, Никонов поднялся на небольшой пригорок и действительно увидел неподалеку придорожный столб с цифрой «27».

Дело, которое привело сюда подполковника, не принадлежало к числу перворазрядных, но и оно требовало пристального внимания.

Пять дней тому назад как раз здесь, около столба, видимо на рассвете, был сшиблен неизвестной машиной какой-то велосипедист. Колхозники, ехавшие в город с овощами, обнаружили его лежащим в кювете без сознания. Неподалеку валялись старенький, сильно изуродованный велосипед и вещевой мешок с оборванными лямками. Сотрудник районного отделения милиции, вызванный в больницу для составления протокола, обнаружил в мешке следующую поклажу: восемьдесят пачек сигарет марки «Лаки страйк», три сигарообразных автоматических ручки «Паркер», двое ручных часов фирмы «Мулько», двадцать целлофановых конвертов с нейлоновыми чулками. Агентам милиции случалось задерживать в порту людей, спекулировавших подобным контрабандным товаром, который завозили американские моряки.

— Но каким образом этот... как его... Мещерский оказался на шоссе! Он что, живет за городом? — спросил Никонов, когда ему доложили о происшествии.

На это капитан Анохин, ездивший для опроса Мещерского в больницу, мог сообщить только то, что знал из паспорта и справки адресного стола: Казимир Филиппович Мещерский, родившийся в тысяча восемьсот девяносто седьмом году в Твери, проживает на Приморской улице в доме № 31. Сам же потерпевший на все вопросы однообразно отвечал: «Не знаю», «Не помню»,— а то и вовсе нес какую-то околесицу. Даже фамилию свою он вспомнил с превеликим трудом. Впрочем, беспамятство это было всего-навсего неуклюжим маневром: врачебная экспертиза установила, что уже на второй день после контузии велосипедист находился, как говорится в подобных случаях, «в здравом уме и твердой памяти». Мещерский тем не менее с великим усердием, хотя и без малейшего проблеска таланта, продолжал играть роль человека, внезапно лишившегося памяти.

«Каким ветром его занесло сюда?» — раздумывал Никонов, стоя на пригорке и оглядываясь по сторонам.

Местность была безлюдна, шоссе протянулось ровной широкой полосой, которая где-то вдали сливалась с лесом.

Никонов решил было двинуться дальше, но в этот момент его острый глаз увидел машину, выходившую на шоссе. Присмотревшись, подполковник заметил узенькую ленточку асфальта, ответвлявшуюся от полотна шоссе и почти скрытую деревьями.

Вскоре мимо Никонова на большой скорости пронесся автомобиль. Это был грузовой «студебеккер» с американским флажком на радиаторе.

«Ну, теперь, кажется, ясно,— подумал Никонов.— Как же я об этом не вспомнил сразу?»

Теперь нетрудно было объяснить, почему скромный товаровед «Рыбтреста», в одиночестве проживавший на Приморской улице, оказался ночью на шоссе в двадцати семи километрах от города: на двадцать девятом километре к шоссе примыкала асфальтовая дорога, ведущая к большой комфортабельной даче, расположенной почти у самого берега океана. Дачу эту уже много лет подряд арендовало у горсовета американское консульство. Итак, Мещерский вез на своей спине не матросскую контрабанду, а небольшую толику тех товаров, которые консульство беспошлинно получало из Америки якобы для личных нужд своих сотрудников. Никонов уже не раз имел возможность убедиться, что некоторые высокопоставленные чиновники консульства весьма беззастенчиво обращали эти товары в предмет спекулятивных операций. Никонову было также известно, что не брезговал таким «бизнесом» и Кларк.

Может быть, этот Мещерский поможет раскрыть спекулянтские махинации Кларка? Надо будет узнать, не перестал ли Мещерский притворяться «беспамятным»,— решил подполковник, открывая дверцу подъехавшей машины.

— Ну, Иван Кузьмич,— сказал он шоферу,— поменяемся-ка местами! Я уж постараюсь доставить вас в город без происшествий.

Войдя к себе в кабинет, Никонов сказал Артемьеву:

— Я вчера поручил Киселеву перепечатать из одного американского журнала фотографию.

— Она у вас на столе, Леонид Федорович, в конверте вместе с другими.

— Хорошо. Попросите капитана Анохина, а потом Киселева позвонить мне.

Никонов сел за стол и вынул из конверта, положенного секретарем, пачку фотографий. Сверху лежала фотография Кларка.

Зазвонил внутренний телефон. Подполковник снял трубку и услышал голос капитана Анохина.

— Здравствуйте, товарищ Анохин! — ответил Никонов на приветственную фразу.— Хочу знать: Мещерский все еще беспамятствует?.. И каким же путем вы надеетесь вернуть ее?.. Так... Интересно! Очень ценные данные... Это также интересно... Все же я сомневаюсь, чтобы ваше сообщение о его белобандитском прошлом заставило его прекратить комедию. Он и сам, надо думать, понимает, что она сильно затянулась. Однако теперь он, вероятно, уже не в состоянии отказаться от этой глупой уловки... Вот что: часа через три — четыре, если я освобожусь, я вас вызову. Кстати, на двадцать седьмой километр можете не ехать. Я сегодня уже там был.

Никонов положил трубку и тут же принужден был снова ее взять: звонил Киселев.

— Здравствуйте, как дела!.. Получил, получил. Как раз на нее любуюсь...— Никонов скосил глаза на фотографию Кларка.— Вот ровно в десять заходите.

Никонов швырнул фотографию Кларка на стол.

Когда Киселев вошел в кабинет подполковника, то пепельница на письменном столе чуть ли не доверху была наполнена стружками, в которых лишь там и сям торчали на виду окурки, хотя их тоже было брошено в пепельницу немало.

— Наконец-то! — воскликнул Никонов.

Он хотел было присовокупить к восклицанию нечто не очень лестное насчет темпов передвижения старшего лейтенанта, но выражение лица Киселева заставило подполковника воздержаться от насмешек.

— Ого!.. Кажется, мы с уловом? — сказал Никонов.

— Так точно, товарищ подполковник,— подтвердил Киселев.

Дело, по которому Киселев отправился в управление городского трамвая, заключалось в следующем: при осмотре сумки Наумовой среди различных и ничем не примечательных вещей оказались четыре скомканных, случайно завалявшихся трамвайных билета. Никонов приказал Киселеву проверить, что это за билеты: когда и для проезда по какой линии они куплены. Заметив на лице Киселева недоумение, он пояснил: «На всякий случай. Вы же знаете, что в следствии все может пригодиться. Пренебрегать не стоит даже такой малостью».

Киселев еще вчера связался с управлением трамвая и попросил приготовить справку. Когда сегодня он позвонил туда вторично, полученные им по телефону сведения заставили его немедленно помчаться в управление, а потом и в парк, чтобы произвести расследование на месте.

Справка, всполошившая его, указывала, что три билета куплены для проезда по одной линии, которая связывала завод с центром города. Четвертый же — в этом-то все дело! — явно странный, явно необычный для проездов Наумовой. Это был билет на проезд не от центра к заводу и не от завода к центру, а от завода к «кругу», то есть к конечной остановке линии. На этом коротком отрезке линии между заводом и «кругом» находились еще две остановки: первая, расположенная напротив стадиона «Динамо», и вторая — возле пляжа «Осводa».

— Это было двенадцатого сентября, товарищ подполковник... Я имею в виду,— поспешно пояснил Киселев,— что это был день матча со «Спартаком».

— Ну, так чему вы тогда удивились? Вероятно, Наумова садилась в трамвай, когда кончился матч, народ разъезжался, трамваи шли переполненные. Она не могла сесть, чтобы ехать в центр, и решила поехать в обратном направлении. Неужели вы не знаете, что в дни матчей многие так делают?

— Никак нет, Леонид Федорович! — торжествующе сказал Киселев.— В том-то и дело, что в это время вагоны шли почти пустые в оба конца. По записи кондукторши этот билет был продан после трех, то есть когда матч только что начался.

— Молодец! — одобрил Никонов своего сотрудника.— Надо бы...

— Разрешите доложить?.. Я разыскал кондукторшу. Фамилия ее Сургучева. Она после моих расспросов вспомнила об одной странной пассажирке и, когда я показал ей фотографию Наумовой, узнала ее... Я ей говорю: «Вы не ошибаетесь?» — а она отвечает: «Что вы, товарищ Киселев...»

— Постойте! — перебил подполковник.— Вы что же, сообщали Сургучевой свою фамилию?

Киселев густо покраснел.

— А, понимаю! — догадался подполковник.— Болельщица?

— Болельщица! — не без вызова подтвердил старший лейтенант.— Потому и обратила внимание и на эту пассажирку и на пассажира, который к ней подсел... Нет, вы сами подумайте: матч «Динамо» — «Спартак», а они разъезжают в трамвае! Для болельщицы,— Киселев улыбнулся,— это факт почти невероят...

— Подождите! Какой пассажир? Где подсел?

— Как раз на остановке «Динамо».

— Его наружность она тоже описала?

Киселев сокрушенно ответил:

— Описала, но...— он сделал неопределенный жест...— туманно.

— Так! — проронил Никонов и задумался. Потом он вскочил с кресла, быстро обогнул стол и, взяв старшего лейтенанта за плечи, любовно его потряс.

— Ну, судья, мы с вами, кажется, напали на след!

(Продолжение следует)

Делегат Второй Всесоюзной конференции сторонников мира бригадир колхоза имени Тельмана, Ташаузской области, Туркменской ССР, Герой Социалистического Труда Патьма Хандурдыева.

Делегат Второй Всесоюзной конференции сторонников мира Герой Социалистического Труда звеньевой колхоза «Шрома», Грузинской ССР, В. Н. Гоголадзе.

Модест Мусоргский

Д. ШОСТАКОВИЧ

Создать фильм, в котором была бы воплощена большая, полная борьбы и труда жизнь одного из гениев нашего народа, фильм, в котором были бы ярко выражены высокие прогрессивные идеи, воодушевившие [redacted] великого художника, показать миллионам зрителей самый процесс его творчества—это задача трудная, благородная и ответственная. Вот почему успех режиссера Г. Рошаля и группы артистов, участвовавших в создании фильма о Мусоргском, вызывает в душе всякого, кто любит наше родное искусство, нечто большее, чем обычную радость зрителя.

Когда сходят с экрана последние, заключительные кадры фильма, испытываешь большое и светлое чувство, в котором сливаются воедино восхищение, благодарность и гордость за наше Отечество, подарившее человечеству таких титанов, каким был гениальный композитор Модест Мусоргский.

Воссозданный в фильме артистом А. Борисовым портрет Мусоргского неотразимо правдив, исполнен подлинного вдохновения. На всю жизнь запомнятся эти ясные, мудрые глаза, этот глубокий голос, богатый живыми, правдивыми интонациями, запомнятся и навсегда сольются в нашем представлении с музыкой Мусоргского. Запомнится весь облик Мусоргского, простой и величественный, весь его тернистый путь к труднейшим творческим победам, вся его страстная борьба за реалистическое народное искусство.

Тема народности искусства звучит в фильме с особой силой, с особой отчетливостью. Мы видим друзей Мусоргского, объединившихся с ним для борьбы против салонных «музикусов», против засилья пустых и бессодержательных западных пасторалей и опер, столь милых сердцам придворных дам, столь чуждых людям труда, их стремлениям, их борьбе за лучшую, свободную [redacted]

Наставник и учитель Мусоргского страстный критик и публицист Стасов (Н. Черкасов), его друзья — композиторы «Могучей кучки» Балакирев (В. Балашов), Бородин (Ю. Леонидов), Римский-Корсаков (Андрей Попов), Кюи (Б. Фрейндлих) — предстают перед нами в фильме единой и тесной группой идейных, непримиримых борцов, готовых отдать все силы таланта процветанию родного музыкального искусства.

Вместе с ними и больной, уже близкий к кончине Даргомыжский (Ф. Никитин) и молодой Илья Репин (Р. Лебедев)...

Когда видишь все это созвездие талантов, невольно задумываешься о могуществе русской земли, породившей их.

Постановщик картины Григорий Рошаль смело вводит зрителей в творческую лабораторию композитора. Он показывает тесную связь музыкальных произведений Мусоргского с жизнью народа, собирающего свои силы для решительной борьбы против угнетения, произвола, против ненавистного самодержавия.

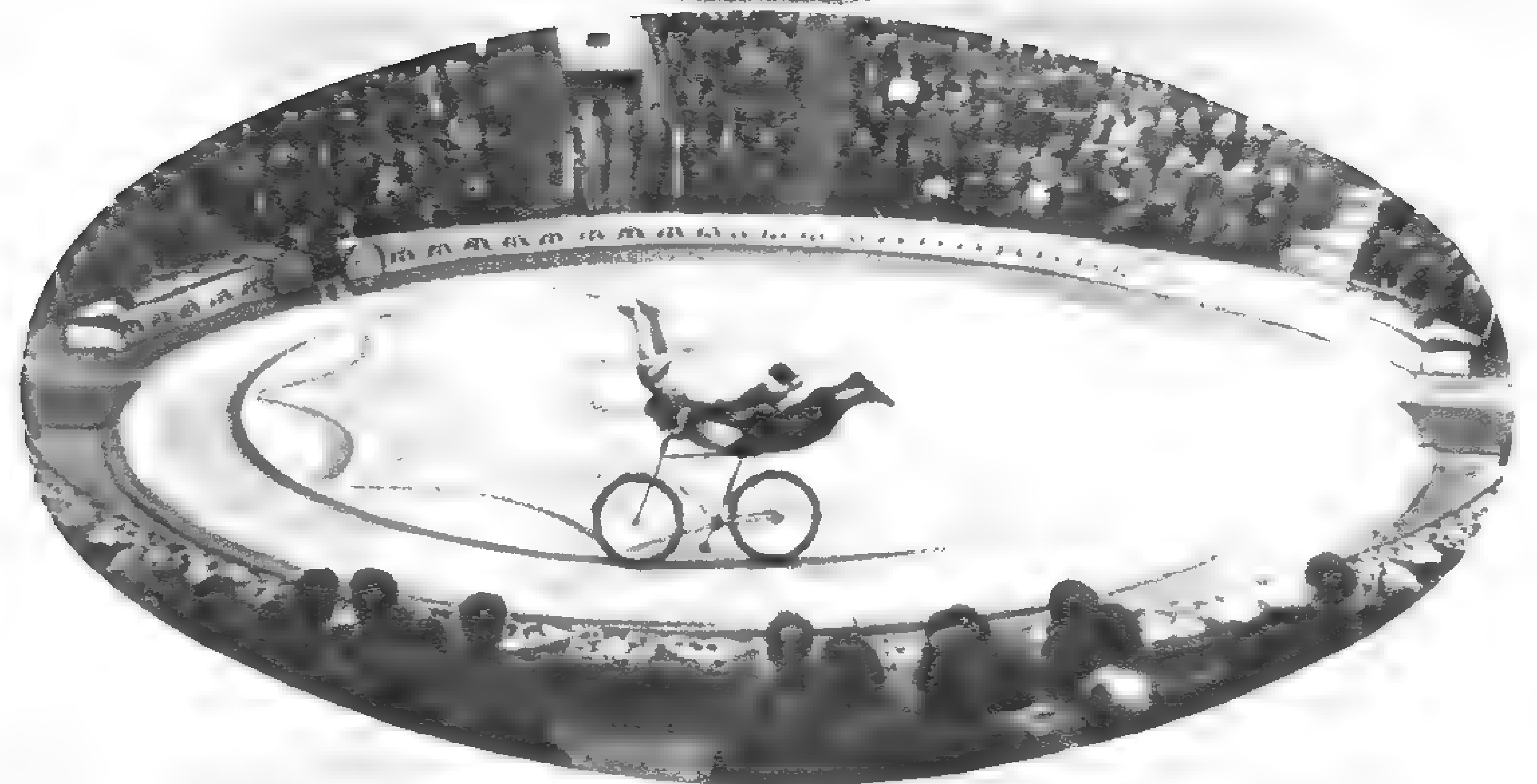
В деревнях, где взбунтовавшийся люд сжигает помещичьи усадьбы, где устами петрушечника, зло обличающего господ, выражается гнев крестьянский; в городах, где Мусоргский видит нищету трудящихся, их тягостное, полуголодное существование, — везде черпает он темы своего творчества. В музыке его обретают новую силу старинные песни, подслушанные композитором в самой гуще жизни. Бунтарские, мятежные мотивы проходят сквозь его произведения, они звучат в «Борисе Годунове», в «Хованщине». Работа над этими операми отражена в фильме. Особенно ярко показано в фильме создание Мусоргским знаменитой «Сцены под Кромами» из «Бориса Годунова». Воображение композитора подсказывает ему эпические картины народных восстаний, живо запечатленные на экране.

Композитор-т р и б у н, композитор-борец, композитор-новатор — таким предстает Мусоргский в фильме, таким он и был в жизни.

В фильме много значительных актерских удач. Рядом с именем А. Борисова, игру которого хочется назвать совершенной, нужно поставить имена Н. Черкасова, великолепно воплощающего образ Стасова, Ф. Никитина, превосходно обрисовавшего портрет Даргомыжского, Л. Сударевской, тонко и проницательно вскрывшей духовную пустоту великой княгини, олицетворяющей в картине весь царский двор с его ничтожными интересами, с его жалким низкопоклонством перед Западом...

Киноповествование о Мусоргском — одно из выдающихся произведений советской кинематографии последних лет. Оно с большой страстностью говорит о том, что сила русского искусства в его кровной связи с народом, в его самобытности, правдивости, честности.

Илья Репин (Р. Лебедев) в зале суда где разбирается дело Стасова. В в е р х у: артист А. Борисов в роли Мусоргского. С п р а в е: в антракте премьеры «Бориса Годунова». В роли Бориса Годунова — певец Мельников (артист В. Морозов), в роли Марины Мнишек — певица Платонова (артистка Л. Орлова), Стасов (Н. Черкасов), Мусоргский (А. Борисов).



Цирк наших друзей

Китайские артисты выходят на манеж.

Представление еще не началось, но буря аплодисментов несется навстречу артистам. Это — выражение горячих симпатий советских людей к представителям великого дружественного китайского народа.

Представление закончено. Снова буря восторженных рукоплесканий. На этот раз они — еще и знак восхищения искусством артистов.

Программа представления своеобразна. Здесь нет обычной для наших цирковых спектаклей работы под куполом. Нет клоунады. На манеже не появляются животные, если не считать утки в остроумном выступлении Ян Сяо-тина.

Здесь только партерная акробатика, эквилибристика и главным образом, жонглирование, в котором, кстати сказать, китайский цирк достигает наивысшего блеска, начиная от поразительного «летающего копья» Ван Цин-юана и колчика, который в искусных руках Ван Куай-ми и Ван Шу-ин кажется живым существом, и кончая групповым жонглированием десятками всевозможных бытовых предметов.

И все же программа китайского ансамбля чрезвычайно разнообразна. Многие привычные жанры обогащены неожиданными и мастерскими находками. Артист Чэи Сяо-лин выполняет традиционные акробатические упражнения, но при этом он несет на голове сложное и хрупкое сооружение — пагоду из поставленных друг на друга фарфоровых пиал.

Такой же прием мы наблюдаем и в работе на китайском турнике артистов Цао Пын-фэй и Цао Гуй-фу. Турнист осложняет гим[redacted] номер ослепительной техникой: вращаясь, он касается штанги турника только двумя пальцами каждой руки, а потом и одним!

Группа велофигуристов во главе с Цзин Е-цином к искусной вольтижировке присоединяет оригинальные, смелые до дерзости трюки.

Жонглер Ин Ю-хун, манипулируя шестью вертящимися тарелками и продолжая удерживать на бамбуковых жердях эти трепещущие диски, одновременно совершает головокружительные акробатические упражнения.

Большое обаяние работе артистов китайского цирка придает неподражаемое изящество их движений и чудесная музыкальная ритмичность. Наблюдая точность, гибкость и пленительную легкость, с какой работает с обручами группа «людей-каучук» во главе с Гуан Ю-хэ, или виртуозный балансер на валике Чжан Го-цзин, вы чувствуете, что артистами владеет во время работы на манеже воодушевляющая творческая радость, заражающая и вас, зрителя.

Вершины мастерства жонглирования достигает в оригинальном номере силового жонглера Хао Шу-цина. Он работает с такими, казалось бы, мало приспособленными для того предметами, как большие фарфоровые вазы. Меняя каждый раз вазу на все более объемистую и тяжелую, артист с непостижимой ловкостью ловит ее то на ребро ладони, то на темя, то на ступню, то на палец! И все это с той естественностью и грацией, которые составляют чарующую особенность китайских цирковых артистов.

Нам приходилось слышать мнение, что длительные приготовления, которые предшествуют иным номерам, например, групповому жонглированию, действуют несколько расхолаживающе, так как они подчас намного продолжительнее, чем самый номер. Надо сказать в защиту артистов, что эти приготовления,— например, водружение на голову жонглера целой сложной системы различных крупных предметов, стеклянных сосудов с жидкостью, яиц, горящих ламп,— сами по себе являются интересными трюками.

Особо хотелось бы отметить интересную работу оркестра под руководством дирижера Ли Го-цюана. Составленный из европейских и народных китайских инструментов, он необычайно ритмично исполняет бодрые ударные мелодии, идеально сочетающиеся с характером исполняемого на манеже номера.

Надо принять во внимание, что ансамбль китайских артистов не является однородным организмом. Он составлен из выдающихся мастеров нескольких китайских цирков. Тем более заслуживает одобрения работа постановщика Дин Ли и режиссера Ван Ди-цзы, сумевших создать цельное и захватывающее народное зрелище, блистательный образчик самобытного искусства демократического Китая.

Л. СЛАВИН.

Рисунки В. Высоцкого

Чжу Юу-цин, 12-летний гимнаст.

Гуан Ю-хэ из группы «людей-каучук» с обручами.

Тин Цзюн-чуан жонглер с «летающим копьем».

Рождение фильма

Ф. КРАВЧЕНКО

Коллектив орденоносной киностудии «Мосфильм» поставил перед собой трудную творческую задачу — экранизировать роман В. Ажаева «Далеко от Москвы».

— Чтобы понять, как это сложно, — говорит режиссер-постановщик лауреат Сталинской премии А. Столпер, — нужно хотя бы вспомнить, что в романе около тысячи страниц. А в сценарии только семьдесят...

Создание литературного сценария по роману было поручено кинодраматургу М. Папаве, который вместе с режиссером Столпером и другими творческими работниками студии выехал на Дальний Восток. Он познакомился на месте с теми людьми, которых изобразил в своем произведении Ажаев, изучал быт нанайцев, обстановку, где происходило строительство трубопровода. В работе над сценарием Папава использовал и роман и собственные наблюдения.

Картина «Далеко от Москвы» создавалась в сжатые сроки. В августе прошлого года, как только был утвержден литературный сценарий, А. Столпер сразу же приступил к режиссерскому сценарию, а его помощники в это время занимались подбором актеров. В поисках актера на роль инженера Беридзе режиссеру Зильберштейну пришлось побывать в Тбилиси, Сухуми и других городах Кавказа.

Постановщики фильма столкнулись с большими трудностями при натурных съемках. В картине много зимней натуры. Надо было торопиться, чтобы успеть все отснять до оттепели. Но в декабре, когда группа приступила к съемкам под Москвой, еще не было снега. В январе обычно мало солнечных дней, а снимать без солнца невозможно... В феврале часто начинается оттепель. Потерять зиму — значит потерять целый год. Режиссеры решили разделить свой коллектив на две бригады. С одной уехал Столпер, чтобы на севере снимать игровые сцены. Бригада Зильберштейна снимала натуру на Дальнем Востоке. В ее задачу входило показать людей и технику на проливе, где происходит строительство трубопровода.

Когда зритель видит готовую картину, он и не подозревает, какая тяжелая работа предшествовала тому или иному кадру. Вот группа вышла на съемку. Перед ней пролив, на льду которого надо создать площадку. На берегу выстроились осветительные приборы. Огромная прорубь становится местом драматической сцены: здесь во время бурана труба ударяет инженера Тополева, занятого закреплением трубопровода.

Много раз приходится артисту А. Ханову, играющему старика Тополева, падать на мокрые доски, прежде чем аппарат окончательно зафиксирует то, что зритель увидит на экране. Режиссер терпеливо репетирует каждую сцену, каждое движение артиста, добиваясь четкого и правдивого изображения жизни.

Бригада Тани Васильченко уезжает в тайгу для установления связи с островом. Эту сцену также много раз репетируют на проливе, где цепочкой вытянулись машины, увозящие молодых строителей. На площадке собрались постановщики фильма, операторы, осветители, бутафоры, артисты...

Бригада Тани Васильченко уезжает в тихий день. Съемки другого эпизода, когда комсомольцы углубляются в тайгу, происходят в пасмурный, но спокойный день. А ведь по ходу действия нужна пурга. Кинематографисты должны создать ее своими силами. И они сделали это. Зритель видит на экране разгул стихии. Несколько часов понадобилось на подготовку съемки небольшой сцены. К месту съемок на десяти санях завозили снег, чтобы насыпать сугробы. Затем поставили специальные приспособления — ветродуи.

Закачались ветви деревьев, завихрил снег вокруг комсомольцев, и они пошли «сквозь пургу»...

В постановочном коллективе фильма «Далеко от Москвы» есть скромный творческий работник А. Кульганек, на долю которой выпало монтировать снятый режиссерами и операторами материал будущего фильма. А. Кульганек монтирует картину. На ее столе игровые моменты, снятые режиссером Столпером на севере, сливаются с пейзажем, который режиссер Зильберштейн снимал на Дальнем Востоке.

Фильм смонтирован. В нем собрано воедино все: игровые сцены, зимняя и летняя натура. Композитор Н. Крюков написал музыку. Звукооператор Н. Тимарцев записал диалоги, музыку.

Многое из того, что мы знаем по роману Ажаева, не вошло в кинофильм. Но это не помешало его создателям убедительно воспроизвести на экране те события, которым посвящен роман. Бережно сохранив все основное и главное в романе Ажаева, авторы фильма создали самостоятельное художественное произведение.

Артистам Н. Охлопкову, П. Кадочникову, В. Кварадзе, А. Ханову, С. Столярову, И. Киселевой, Л. Клинту, Г. Кириллову, Т. Маховой удалось создать запоминающиеся образы. Трудно забыть и Умару Магомета, роль которого хорошо сыграл артист М. Бернес, и маленького Генку Панкова, чей образ правдиво раскрыт учеником ремесленного училища Петром Ивановым.

Автор романа «Далеко от Москвы», кинодраматург и режиссеры фильма выехали на Амур для изучения быта нанайцев и местности, где происходит действие. Слева направо: режиссер Б. Зильберштейн, режиссер-постановщик А. Столпер, писатель В. Ажаев, автор сценария кинодраматург М. Папава и художник по костюмам В. Этингер.

РАСКОПКИ старой РЯЗАНИ

А. Л. МОНГАЙТ,
кандидат исторических наук

Фото автора

Вероятно, немногие путешествующие по Оке заинтересовались бы избами на правом высоком и крутом берегу реки, в двух километрах от города Спасска, если бы не величественные валы Старорязанского городища. Они ограждают место, где в давние времена находилась столица Рязанского княжества — одного из центров древнерусской политической жизни, ремесла, культуры и искусства.

Город этот постигла горькая судьба. Страшный удар нанесли ему в 1237 году татары, которые сожгли дома и храмы, перебили и увели в плен жителей. Ничто не напоминает о его былом величии, не осталось даже руин; только валы свидетельствуют, что здесь был населенный и укрепленный пункт.

Впервые внимание к Старой Рязани было привлечено в 1822 году, когда на территории городища нашли — выпахали сохой — великолепный клад золотых вещей, известный под названием рязанских барм. Через семь лет тут проезжал молодой В. Г. Белинский.

«Какие пленительные, — писал он, — и, можно сказать, единственные виды представляет Старая Рязань со своими окрестностями. Представьте себе высокую равнину, которая оканчивается такою крутою, неприступною горою, что пеший человек едва может, и то в некоторых только местах, взобраться на оную... Ежели станете на горе лицом к Оке, то какое величественное и восхитительное зрелище представится изумленным очам вашим: у подошвы крутизны, под ногами вашими гордо расстилается быстрая Ока, покрытая барками; низкий, почти равный с Окою противоположный берег, желтый, песчаный, как необозримое море, теряется в своем пространстве и граничит с горизонтом в левой стороне...»

Раскопки Старой Рязани начались в 1836 году. Они велись до революции с многолетними перерывами. Большого размаха исследования Старой Рязани достигли в советское время, и результаты их представляют значительный научный интерес. Мы впервые получили яркое и полное представление о жизни древнерусского города.

Старорязанская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР, которая пять лет вела раскопки, закончила свою работу.

Установлено, что Старая Рязань возникла в IX—X веках и вскоре превратилась в один из крупнейших ремесленных городов. В ее северной части находился густо населенный ремесленный район, — здесь раскопками вскрыты керамические, металлургические, косторезные, ювелирные и другие мастерские.

Нами обнаружены горны, позволившие воссоздать технологию древнерусской металлургии. Мастера владели способами изготовления железа и высококачественной стали, очень точно учитывая условия эксплуатации той или иной детали. Например, пружина в замке должна пружинить и не ломаться. Поэтому мастер сваривал ее из двух узких полосок — чистого железа и стали (толщина полос 0,75 миллиметра, толщина всей пружины 1,5 миллиметра). Рабочая часть токарного резца наваривалась из высокоуглеродистой стали.

Найдено много изделий из меди — среди них литые и чеканные женские украшения: браслеты, перстни, подвески; в косторезных мастерских наряду с гребнями, ручками для ножей обнаружены художественные поделки, например, стилизованное изображение животного, вырезанное на костяной пластинке, служившей накладкой на книжный переплет.

Замечательный клад ювелирных изделий найден нами летом этого года. Его владелец спрятал свое достояние в печку жилища, должно быть, в страшные дни татарского нашествия. Жилище погибло в огне, и через 700 с лишним лет вещи великолепного качества и хорошей сохранности были извлечены археологами. Здесь 26 предметов, изготовленных местными мастерами: бусы, височные кольца, звездчатые подвески, каменные кресты в серебряной оправе. Все они покрыты зернью и сканью.

Зернь — это способ орнаментации поверхности путем напаивания мельчайших серебряных зернышек. На некоторых предметах насчитывается до 5 тысяч таких зернышек. Сканные украшения изготовлялись напаиванием тончайшей серебряной проволоки, свернутой жгутом. Высокие художественные качества старорязанских ювелирных изделий наряду с тонкой ремесленной техникой — яркое свидетельство высокого уровня древнерусской культуры.

В Старой Рязани найдены десятки тысяч вещей, характеризующих разные стороны городского быта древней Руси. Раскопано несколько десятков жилищ, позволивших узнать тип застройки, планировку. Установлено сходство конструкции старорязанского жилища с древним киевским. На городище открыты остатки созданных русскими зодчими архитектурных памятников — трех больших каменных храмов. По строительным приемам и архитектуре они близки к черниговским и киевским сооружениям.

Очень важны находки, говорящие о распространении грамотности в древнерусском городе. Книги в земле не сохраняются, но застежки от переплетов обнаружены во многих жилищах, в том числе и в беднейших. Встречаются надписи на бытовых предметах, на штукатурке храмов. Любопытен обломок сосуда XII века с надписью «Новое вино Добрило послал князю Богунка». Опровергается, таким образом, мнение о неграмотности населения древней Руси, о том, что грамотность была привилегией узкого круга лиц.

Трудно перечислить все, что дали нам раскопки. По-новому освещены многообразные стороны жизни древнерусского города. Получен огромный материал по истории культуры, ремесла, и доказано, что Старая Рязань была одним из важнейших культурных и ремесленных центров древней Руси, роль которого в истории нашей Родины преуменьшалась лишь вследствие утраты рязанских летописей

Боксер Юрий Егоров

Мастер спорта В. ПУШКИН

В эту ночь Егоров долго не мог уснуть. Прислушиваясь к равномерному постукиванию колес экспресса, он с трудом удерживался, чтобы не запеть от счастья во весь голос: ведь они наконец возвращаются домой!

Он раньше и не представлял, что можно так тосковать по родине, испытывать такое сильное желание увидеть простые, спокойные, такие понятные лица, услышать родную русскую речь!

Пятнадцать дней они разъезжали по Финляндии и демонстрировали превосходство советской боксерской школы. Финны в боксе — искушенные люди, их не так легко удивить. Только за этот год они победили боксеров Швеции, Дании, Норвегии, сделали ничью с Италией. Но все сорок шесть встреч, которые состоялись на рингах Хельсинки, Куопио, Котка и других городов, закончились в пользу советских боксеров. А в четырнадцати поединках финские бойцы, после сильного и точного удара, не смогли подняться с пола в течение десяти секунд. Все газеты были вынуждены признать высокое мастерство советских спортсменов.

Однажды переводчик вслух прочитал им из газеты «Вапаа Сана», что «своими выступлениями советские боксеры вновь оправдали славу наилучших в мира боксеров-любителей».

Три боя провел он с финскими боксерами. Доволен ли он боями? Нет. Мог боксировать лучше. Это чувство уже не впервые приходило к нему после матчей.

Товарищи говорили, что во всех боях его преимущество над сильнейшими полутяжеловесами Финляндии было совершенно очевидным. Это он прекрасно видел и сам. «Но я мог лучше,— подумал Егоров.— Пожалуй, на ринге долго ждал. Вот так, стоял и ждал возможности нанести сильный удар, не пытаясь создать эту, самую возможность». Он не всегда помнил о том, о чем так часто говорил тренер: «Бокс — игра, противника надо обыграть, а не избить!» Забыл он об этом золотом правиле бокса в первом же бою в Хельсинки, когда бился против сильнейшего полутяжеловеса Финляндии Торккелля.

Финн — большой, крепко сколоченный вихрастый парень. Он храбр и быстр, но после секундной разведки показался Егорову бесхитростным и уязвимым. «Его можно уложить в первом же раунде! — подумал он тогда.— Надо только усыпить бдительность противника».

И Егоров начал плести «тонкую паутину» из финтов и ударов. А вот наконец и виден уголок подбородка... Удар! Финн мягко опустился на пол. Кажется, победа...

Но финн силен и вынослив, он упрямо поднялся на ноги, и второй раунд, в котором Егоров так надеялся добить, казалось, уже подавленного противника, превратился в упорную схватку.

Надо было сразу же перестроиться, снова тщательно обдумать каждый ход, найти новую лазейку к уязвимым точкам, но Егоров пошел вперед, откровенно обмениваясь ударами.

— Что ты делаешь?! — с изумлением воскликнул его секундант, когда он пришел в свой угол перед третьим раундом.— Разве можно так вести бой с физически сильным противником!

И Егоров опомнился и изменил свою тактику в третьем раунде. И снова финн запутался в хитрой сети его маневров. Уж Егоров умел запутать, когда хотел этого! Но как было

Юрий Егоров на тренировке. Справа — тренер В. С. Денисов.
Фото А. Бочинина

обидно, что не мог догадаться об этом сразу! Досада закралась в душу...

— Я мог провести бои лучше! — настойчиво повторял он себе.

Он научился смотреть правде в глаза. Тренер всегда говорил, что именно это чувство в значительной мере помогло ему стать за такой короткий срок мастером спорта и возглавить сильную группу боксеров полутяжелого веса страны...

* * *

Шесть лет назад Егоров впервые познакомился с боксом.

К будущим слесарям-инструментальщикам в 33-ю группу ремесленного училища № 4, в котором он, четырнадцатилетний мальчик, учился тогда, пришел новый мастер, приземистый и широкоплечий, спокойный Владимир Родинов. Новый мастер любил точность и сноровку, в работе был ловок и быстр, не знал устали. И в 33-й группе полюбили нового мастера. А однажды утром, войдя в класс, Юра Егоров увидел ребят, которые таинственно перешептывались о чем-то у окна.

— ...и вдруг выходит наш мастер! — донеслась до Юры негромкая речь.— Своими глазами видел! Вышел и... давай гонять своего противника по... как его? По рингу! Во!

«О чем это они?» — подумал Юра и подошел к разговаривающим поближе.

— Слышал? — обернулись к нему, ребята.— Наш мастер-то — боксер! Знаешь, как он вчера!

А когда пришел мастер, как всегда спокойный и деловитый, группа дружно поприветствовала его, изъявила желание учиться боксу.

— Ну что ж,— ответил на это мастер.— Приходите в клуб.

На следующий день Юра с товарищами отправился в Центральный клуб трудовых резервов. А через три месяца он уже вышел на ринг оспаривать звание чемпиона столицы для мальчиков.

Неудачным было его первое выступление. Противник Юры оказался намного выше него ростом, тяжелее и, главное, опытнее. Первый бой был проигран. «Ничего из меня не выйдет»,— думал он тогда, идя домой огорченный, твердо решив больше не ходить в боксерский зал, не позориться.

Но прошло лето, начались дожди. Товарищи по группе продолжали заниматься боксом, приятели со двора увлекались кто коньками, кто лыжами, кто гимнастикой. И только он один ничем не занимался. Пареньку было скучно в одиночестве бродить по улице, и Юра снова пошел в боксерский зал. Многие из ребят, начавшие заниматься с ним вместе, теперь добились первых мест в соревнованиях, стали настоящими боксерами. А разве он не мог бы? Вот только примут ли его? Ведь почти целый год пропустил!

Но Юру приняли. Тренер, сурово оглядев его, сказал, что мужчина должен быть с твердым характером и не может бросать начатого дела, испугавшись трудностей.

— Вот Королев в первых трех боях потерпел поражение, а потом абсолютным чемпионом СССР стал! — Тренер хотел что-то прибавить еще, но, увидев огорченное лицо мальчика, смягчился.— Ладно, иди раздевайся...

И Юра стал ходить в боксерский зал, не пропуская ни одной тренировки.

Было очень тяжело первое время. Приходилось боксировать в учебных боях с ребятами, которые теперь лучше Юры знали, как защищаться, умели лучше Юры нападать. Но тренер всякий раз говорил, что полезно встречаться на ринге с более опытными противниками, и Юра мужественно переносил трудности. А в секцию приходили все новые и новые ребята. Секция росла, приходилось тренироваться еще упорнее, чтобы не отставать от товарищей.

В училище, дома с удивлением отмечали, каким энергичным и жизнерадостным становился он. А когда через два месяца Юра во второй раз вышел на ринг оспаривать первенство столицы среди мальчиков, он уже разбирался в сложном боксерском искусстве, окреп, научился сам наносить точные удары.

Два предварительных боя выиграл Юра без особого труда, а в финале первенства с лихвой расквитался со своим прошлогодним победителем.

Но трудности еще были впереди.

В 1948 году, третий раз подряд заняв первое место на всесоюзных юношеских соревнованиях, Юра вышел на «большой ринг». И в первом же бою, когда он бился против стремительного и агрессивного противника, ему стало ясно, как, в сущности, еще мало

сделано им, как много нужно отрабатывать и тренироваться. А главное, недостаточно накоплено физической силы, упорства и [redacted]

Если б соревнования не были командными и от его дальнейших боев не зависел успех коллектива, он, наверное, бы на следующий день не вышел на ринг. Но коллектив подводить нельзя. Надо биться. Только теперь надо биться иначе, смелее, отбросив в сторону мысли о непогрешимости мастеров в бою. А потом тренер говорит, что он слишком мало думал на ринге, надеялся на удар...

Следующие две встречи с мастерами спорта окончились его победой. Именно тогда в первый раз после боя пришло чувство, что мог бы биться лучше. Он не сказал об этом никому, чтобы не приняли за хвастовство, но через несколько дней, когда боксеры трудовых резервов обсуждали постановление Центрального Комитета партии о физкультуре и спорте в стране, дал слово, что он вместе со всей боксерской секцией достигнет новых успехов.

«Я должен биться лучше! — сказал он себе. — Нам нужно превзойти мировые рекорды по всем важнейшим видам спорта. Мы это выполним. Для этого необходимо тренироваться еще вдумчивее, еще упорнее».

С новой силой взялись боксеры за работу. Теперь лучших боксеров трудовых резервов тренировал заслуженный мастер спорта Борис Семенович Денисов. Опытный и внимательный педагог, он пристально всматривался в каждого, в нужный момент приходя на помощь. У него для всех находилось что-нибудь новенькое. Стоять на месте нельзя. То, что вчера еще было неотразимым и обязательно приносило победу, сегодня становилось достоянием огромной армии боксеров.

Около трехсот боксеров-разрядников значилось по спискам в Москве до войны, теперь их было более пяти тысяч.

И Егоров стал знакомиться с тонкостями бокса, анализировать вместе с тренером свой каждый бой. Оказывается, очень полезно «махать кулаками и после драки»!

Первенство страны 1949 года показало всем, как стремительно вырос молодой спортсмен. Он вошел в лучшую тройку боксеров Советского Союза. Недавний участник юношеских соревнований победил таких видных мастеров бокса, как экс-чемпионы СССР Николай Беляев, Георгий Ешко.

— Откуда он? Когда он вырос? — заговорили о нем знатоки бокса.

Но, пожимая руку своему ученику после соревнований, Денисов говорил:

— Друг мой, еще не все найдено нами, можешь еще лучше!

В памяти всплывал тот день, когда он дал слово стране быть лучше, и начинались терпеливые поиски правильных путей к победе. Казалось, поиски увенчались успехом. В 1950 году Егоров оказался сильнейшим среди полутяжеловесов страны.

Но и этого тренеру мало.

Перед поездкой в Финляндию Егоров снова шлифовал технику, разучивал новые тактические рисунки, старательно пополнял свой боевой арсенал.

В Финляндии им, кажется, все было выполнено, все бои были выиграны, но в душе звучал настойчивый голос: «Мог бы еще лучше!»

* * *

— Не спится? — неожиданно раздался голос снизу. Это один из лучших друзей, Борис Сильчев. Они тренируются у одного тренера, они выросли в одном обществе, вместе отстаивали спортивную честь Советского Союза в Финляндии.

— Не спится, — ответил Егоров. — Ты знаешь... — И они вполголоса стали обсуждать, что им еще предстоит сделать...

Когда поезд входил под своды московского вокзала, все боксеры столпились в дверях вагона. Приподнявшись на носки, Егоров всматривался в лица людей, стоявших на перроне.

Глядя в сторону приближающегося поезда, также приподнявшись на носки, стоял высокий седоволосый человек.

— Борис Семенович! — воскликнул Егоров и, протиснувшись к выходу, соскочил на платформу.

Альпинисты Ташкентского окружного Дома офицера совершили восхождение на одну из безымянных вершин Заалайского хребта (Памир). Ее высота достигает 4900 метров над уровнем моря.

Эту вершину альпинисты решили назвать пиком Мира — в честь людей, борющихся во всех странах за мир.

На вершине они соорудили каменную пирамиду, внутри которой, в герметически закупоренной банке, был помещен на вечное хранение портрет Иосифа Виссарионовича Сталина, текст Стокгольмского Воззвания с подписями участников восхождения и номер газеты «Правда», в котором сообщались результаты сбора подписей под Воззванием в Советском Союзе.

Альпинисты подготовили документальную фотовыставку, рассказывающую о восхождении на пик.

Фото и текст мастера спорта В. Рацек

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОГО СПОРТА

«Король гирь»

Знаменитый русский гиревик Петр Федотович Крылов родился в семидесятых годах прошлого века в семье заводского служащего. Склонность к атлетике проявилась у него, когда он был еще гимназистом. Возвращаясь с уроков, он ежедневно заходил к знакомым лабазникам «побаловаться гирями». Дома он тренировался с утюгами.

В пятом классе гимназии Крылов надумал стать моряком. Он уехал в Петербург, поступил в мореходное училище, окончил его и получил звание штурмана дальнего плавания. В качестве штурмана Крылов на пароходе торгового флота «Мария» совершил путешествие в Индию, Китай и Японию.

Однажды в свободную минуту Крылов упражнялся с гирями. Он выжимал различные тяжести и проделывал много других атлетических номеров. Окружавшие штурмана матросы наперебой выражали ему свое восхищение, а один из них, отражая общее мнение, сказал:

— Вам бы прямо в цирк идти представлять!..

Выступать Крылов начал, однако, не в цирке, куда не мог устроиться, а на подмостках базарных балаганов. Первый его выход перед публикой состоялся в 1895 году в Москве в балагане антрепренера Лихачева, на Девичьем поле.

В холодных, плохо защищенных от ветра, дождя и снега брезентовых «театрах для простонародья» работать было очень тяжело. Балаганы давали в день по восемь — десять представлений. Крылову не только приходилось участвовать в каждом из них, но и появляться перед публикой всегда с тяжестями самого предельного веса.

Зрители балаганов любили потрогать гири, чтобы собственноручно убедиться, что в них нет «обмана», что они настоящие. И не только «потрогать». Стоило атлету проделать какой-нибудь номер, как на сцену сейчас же поднималось несколько любителей из публики, желающих проделать то же самое.

Через два года Крылов выступает уже на цирковых аренах и на сценах летних театров. Его имя и здесь делает полные сборы. Крылова начинают в афишах называть «несравненным» силачом мира, «королем гирь». Весил он сравнительно немного, но благодаря отлично развитой мускулатуре производил и внешне впечатление богатыря.

В начале 1902 года Крылов выступал в петербургском цирке Девинье. Дирекция цирка объявила, что Крылов предлагает премию в 300 рублей тому, кто поднимет его гири так, как это делает он. Этот вызов облетел все газеты. Услышал о нем и знаменитый силач Станислав Збышко-Цыганевич, чемпион Австро-Венгрии по тяжелой атлетике, а впоследствии чемпион мира по борьбе. Он прислал телеграмму из Кракова, что принимает вызов и выезжает в Петербург.

Вечером 6 февраля в переполненном публикой цирке состоялась встреча русского «короля гирь» с австро-венгерским чемпионом.

Первым выступал Крылов. По условиям состязания все, что он проделает на арене цирка, должен был повторить потом Збышко-Цыгане-[redacted]

Он начал с того, что взял две гири, каждая весом по 2 пуда 20 фунтов, выжал их над головой, опустив телами вниз, развел в стороны, подержал минуту в горизонтальном положении и снова свел над головой. Затем это же упражнение Крылов проделал с одной гирей весом уже в 3 пуда 10 фунтов и одной правой рукой.

Перейдя к следующему номеру программы, Крылов сначала взял штангу весом в 7 пудов 20 фунтов и выжал ее пять раз подряд, а потом толкнул двумя руками штангу весом в 8 пудов 24 фунта.

На место Крылова стал Збышко-Цыганевич. Но, как об этом наутро сообщили [redacted] «господин Збышко-Цыганевич из всех упражнений Крылова смог проделать только два: толкнуть двумя руками штангу и выжать 7 пудов 20 фунтов, но при этом всего лишь один раз». Остальные упражнения Збышко пробовал, но выполнить не смог.

Петербургский журнал «Спорт» писал:

«...очень печально, что такой славный атлет, как Крылов, так мало известен в России. Будь он немец или француз, слава его гремела бы по всему миру».

Увы, это была правда! Но правда только частичная. Широкие массы народных зрителей хорошо знали Крылова, горячо любили и высоко ценили его.

В 1904 году, после шестнадцати лет работы с тяжестями, Петр Крылов начал учиться классической борьбе и вскоре стал одним из самых популярных [redacted] борцов. Могучий силач с превосходно выработанной мускулатурой, веселый, добродушный человек, Крылов боролся очень легко, непринужденно, красиво и пользовался всегда большими симпатиями зрителей.

Л. Г.

ЖЕНСКОЕ сердце

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Вл. Гальба

К этому событию в семье относились по-разному. Жена Сергея Борисовича третий день ходила с трагически изломанными бровями, молча и вопросительно глядя на всех, даже на дымчатого кота Бублика, который демонстративно показывал, что он в стороне и ему наплевать, что у Сергея Борисовича третий день ревизия.

Дочь-студентка сидела у себя в комнате, а когда по необходимости выходила оттуда, лицо ее было строгое и непримиримое.

Сам Сергей Борисович возвращался домой поздно, садился ужинать и, прожевывая отбивную котлету, говорил вдохновенно и гордо:

— Все знают, как я работал! Я горел на работе! Я ночами не вылезал. Ну хорошо, убыток... Но кто посмеет сказать, что я попользовался хоть одной государственной копейкой? Нет! В этом отношении совесть моя чиста. А что я недоглядел, доверился, это я сознаю. Я признаю свои ошибки. Мне на них указывали! Правильно! Действительно, может быть, я несколько зажимал... Я знал, так сказать... Лиза, положи мне еще котлетку... Да! И я еще раз со всей откровенностью повторяю...

Из своей комнаты выходит дочь-студентка и смотрит на Сергея Борисовича строгим взглядом:

— Репетируете?

— Кто-о?

— Я говорю, репетируете! Завтра вас вызовут в министерство, и вы заранее подготавливаете покаянную речь?

Сергей Борисович багровеет:

— Да как ты смеешь!.. Девчонка! Я тебя вырастил! Я...

Елизавета Ивановна простирает руки и делает ими успокаивающие движения, как дирижер, который хочет, чтоб его оркестр играл «пианиссимо». Но какое уж тут «пианиссимо», когда расходились страсти!

Ирина нервно кутается в платок и ходит вокруг стола:

— Мне стыдно! Я не допускаю мысли, что для достижения почета, о котором вы бредили, и для получения премий и похвал можно влезть в такую грязь! Дутые цифры, подтасовка! Неправда, что вы ничего не знали. Знали! Как вы теперь будете людям в глаза глядеть?!

— Замолчи! Ты еще пешком под стол ходила, когда твой отец уже имел мужество признавать свои ошибки! Да, ты права, именно все это я скажу завтра в министерстве перед лицом коллегии. Честно и откровенно.

— Отвратительно! — глухо говорит Ирина, убегает к себе и захлопывает дверь.

— Слыхали? Отвратительно! Это она смеет мне говорить!.. Лиза, налей мне чаю... Всякая девчонка будет меня критиковать. Девушка! У нее должно быть мягкое, отзывчивое сердце, а она... Она не понимает, что человек, искренно и честно признающий свои ошибки, растет! Да, да! Растет, крепнет и закаляется. Каждый раз, как я чистосердечно признаюсь в своих ошибках, я освежаюсь морально! Я, если хотите знать, уважаю себя! Э, да что говорить! Лиза, приготовь мне ванну. Я лягу отдыхать. Заседание коллегии завтра в одиннадцать часов.

Утром, без трех минут одиннадцать, Сергей Борисович, строгий и скорбный, стоял перед дубовой дверью кабинета, в котором собралась коллегия.

— Войдите,— сказал секретарь.

Сергей Борисович тихо вошел, кротко оглядел присутствующих и остался доволен. Люди были все солидные, известные ему. Среди них была и Зотова, секретарь партийной организации их фабрики. Молодая, миловидная, скромная, она работала на фабрике совсем недавно и нравилась Сергею Борисовичу именно своей скромностью и женственностью. Он еще при первом знакомстве сказал ей: «Ничего страшного, Зотова. Ты у нас вырастешь, вот увидишь».

«Хорошо, что она здесь, — подумал Сергей Борисович, — свой человек и потом все-таки женское сердце. Уж она-то подтвердит, что я со всей искренностью...»

Перед тем как говорить, он напился воды. Глотал он громко и жадно, как будто старался залить бушевавший внутри пожар. Это было плачевное зрелище, и члены коллегии отвели глаза в сторону. Зотова потупилась. Сергей Борисович заговорил. Голос его прерывался, когда он восклицал: «Я признаю! Я сознаю! Я допустил... Я недоглядел... Я зажимал... Со всей искренностью и прямотой...»

«В самом деле, человек искренне кается»,— подумал один из членов коллегии и, почувствовав некоторую неловкость и даже нечто вроде жалости, посмотрел на своего соседа справа. На вдумчивом лице соседа справа тоже было какое-то неопределенное выражение, которое могло означать: «Все-таки здорово мы ему, бедняге, треплем нервы...»

Тогда член коллегии посмотрел на своего соседа слева. Тот был человек нервный, восприимчивый. На него безжалостное самобичевание Сергея Борисовича действовало угнетающе, как зубная боль.

А Зотова сидела тихая и задумчивая, и только иногда морщились ее красивые брови.

«Ей за меня больно», — растроганно подумал Сергей Борисович и закончил свою речь проникновенными и страстными словами:

— ...Работа для меня — все! Я весь отдавался ей! А если я допустил ошибки, то всей своей жизнью, всей своей дальнейшей работой я готов доказать...

Он опустился на стул и нервно схватился за папиросы.

— А до этого вы руководили заводом? — Это прозвучал мелодичный голос Зотовой.

— Да, да, — поспешно и кротко согласился Сергей Борисович.

— И Госконтроль обнаружил у вас заниженные планы? После чего вас сняли с работы?

«Я брежу или чего-нибудь недопонимаю? К чему это она?» — холодея, подумал Сергей Борисович и мягко ответил:

— Да, я не скрывал и не скрываю своих ошибок. Я был введен в заблуждение и потерял правильную ориентировку.

— Но государство на вашем заблуждении недополучило важнейшей продукции на полтора миллиона рублей?

— Я в свое время это признал, — с достоинством произнес Сергей Борисович и ясным взглядом, взывающим о помощи, оглядел остальных членов коллегии.

— Хорошо. Или, скорее, очень плохо, — все так же мелодично сказала Зотова. — А еще раньше вы, кажется, возглавляли конный завод?

— Конный, — послушно отозвался Сергей Борисович и с содроганием подумал: «Это называется — женское сердце!..»

— ...И вас убрали оттуда после того, как вы допустили падеж поголовья?

Сергей Борисович приободрился и не без сдержанной гордости сказал:

— Нет, на этот раз все обошлось благополучно.

— То есть, что это обошлось благополучно? Лошади воскресли?

Сергей Борисович позволил себе горько улыбнуться и сочувственно поглядел на членов коллегии. «Вот, мол, приходится нам с вами бабью болтовню слушать. Не будете же вы с ней считаться. Вы же видите, что я честно и откровенно...» И он сказал с чувством некоторого превосходства:

— Лошади, разумеется, не воскресли. У них был сап. Но я был освобожден от занимаемой должности по болезни.

— Так,— Зотова улыбнулась, но что это была за улыбка! — Так. У лошадей был сап, а вас освободили по болезни. А убыток государству исчислялся в сотни тысяч...

Остальные члены коллегии смотрели холодно и уже не чувствовали ни жалости, ни неловкости. Перешли к вопросу о фабрике.

...В этот день во всех цехах, на складах, в бухгалтерии и даже в проходной будке о Сергее Борисовиче говорили в прошедшем времени, как о покойнике: он был... он делал то-то и то-то, он не делал того-то... Вспоминали его нетерпимость к критике, громко говорили о его ошибках; подсчитывали, во что они обошлись государству. Те, кто сталкивался с ним лично, перечисляли свои личные обиды и каждое лыко (а лык было надрано немало) ставили ему в строку. Хвалили Зотову: «Даром что молоденькая, а быстро его раскусила. А он все думал, что с него, как с гуся вода...»

В это время сам Сергей Борисович сидел в своем или, точнее, в бывшем своем кабинете и сдавал дела. Очень неприятно было сидеть в бывшем своем кабинете, в бывшем своем кресле, которое уже и не грело и не располагало к полуночному бдению. Неловко и совестно брать трубку не вовремя раззвонившегося телефона и отвечать... чорт его знает, что тут отвечать? Что я — уже не я, сижу и сдаю дела не по собственному желанию...

Поздно вечером, вернувшись домой, он сказал нарочно громко, чтобы слышала Ирина за дверью:

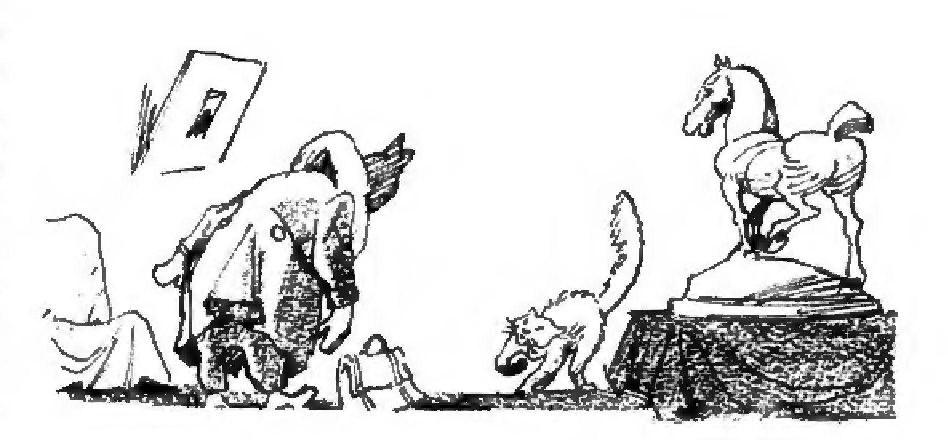
— Их растишь, душу в них вкладываешь — и вот вам! Мне сегодняшний день таких нервов стоил! Всего себя, как перчатку, вывернул. Честно, искренно, откровенно признал все, все до единой ошибки, а она... она сказала, что... лошади от этого не воскресают! Логика! Вот она, молодежь! И это еще называется — женское сердце!

Елизавета Ивановна поглядела на него заплаканными, чужими глазами и сказала:

— Для кого ты кричишь? Я и так слышу, а Ирина... Ирочка переехала в общежитие.

Сергей Борисович поперхнулся и выронил портфель.

И только кот Бублик, подчеркивая, что его кошачья совесть чиста и что его дело — сторона, выгнул спину, потерся о ножку стола и произнес не без приятности: «Мрр... мр...»



Кончается год. Летят белые мухи, чистый снег устилает землю. Зима.

В средней полосе России по народному календарю 7 декабря—первое катанье на санях, а следовательно, установление постоянного санного пути; 9, 17—19-е — морозы; 25-е — день едва ли не всем известного Солнцеворота — «солнце на лето, зима на мороз»,— день прибывает на «воробьиный скок», т. е. на две минуты.

Астрономически зима начинается 22 декабря. К этому времени снежный покров становится подобным пышному одеялу, с зимой уже свыклись, и ей приметы и согласны в том, что в «зимний холод — всякий молод».

В декабре среднемесячная температура понижается до —7,9°, часы солнечного сияния доходят до минимума, во второй половине месяца обычны крепкие морозы, а в конце его — метели.

Морозы бывают сердитые: например, в 1892 году они доходили в Москве до —36,8°, но иногда почти весь декабрь стоит сравнительно теплый, как в прошлом году, когда мороз завернул только перед Новым годом.

Декабрь дает последний показатель для определения среднегодовой температуры: она составляет 3,8°, является положительной и — небезынтересно отметить — ближе всего подходит к апрельской (3,7°).

Как эти, так и предшествующие данные приведены по Москве. Ее среднегодовая температура близка к среднегодовым температурам целого ряда местностей, расположенных на огромной площади средней полосы России. К этим местностям относятся о. Валаам, Кронштадт, Новгород, Владимир, Горький, Ульяновск, Куйбышев.

Наиболее изменчивы среднегодовые температуры на севере и северо-востоке Союза, наиболее устойчивы на юге и по берегам морей, Москва занимает среднее положение.

Говорят, что зимой вся природа спит. Это, конечно, неверно. Спит лес, спят медведи, барсуки, ежи, суслики, но большинство зверей — волки, лисицы, выдры, зайцы, лоси и другие — бодрствует, не спит ни одна птица, клесты вьют гнезда, а подо льдом мечут икру переславская ряпушка, ладожский рипус, онежский жилец, и даже некоторые насекомые в оттепели выползают из своих укромных убежищ «поразмяться» на снегу.

В конце декабря в лучах вечерней зари становятся видимыми ясная, серебристая Венера и красноватый Меркурий, а 27-го числа они особенно близко подойдут друг к другу.

Меркурий вообще редко виден в средних широтах: он слишком близок к Солнцу и обычно скрывается в его лучах или облаках и туманах горизонта. Копернику в тех местностях Польши, где он жил, так и не удалось ни разу наблюдать эту планету, но южнее, например, в южных областях Советского Союза, она видна хорошо.

Б. М.

ЗА РУБЕЖОМ

НЕПОДКУПНАЯ ПРЕССА

— Надеюсь, я заплатил вам достаточно, господин редактор, чтобы ваша газета была неподкупна.

Рисунок Е. Гурова

РУССКИЕ САМОРОДКИ

ТАЛАНТЛИВЫЙ РУССКИЙ КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬ

Север — колыбель русского торгового кораблестроения.

Еще в XIII—XIV столетиях храбрые поморы строили плоскодонные суда, на которых, промышляя в Белом море рыбу и зверя, добирались до Ледовитого океана.

В 13 верстах от Холмогор, при впадении реки Вавчуги в Северную Двину, двинские посадские люди Осип и Федор Бажениньі основали в 1700 году первую в России верфь для постройки торговых судов.

На Вавчугских верфях начал свою работу один из замечательных русских самородков, талантливый конструктор-кораблестроитель С. Т. Кочнев.

Родился будущий судостроитель в 1730 году в селе Ровдогоры, в нескольких верстах от Холмогор. Самоучкой овладел Кочнев знаниями. Благодаря своим природным дарованиям и русской смекалке он достиг высокого совершенства в постройке судов. М. В. Ломоносов, к которому Кочнев приезжал в Петербург, высоко ценил талант Степана Тимофеевича и его заслуги перед отечеством.

Корабли, построенные Кочневым по собственным чертежам, отличались исключительной прочностью и легкостью хода, имели красивую отделку и оснастку. Эти суда бороздили моря и океаны. На них архангельские купцы отправляли за границу муку и пилёный лес, пеньку и льняное семя. Прочные корпуса кочневских кораблей могли противостоять даже льдам Северного Ледовитого океана, куда русские моряки выходили на китобойный промысел. Немало географических открытий и подвигов в арктических водах было совершено на судах, построенных Кочневым.

Слава о замечательном русском кораблестроителе разнеслась далеко за пределы России. Корабли Кочнева были известны во всей Европе. Английские и голландские фирмы спешили сдать заказы на постройку судов Вавчугской верфи. В предварительных условиях они особо оговаривали, чтобы постройку производил мастер Степан Кочнев, и за эти суда платили значительно дороже.

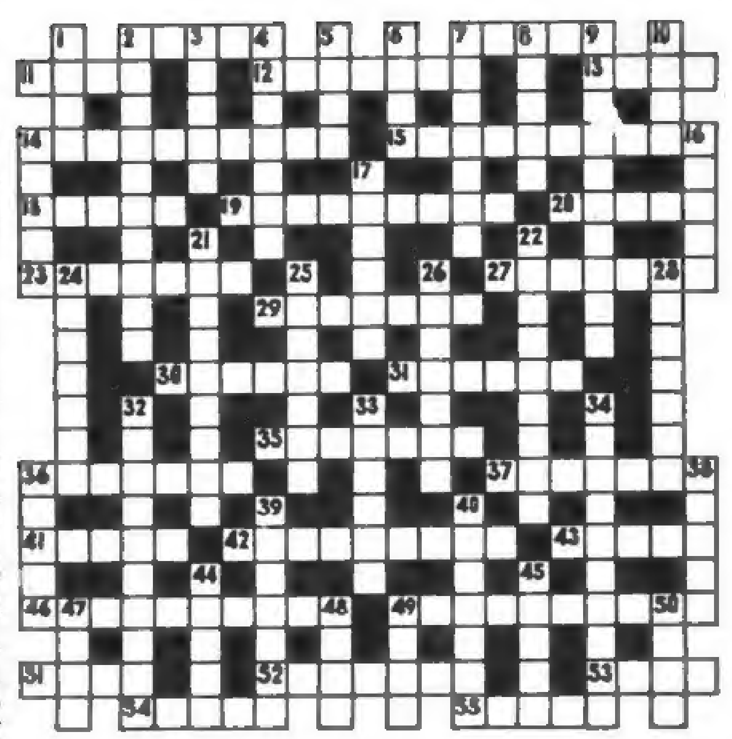
Газета «Московские ведомости», рассказывая о спуске летом 1787 года двух больших мореходных судов «Архангельск» и «Северная Двина», построенных С. Т. Кочневым, писала: «...должно отдать справедливость искусству мастера мореходных ластовых судов государственному Ровдогорской волости поселянину Степану Кочневу, строившему сии суда, который в последнюю между морских держав войну прочною с особливым искусством постройкою многих судов на счет иностранных, снискал в чужих краях лестное весьма доверие».

С. Т. Кочнев был не только отличным конструктором-кораблестроителем, но и всесторонне образованным человеком.

В 1788 году Кочнев составил для Академии наук записку о первом периоде жизни М. В. Ломоносова. Эта работа была опубликована в 1865 году.

Умер С. Т. Кочнев в 1828 году, дожив почти до 90-летнего возраста.

Н. ПИКИНЕВ



КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Лопатка с загнутыми боковыми краями. 7. Надпись на конверте. 11. Здравица. 12. Песня композитора В. Белого. 13. Род верхней одежды. 14. Наука о всеобщих законах движения и развития. 15. Чемпионка Европы в метании копья. 18. Большое количество. 19. Наука, изучающая Землю. 20. Опера Римского-Корсакова. 23. Город в Узбекской ССР. 27. Карлик. 29. Персонаж романа Пушкина. 30. Советская автономная республика. 31. Драматург XVII века. 35. Прославленный русский адмирал. 36. Персонаж романа Тургенева «Отцы и дети». 37. Ягоды. 41. Известный советский шахматист. 42. Набор шрифтов. 43. Река на Кавказе. 46. Вид новейшего лечебного препарата. 49. Советская республика. 51. Оптический прибор. 52. Сельскохозяйственная машина. 53. Город и река в Сибири. 54. Дерево. 55. Горная система в СССР.

По вертикали:

1. Город в Грузинской ССР. 2. Учение о выразительных средствах языка. 3. Приток Камы. 4. Выдающийся деятель. 5. Курорт в СССР. 6. Сорт яблок. 7. Лекарственный препарат. 8. Город в Украинской ССР. 9. Профессионал. 10. Поэтическое сказание, легенда. 14. Вал, предохраняющий от затопления. 16. Старинное название рубина и сапфира. 17. Место разработки драгоценного ископаемого. 21. Известный советский спортсмен. 22. Специальность. 24. Персонаж оперы Лысенко. 25. Русский художник. 26. Советский писатель. 28. Часть затвора винтовки. 32. Принадлежность проекционного фонаря. 33. Русский художник. 34. Советский композитор. 36. Коробка, в которой вращается ось вагона. 38. Веревка для ловли животных. 39. Род густой массы. 40. Кафедра для оратора. 44. Строительный материал. 45. Экземпляр редкого растения. 47. Часть суток. 48. Город в Карело-Финской ССР. 49. Резкий, сильный толчок. 50. Вокальное произведение для одного голоса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

1. Чемпион. 4. Гардина. 11. Атака. 12. Волк. 13. Кара. 14. Рама. 15. Урал. 17. Рондо. 18. Истра. 19. Полигон. 21. Ромашов. 23. Водород. 25. Гипотеза. 26. Радиатор. 28. Кашалот. 31. Пирогов. 34. Василек. 36. Олифа. 37. Цифра. 38. Туча. 40. Лира. 42. Ефес. 44. Руда. 45. Кварц. 46. Номинал. 47. Магадан.

По вертикали:

1. Четверг. 2. Полк. 3. Ольха. 5. Акула. 6. Дрок. 7. Ашхабад. 8. Казаков. 9. Балерина. 10. Фамусов. 14. Роса. 16. Лицо. 19. Поленов. 20. Нордвик. 22. Олива. 24. Олово. 27. Трибунал. 29. Арат. 30. Тачанка. 31. Петлица. 32. Овца. 33. Гобелен. 35. Караван. 39. Улица. 41. Рампа. 43. Сани. 44. Рица.

Обо всем

ОХОТНИКИ ЗА СУСЛИКАМИ

Чайки-хохотуньи, гнездящиеся на Лебяжьих островах, в заповеднике у северо-западного побережья Крыма, наряду с охотой на морских животных уничтожают таких вредителей сельского хозяйства на полях прибрежных колхозов и совхозов.

Натуралист Ф. А. Киселев наблюдал в заповеднике, как эти крупные морские птицы, крики которых похожи на хохот, ловят сусликов. Завидев грызуна, чайка «пикирует» на него и с налета бьет клювом. Оглушенный суслик падает, но все же встает и пытается бежать. Птица тогда наносит ему еще несколько ударов, потом хватает клювом и, поднявшись метров на тридцать — пятьдесят, бросает на землю. Чайка повторяет эти приемы до тех пор, пока не убивает суслика, и летит затем со своей добычей к гнезду.

За день чайка может уничтожить несколько сусликов, а каждый из них, поселившись в посевах, как известно, съедает и портит за лето до 16 килограммов зерна.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ, А. Н. СТУДИТСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-41.

Оформление Л. Шумана

А—04416. Подписано к печати 28/XI—50 г. Изд. № 693. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2820. Рукописи не возвращаются

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1951 год

на еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал

29-й ГОД ИЗДАНИЯ

В 1951 году подписчики «Огонька» получат следующие платные приложения:

1. Собрание сочинений М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

12 томов в коленкоровом переплете

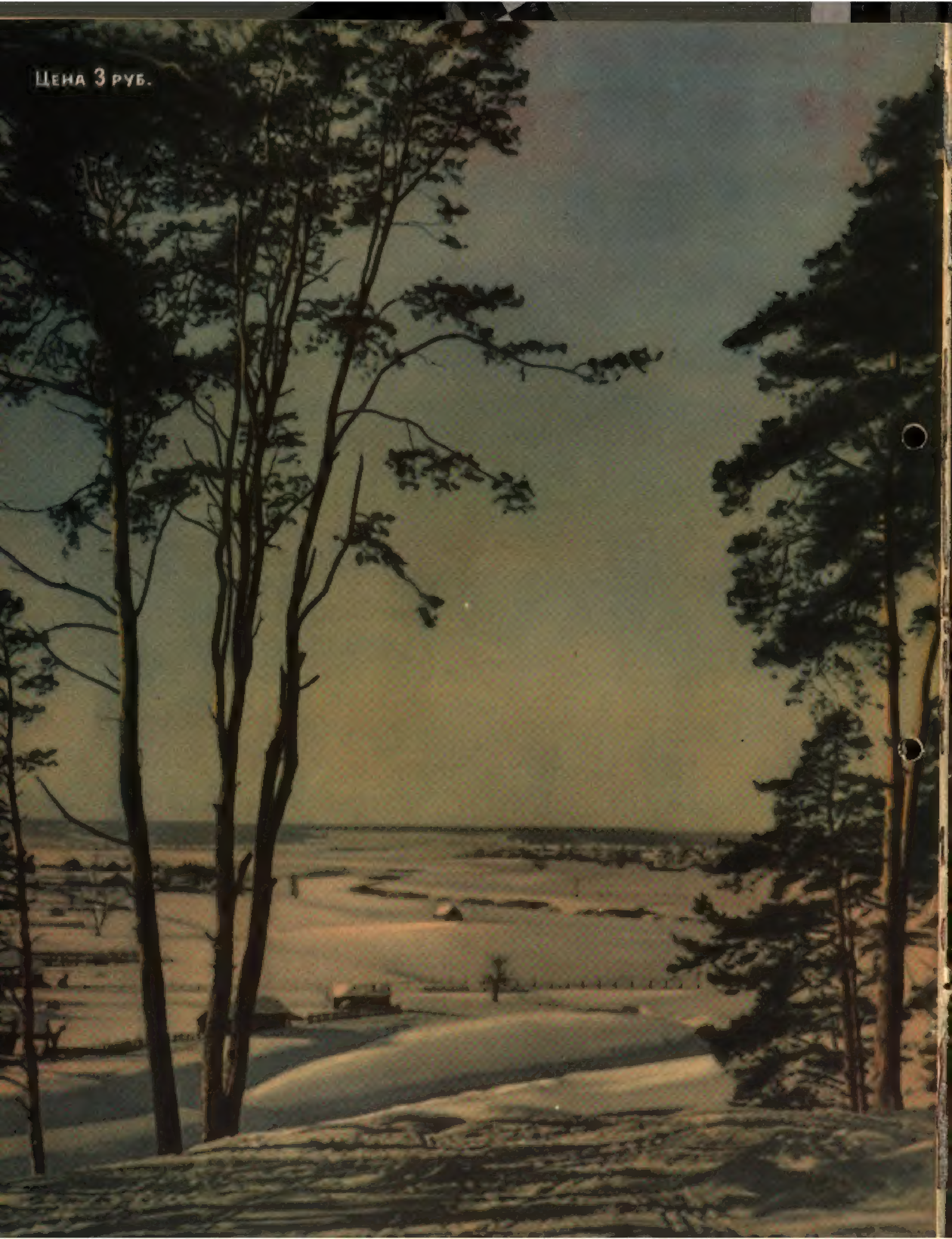
2. БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

52 книжки советских и прогрессивных иностранных писателей

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

	На 12 мес.	На 6 мес.	На 3 мес.
«Огонек» без приложений	150 р.	75 р.	37 р. 50 к.
«Огонек» с приложением собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина	258 р.	129 р.	64 р. 50 к.
«Огонек» с приложением Библиотеки «Огонек»	180 р.	90 р.	45 р. —
«Огонек» с обоими приложениями	288 р.	144 р.	72 р. —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ НА ПОЧТЕ И В ОТДЕЛЕНИЯХ СОЮЗПЕЧАТИ.


Цена 3 руб.